

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Кафедра геополитики

На правах рукописи

Мирзаянов Рамиль Хакимович

**Международный терроризм и экстремизм как глобальный феномен:
тенденции развития и опыт противодействия**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
В.С. Мирзеханов

Москва – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические и концептуально-методологические основания исследования современного экстремизма и терроризма	23
1.1. Феноменология экстремизма и терроризма в политических науках.....	23
1.2. Социально-экономические и общественно-политические корни и генезис экстремистских и террористических угроз.....	36
1.3. Сценарии и механизмы предотвращения экстремистской и террористической деятельности в первой четверти XXI века (внешнеполитический аспект)	48
Выводы по главе 1.....	59
Глава II. Тенденции развития экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России	61
2.1. Этнополитический конфликт в Чечне, технологии его разрешения и их применимость на международном уровне	61
2.2. Региональные контртеррористические операции в России и за ее пределами: причины и результаты.....	71
2.3. Рост политического экстремизма и терроризма и политико-правовые механизмы противодействия им.....	87
Выводы по главе 2.....	101
Глава III. Модели антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства.....	106
3.1. Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом на российском фоне.....	106
3.2. Россия и международные организации в борьбе с негативными социальными явлениями (экстремизм и терроризм)	117
3.3. Концепции модернизации антиэкстремистского законодательства в соотношении с противодействием терроризму в правовом поле России	127
Выводы по главе 3.....	140
Заключение.....	143
Библиография	148

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования

Имея длительную историю, терроризм и экстремизм в настоящее время становятся глобальной угрозой и вызовом мировому общественному развитию. Иными словами, афористическое сравнение терроризма и экстремизма с «чумой XXI века» недалеко от истины, что позволяет исследователям их относить к глобальным проблемам современности¹.

Несмотря на большое количество исследований, проводимых специалистами по экстремизму и терроризму, некоторые теоретико-методологические вопросы по указанной проблематике (например, соотношение между этими феноменами) не прояснены в полной мере, что проявляется даже в политико-правовых документах противодействия этим явлениям, включая декларации, директивы и стратегии ООН. Это связано, прежде всего, с тем, что насильственная природа терроризма и экстремизма генетически неизменна, но форма их проявлений непрерывно мимикрирует и трансформируется сообразно мировым реалиям и специфике социально-политических процессов, что, на наш взгляд, требует серьезного осмысления.

Актуальность проведения глобальных исследований терроризма растет. Как сообщает отчет Global Terrorism Index 2023, террористические атаки стали более смертоносными, их летальность в последнее время выросла на 26%. Общая смертность от терроризма в мире в целом немного снизилась, хотя в значительной степени это снижение связано с превращением Талибана из террористической группы в государственного актора. За пределами Афганистана смертность от

¹ См.: Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 160.

терроризма в остальном мире выросла на 4%. «Исламское государство» (ИГ)² и его филиалы остаются самой смертоносной террористической группировкой в мире восьмой год подряд – в 2022 году ИГ взяла на себя ответственность за теракты в 21 стране. В наиболее страдающем от терроризма регионе Сахеля (на него приходится 43% смертей от терроризма в мире) число смертей в результате терактов выросло в 18 раз по сравнению с уровнем 2017 года. При этом снижение уровня терроризма на Западе сопровождается интенсификацией его проявлений в других регионах³.

В настоящее время понятие терроризма в международной политической практике трактуется весьма широко, под определение «террористических» могут попадать любые насильственные и криминальные действия, совершаемые в связи или во имя достижения каких-то политических целей, направленных на резкое изменение, крушение, свержение сложившегося национального или международного порядка. Для последнего случая характерно использование ярлыков типа «государство – спонсор терроризма» или даже «государство-террорист», раздаваемых коллективным Западом странам, активно сопротивляющимся навязываемой им гегемонии. В определенное время для одних стран террористы остаются таковыми, а для других становятся «борцами за свободу», тем самым возвращается ситуация времен противостояния двух больших блоков вокруг СССР и США. Экстремизм в этой связи представляется более широким понятием, включающим в себя не только сами вышеуказанные действия, но и призывы к ним, осуществляемые устно, через печатное слово или по электронным сетям.

В этой связи актуальность выбранной темы определяется следующими соображениями.

Во-первых, необходимостью концептуально-методологического анализа современных экстремизма и терроризма с точки зрения их феноменологии,

² Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

³ Global Terrorism Index 2023 Briefing. Institute for Economics & Peace. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-Briefing-web-170423.pdf> (accessed 13.08.2023).

соотношения, генезиса, социально-экономических причин возникновения, а также механизмов их предотвращения.

Во-вторых, важностью выделения основных тенденций в динамике экстремистских и террористических проявлений, а также механизмов предотвращения этих проявлений на примере современной России (работающих как внутри страны, так и за ее пределами).

В-третьих, принципиальной приоритетностью осмысления антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства как внутри страны, так и за ее пределами, во взаимодействии с другими субъектами международного права и мирового сообщества в целом.

Диссертация имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Результаты диссертационного исследования легли в основу практических выводов и рекомендаций, способных расширить представления о феноменологии терроризма и экстремизма в современных реалиях, а также о возможностях противодействия им на международном уровне.

Все вышеотмеченное свидетельствует о несомненной теоретической и прикладной актуальности темы диссертационного исследования, которая в полной мере соответствует паспорту специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», в частности, п. 7 и п. 8.

Степень научной разработанности проблемы. Поскольку проблема терроризма и связанного с ним экстремизма (хотя терминологически последний оформился и вошел в научный и политический оборот несколько позже, во второй половине XIX века) актуализировалась в той или иной степени еще в древности, то мы обращались как к античным авторам, так и к классикам Нового и Новейшего времени, а также к их подходам в определении сущности терроризма и экстремизма, в основе которых присутствует насилие актуально или потенциально⁴.

⁴ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983; Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. / Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси; пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Акад. Проект: Альма Матер, 2013; Клаузевиц К. О войне. Избранное. / Перевод Рачинский А.К. – М.: АСТ, 2019; Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 3 т./ Энтъенн Бонно де Кондильяк; общ. ред. вступит. статья и примеч. В.М.

Вопрос корректного определения понятий терроризма и экстремизма поднимался целым рядом авторов – отметим здесь работы Ахмедишина Р.Л., Гуторова В. А., Ширинянца А. А., Смертина А.Н., Грачева С.И.⁵ Выдающийся европейский исследователь терроризма Э.Шмид еще в своей работе 1998 года сопоставил более сотни определений терроризма, разработанных в научной литературе на тот момент, и аргументированно показал, почему ни одно из них нельзя принять как исчерпывающее⁶. Т. Бэди предлагает исходить «от противного» и показывает в своей работе, как определению терроризма способствует разграничение его от других типов насилия, которыми он НЕ является⁷. Е.А. Степанова отмечает, что размытость понятия терроризма проистекает из его острой политизированности⁸. Г.П. Кулешова показывает несовершенство определения феномена терроризма в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁹.

В целом общепринятым является представление о тесной связи явлений экстремизма и терроризма, однако характер этой связи и собственно соотношение экстремизма и терроризма в текущих глобальных и национальных политических реалиях остается предметом научной дискуссии, в которую внесли вклад работы

Богуславского. – М., 1980–1983; Кондильяк. Э.Б. Трактат об ощущениях. / Э.Б. де Кондильяк; под ред. Е.П. Ситковского. – Изд. 2-е. – М.: URSS: Либриком, 2011; Конфуций. Антология мировой политической мысли. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 9: Июль 1904 – март 1905. – 1960; Макиавелли Н. Государь. / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011; Манхейм К. Диагноз нашего времени. / Карл Манхейм. – М.: Юрист, 1994; Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998; Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. - Л., 1939; Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х томах. – Т.3. – М.: Наука, 1965; Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. - М.: Правда, 1991; Тойнби А.Дж. Постижение истории. - М.: Прогресс, 1991; Флавий И. Иудейская война. - Минск: Современный литератор, 2004; Энгельс Ф. Письмо К. Маркса от 4.09.1870 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т.33. – М.: Издательство политической литературы, 1964.

⁵ Ахмедишин Р.Л. О проблеме отсутствия единой дефиниции терроризма// Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. №1(23). С. 13–17; Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54; Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий// Вестник СПб. университета МВД России. – 2009. - № 1. С. 54–59. Грачев С. И., Корнилов А. А. К вопросу о дефиниции «терроризм» //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2014. – №. 3-1. – С. 242-245.

⁶ Schmid A.P. et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick: Transaction Books, 1998. P. 5–6.

⁷ Badey T. J. Defining international terrorism: A pragmatic approach //Terrorism and Political Violence. – 1998. – Т. 10. – №. 1. – С. 90-107.

⁸ Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология //Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №. 7. – С. 23-32. С. 23.

⁹ Кулешова Г. П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. №3 (43). С. 17–24. С. 18. См. также: Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71).

А.В. Римского и А.В. Артюха (различающих, в том числе, рациональный и иррациональный экстремизм)¹⁰, И.Е. Ильичева¹¹, А.В. Богданова и Е.Н. Хазова¹² (исследующих определения экстремизма в международных и российских нормативных актах), В.Г. Кокорева¹³ (концентрирующегося на сопоставлении существующих определений), А.Я. Гуськова¹⁴, Н.В. Володиной и П.Э. Жигоцкого (рассматривающих правоприменение, касающееся экстремистских преступлений, и систематизирующих соответствующие составы преступлений)¹⁵. Особо отметим работы, проливающие свет на политику «двойных стандартов» в международных определениях экстремизма и терроризма, представляющую серьезную проблему – когда экстремисты, действующие в интересах кого-либо из крупнейших глобальных игроков (в частности, США и их союзников), объявляются «борцами за свободу» и им оказывается разнообразная помощь и поддержка (от финансовой до информационной)¹⁶.

Особо отметим работу Х.С. Сафарова, обратившего внимания научного сообщества на необходимость разделять такие понятия, как «антитеррористическая деятельность», «противодействие терроризму», «контртеррористическая деятельность» и «борьба с терроризмом», и на недостаточную четкость их дефиниций именно в том, что касается отличия этих терминов друг от друга¹⁷. Отметим также работу М.П. Киреева и соавторов, в которой разграничиваются понятия «террористической деятельности» и

¹⁰ Римский А. В., Артюх А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления //НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 10. – №. 16 (71). – С. 244–249.

¹¹ Ильичёв И. Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 4-12.

¹² Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью. Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231-236. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности. Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 136-141.

¹³ Кокорев В. Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» //Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №. 1 (047). – С. 239-244.

¹⁴ Меркурьев, В. В., Белоцерковский, С. Д., Гуськов, А. Я., Паненков, А. А., Соколов, Д. А., & Васнецова, А. С. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.

¹⁵ Володина Н.В., Жигоцкий П. Э. Исламистский религиозный экстремизм: правовой и философский аспекты // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. №1. С. 86–94.

¹⁶ Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм //Социология власти. – 2012. – №. 3. – С. 233-240.

¹⁷ Сафаров Х.С. К вопросу о соотношении законодательных определений понятий «антитеррористическая деятельность», «противодействие терроризму», «контртеррористическая деятельность» и «борьба с терроризмом» // Труды Академии управления МВД России. - 2011. - № 4 (20). С. 89-94.

«экстремистской деятельности»¹⁸. В более поздних работах раскрываются детали этих явлений – так, ряд исследователей рассматривают специфику (в особенности правовую) контртеррористических операций¹⁹ и контртеррористической деятельности²⁰, а также вопросы криминализации терроризма и экстремизма в целом²¹.

Вопросы хронологии развития терроризма на протяжении истории человечества охватываются работами М.П. Киреева и его соавторов²².

Представляется весьма важным такое направление изучения экстремизма и терроризма, как составление типологий и классификаций этих явлений. Что касается экстремизма, В. А. Пономаренков и М. А. Яворский предлагают при построении таких типологий отталкиваться от сфер проявления экстремизма²³. Е.А. Степанова упоминает в качестве двух наиболее «простых» и распространенных классификаций терроризма, во-первых, подразделение террористических проявлений на внутренние и международные (при этом она подчеркивает, что в настоящее время грань между этими двумя категориями оказывается более размытой, чем когда бы то ни было на протяжении истории), а, во-вторых, функционально-идеологическую дифференциацию этих проявлений, в рамках которой выделяются «терроризм мирного времени», «терроризм как систематическая тактика вооруженного конфликта» и «супертерроризм»

¹⁸ Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий "террористическая деятельность" и "экстремистская деятельность" // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. - № 3;

¹⁹ Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России. - 2017. - № 3 (43). – С. 36-40; Строков С. А., Шеншин В. М. Особенности правового режима контртеррористической операции // Право в Вооруженных силах. – 2018. – №. 1. – С. 109-117; Алешин В. В. О некоторых правовых аспектах осуществления режима контртеррористической операции // Право и образование. – 2014. – №. 9. – С. 117-126. Луценко В. В., Семёнова И. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – №. 4-1. – С. 44-49.

²⁰ Ефимова М.А. Контртеррористическая деятельность России // Постсоветские исследования. – 2020. - Т.3. - №1. С. 40-47.

²¹ Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности // Вестник экономической безопасности. – 2019. – №. 3. – С. 136-141.

²² Попов А. П., Киреев М. П., Попов А. А. Исторические источники понимания терроризма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – №. 1. – С. 89-92. Киреев М. П., Акиев М. Х. Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды академии управления МВД России. – 2012. – №. 4 (24). – С. 70-74. Киреев М. П. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. – 1995. – №. 4. – С. 20-43.

²³ Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. - 2008 - № 2. - С. 41-43.

(подробнее см. в параграфе 1.2)²⁴. Одна из наиболее ранних классификаций принадлежит У. Во, различавшему терроризм против иностранных лиц или иностранной собственности; «интегрированный» внутренний терроризм, когда либо цель, либо террорист являются коренными жителями данного государства; и внешний терроризм, когда террористический акт происходит за пределами границ государства целевого правительства²⁵. Существуют типологии, построенные на различии между левыми и правыми террористами и иных видах политической ориентации; Э. Шмид и его соавторы М. Штоль и П. Флемминг предложили классифицировать террористов на выбирающих и не выбирающих государство в качестве своей цели²⁶. Еще одна из первых классификаций терроризма, выстроенная Р. Шульцем, различала революционный терроризм, субреволюционный терроризм (против конкретной части политической системы) и терроризм, направленный против власть предержащих²⁷.

Положив в основу классификации типы целей, выбираемых террористами, Т.П. Торнтон еще в 1960-х гг. выделил террористические акты, нацеленные на «создание морального духа, рекламу, дезориентацию, устранение противоборствующих сил и провокацию контрмер лицами, находящимися у власти»²⁸. Эта типология была впоследствии расширена Дж. Бойером Беллом, который рассмотрел «четыре типа революционного террора – организационный, лояльный, функциональный и символический – и две формы манипулятивного террора – тот, который эксплуатирует и усиливает воздействие насилия, и тот, который используется в ситуации торга»²⁹.

Особо отметим исследования природы и характеристик важной разновидности феномена экстремизма – религиозного экстремизма; в настоящее

²⁴ Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология //Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №. 7. – С. 23-32. С. 23.

²⁵ Waugh Jr W.L. International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists. Salisbury, NC: Documentary Publications, 1982.

²⁶ Schmid A.P., Stohl M. and Flemming P. 'Typologies'. In A.P. Schmid et al., Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. - Amsterdam: North-Holland, 1988, pp. 39–59.

²⁷ Shultz R. Conceptualising political terrorism: a typology // Journal of International Affairs, 21(1), 1978, pp. 7–15.

²⁸ Thornton T.P. Terror as a weapon of political agitation. In H. Eckstein (ed.), Internal War: Problems and Approaches. - New York: Free Press of Glencoe, 1964, pp. 82–88.

²⁹ Bowyer Bell J. Transnational Terror. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1975.

время наибольшее внимание получает исламистский экстремизм, хотя, разумеется, экстремистские проявления могут быть связаны с разными конфессиями. Отметим сразу, что специалисты по мусульманскому праву и востоковеды (в первую очередь, Л.Р. Сюкияйнен³⁰ и А.А. Игнатенко³¹), анализируя исламские правовые нормы, полностью развенчивают заявления исламских экстремистов о том, что они служат исламу – показывая с опорой на исламские источники права, что экстремистские проявления и террористическая деятельность, якобы направленные на служение религии, на самом деле дискредитируют ее и противоречат этим источникам права. Об исламском экстремизме как специфическом типе поведения пишет востоковед В.В. Наумкин³².

Возникновение новых инструментов мировой террористической практики, связанных с появлением новых технологий (прежде всего, цифровых), затрагивает финансовую и информационную³³ сферу, расширяется объем научных знаний о таких новых видах терроризма, как биологический и химический терроризм³⁴,

³⁰ Сюкияйнен Л. Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 24–43. Сюкияйнен Л.Р. Экстремизм и терроризм: оценка исламской правовой мысли // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 192 – 216.

³¹ Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма //Россия и мусульманский мир. – 2009. – №. 11. – С. 130-150. Игнатенко А.А. Осторожно: ваххабизм! Идеи радикального направления в исламе несут угрозу свободе совести // Религия и право. 24.02.2009. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=216&ELEMENT_ID=2165 (дата обращения: 15.08.2023).

³² Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов //Россия и мусульманский мир. – 2006. – №. 7. – С. 182-215.

³³ Бураева Л. А. Информационный терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – №. 6. – С. 139-141. Бураева Л. А. Информационные войны и информационный терроризм в современном мире: методы и поле действия //Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – №. 1 (57). – С. 7-11. Туронок С. Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия //Общественные науки и современность. – 2011. – №. 4. – С. 131-140. Люев Т. Х. Информационный терроризм-как один из видов террористических угроз в условиях глобализации информационного пространства //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – №. 5. – С. 247-249.

³⁴ Капитонова Е. А. Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – №. 1 (41). – С. 57-67. Онищенко, Г. Г., Топорков, А. В., Липницкий, А. В., & Викторов, Д. В. (2016). Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе. *Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение*, (1 (14)), 24-31. Шевырев Д. Н. Биологический терроризм: проблемы категорий //Медицинское право. – 2020. – №. 4. – С. 24-29. Кобец П. Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы-биологического терроризма и меры по его профилактике //Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – №. 1 (28). – С. 72-78.

ядерный терроризм³⁵. Растет уязвимость критической инфраструктуры, появилось общее понятие технологического терроризма.

Внешнеполитический контекст, в котором сейчас строятся национальные стратегии борьбы с терроризмом, весьма ярко описан Зб.Бжезинским³⁶, заслуживающие внимания наблюдения на стыке внешнеполитического и экономического контекстов содержатся в работе Дж.Стиглица³⁷. Следует также отметить ряд работ, посвященных различным видам социально-политической дестабилизации, одним из которых является терроризм (особенно важны исследования, посвященные революционной дестабилизации, поскольку революции и террористическая деятельность на протяжении значительной части современной человеческой истории были тесно взаимосвязаны) – в первую очередь, это труды Х. Арендт, П. Генифе, Л.П. Эдвардса, Дж. Голдстоуна, А.В. Коротаева³⁸.

При определении тенденций развития экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России внутри страны и за ее пределами, а также политико-правовых механизмов снижения экстремизма было обращено внимание на значительное число исследований российских ученых, в том числе, касающихся интернационализации международного терроризма³⁹ и построения системы антитеррористической безопасности (в том числе в правовом аспекте)⁴⁰,

³⁵ Косачев К. И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним //Государство и право. – 2004. – №. 8. – С. 85-94. Косачев К. И. Место и роль международного права в борьбе с угрозами ядерного терроризма //Государство и право. – 2006. – №. 11. – С. 62-69. Косачев К.И. Политические и правовые основы борьбы с угрозами международного ядерного терроризма. М.: Научная книга, 2005. Луков В. В. Новые особенности ядерного терроризма //Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – №. 3. – С. 12-23.

³⁶ Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения. – 2007; Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. - М.: Междунар. отношения, 1998; Бжезинский, Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. - Москва: Международные отношения, 2010.

³⁷ Стиглиц Дж.Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Джозеф Стиглиц; [пер. с англ. В. Лопатка]. - Москва: Эксмо, 2011.

³⁸ Арендт Х. О революции. М.: Издательство «Европа», 2011; Генифе П. Политика революционного террора, 1789-1794. М.: УРСС. – 2003; Эдвардс Л.П. Естественная история революции / Пер. с англ. О.С. Грязновой; Под ред. Н.Я. Мазлумяновой // Социологический журнал. – 2005. - № 1 – С. 101-131. Голдстоун Д., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // Полис: Политические исследования. – 2022. – № 4 – С. 108–119.

³⁹ Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации// PolitBook. – 2017. – № 1; Грачев С. И., Мольков С. Н. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия //Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – №. 2 (24). – С. 32-35.

⁴⁰ Петров А.В. Построение системы антитеррористической безопасности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. - № 1 (17); Петров А. В. Антитеррористическая безопасность: сущность и

а также создания Национального антитеррористического комитета⁴¹. Нельзя не сказать о значительном корпусе работ⁴², посвящённых терроризму в контексте этнополитического конфликта в Чечне (особо следует выделить труды В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева⁴³). Заслуживает отдельного упоминания цикл работ Д.В. Малышева о террористической угрозе в современных среднеазиатских государствах, имеющих тесные связи с Россией⁴⁴.

В последние годы внимание многих исследователей привлекала контртеррористическая операция России на территории Сирии, где гибридный вооруженный конфликт имел своей составной частью не только противостояние сирийского режима радикальной и ультрарадикальной (террористической) оппозиции, но и активное вмешательство международных террористических группировок, в борьбе с которыми Россия оказала существенную помощь правительству Б. Асада⁴⁵.

Для построения моделей современной антиэкстремистской и контртеррористической деятельности государства с учетом модернизации законодательства Российской Федерации в противодействии терроризму были

содержание //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2018. – №. 1. – С. 113-122. Долгова А. И. Система правового регулирования борьбы с терроризмом //Военное право. – 2018. – №. 4. – С. 50. Долгова А. И. Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм //Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 5-12.

⁴¹ Токбаев А.А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 3;

⁴² Gammer M. Between Mecca and Moscow: Islam, Politics and Political Islam in Chechnya and Daghestan //Middle Eastern Studies. – 2005. – Vol. 41. – №. 6. – P. 833-848; Walker E. W. Islam in Chechnya //Contemporary Caucasus Newsletter. – 1998. – Т. 6. – С. 10-15.

⁴³ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Нация, 2001; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского Университета, 2011.

⁴⁴ Малышев Д. В. Радикализация ислама в Центральной Азии и Запад //Актуальные проблемы Европы. – 2016. – №. 3. – С. 186-205; Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. – 2017. - № 4; Малышев Д. В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии //Проблемы европейской безопасности. – 2017. – №. 2. – С. 66-102. Малышев Д. В. Государства Южного Кавказа: Евро-атлантическая и евразийская альтернативы в сфере безопасности //Проблемы европейской безопасности. – 2016. – №. 1. – С. 89-128.

⁴⁵ Манойло А. В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России //Актуальные проблемы Европы. – 2020. – №. 2. – С. 145-172. Аксененок А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки. 27.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-voiny-k-miru/> (дата доступа 09.08.2023); Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке / РАН. Институт Африки. Российский университет дружбы народов. - М.: Центрполиграф, 2018. - 670 с. Долгов Б. В. Сирийский кризис на новом этапе: 2017-2019 // АПЕ. 2020. №2. С. 122 – 144. Васецова Е. С. Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. №2. С. 282–294.

использованы соответствующие работы Алехина Е.В., Алешина В.В., Гордиенко В.В., Дзлиева М., Иззатдуста Э., Квинта В.Л., Петровского Д.Н.⁴⁶.

Анализ степени изученности проблемы приводит к выводу о накоплении значительного массива теоретических работ и прикладных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также международных инструментов борьбы с экстремизмом и терроризмом, в той или иной мере отраженных в национальном законодательстве России. Однако наблюдается и недостаточная теоретико-методологическая проработанность в политологическом контексте вопросов соотношения между терроризмом и экстремизмом, их генетической природы. Кроме того, за пределами исследовательского внимания зачастую остаются тенденции развития актуальной борьбы с указанными феноменами в части коалиционного взаимодействия большинства государств под эгидой ООН или других объединений.

Эти обстоятельства обусловили наш выбор объекта и предмета, а также определение цели и задач диссертационного исследования.

Объектом исследования являются международный терроризм и экстремизм, модели и стратегии противодействия этим глобальным вызовам.

Предметом данной диссертации являются тенденции и национально-государственные модели противодействия международным террористическим и экстремистским угрозам на основе политико-правового опыта России.

Целью диссертационного исследования является определение доминирующих тенденций борьбы с международным терроризмом на основе опыта России.

⁴⁶ Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // *Полицейская деятельность*. – 2018. – № 4; Алешин В.В., Петровский Д.Н. Укрепление коллективной безопасности и взаимодействия государств - членов ОДКБ в области противодействия терроризму // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. – 2019. – № 2; Дзлиев М. Современный терроризм: социально-политический облик противника / Мурат Дзлиев, Эльзад Иззатдуст, Михаил Киреев; под общ. ред. В. П. Гордиенко. - Москва: Academia, 2007; Квint В.Л. Концепция стратегирования. В 2-х т. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019; Квint В.Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // *Управленческое консультирование*. – № 1 (85). – 2016; Квint В.Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // *Управленческое консультирование*, - 2016. - № 6 (90); Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий "террористическая деятельность" и "экстремистская деятельность" // *Пробелы в российском законодательстве*. Юридический журнал. – 2016. - № 3.

Для достижения поставленной цели предстояло решить *следующие задачи*:

- выявить специфику и общее содержание явлений терроризма и экстремизма, соотношение между ними в рамках политологического дискурса;
- определить тенденции развития и социально-экономические и общественно-политические корни, генезис экстремистских и террористических угроз;
- в рамках внешнеполитического аспекта выделить сценарии и механизмы противодействия экстремистской и террористической деятельности в первой четверти XXI века;
- выявить основные параметры этнополитического конфликта в Чечне и технологии его разрешения, а также результаты региональных контртеррористических операций за пределами Российской Федерации;
- оценить эффективность политико-правовых механизмов снижения политического экстремизма на примере современной России;
- обозначить национальные модели борьбы государства с терроризмом и экстремизмом на российском примере;
- предложить авторские варианты модернизации антитеррористического законодательства в правовом поле Российской Федерации;
- зафиксировать место России в борьбе с экстремизмом и терроризмом во взаимодействии с международными организациями.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили концепции и теоретические исследования таких зарубежных и отечественных ученых, как Ахмедшин Р.Л., Гутаров В.А., Ширинянц А.А., Ильин И.В., Стиглиц Дж., Косачев К.И., Бжезинский Зб., Тишков В.А., Шабаев Ю.П., Киреев М., Иззатдуст Э., Голдратт Эл. и других.

В работе широко применяются *общенаучные и специальные подходы. Методами и инструментами исследования являются*: анализ, синтез, системный, социально-деятельный подход, в сочетании с компаративным (политическим и

правовым), сценарным, прогностическим и ситуативным. Совокупность данных подходов и методов позволила определить основные тенденции борьбы с международным терроризмом и вклад России в этот процесс.

Источниковую базу исследования составляет большой комплекс документов и материалов и охватывает базовые международные и региональные документы стратегического характера; международные документы, регламентирующие борьбу с отдельными видами терроризма; стратегические документы по борьбе с терроризмом, принятые в Российской Федерации; законы Российской Федерации; а также справочные сообщения российских профильных ведомств (в первую очередь, Министерства иностранных дел Российской Федерации). В отдельную подгруппу источников выделены выступления, заявления и стенограммы встреч Президента России В.В. Путина⁴⁷, а также ряд заявлений других глав государств⁴⁸.

Аналитическую базу исследования составили русскоязычные и англоязычные научные статьи и монографии, а также диссертации, посвященные анализу природы и характеристик преступлений экстремистской направленности, различных проявлений политической нестабильности в целом и терроризма в частности, изучению генезиса и свойств этноконфессиональных конфликтов (в том числе ближневосточных), радикального исламизма, деятельности ИГИЛ⁴⁹ и противодействия ему, разработке вопросов безопасности в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС и широкого круга других тематически релевантных вопросов.

⁴⁷ Встреча Президента РФ с директором ФСБ Александром Бортниковым (стенограмма) 16 июня 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/63513> (дата обращения: 17.03.2021). Выступление В.В.Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385/videos> (дата обращения: 12.05.2021). Выступление В.В.Путина на расширенном заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г. по рассмотрению Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47045/audios> (дата обращения 18.03.2021). Путин заявил о возможности массового возвращения беженцев в Сирию // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/09/putin-zaiavil-o-vozmozhnosti-massovogo-vozvrashcheniia-bezhencev-v-siriiu.html> (дата доступа 01.08.2021). Путин заявил о ликвидации очага международного терроризма в Сирии // ВЕДОМОСТИ. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/11/09/846240-putin-zayavil-likvidatsii-ochaga> (дата обращения: 15.03.2021). Путин призвал спецслужбы СНГ к укреплению связей на фоне угроз терроризма // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/4823739> (дата обращения: 17.03.2021).

⁴⁸ Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года [ПЕРЕВОД] // US DEPARTMENT OF STATE. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian> (дата обращения: 25.03.2021).

⁴⁹ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

Статистическую базу исследования составила база Global Terrorism Database, в которой представлены важнейшие характеристики более 200 000 терактов.

Информационно-аналитическая база исследования представлена аналитическими публикациями крупнейших российских медиаресурсов (Ведомости, Российская газета, РБК и др.).

Информационно-эмпирическую базу исследования составили новостные сообщения таких российских новостных ресурсов, как РИА Новости, РБК, ТАСС и другие.

Научная новизна исследования представлена следующим:

- разработаны авторские определения (в широком и узком контекстах) терроризма и экстремизма, обосновано соотношение между ними в прагматическом контексте, показано влияние на них процессов глобализации, пандемии COVID-19, очередного геополитического противостояния Востока и Запада;
- определены основные тенденции и социально-экономические причины, обусловившие эскалацию международной террористической и экстремистской активности в последние годы;
- на основе авторских сценариев («отсутствия атлантического единства», «консолидации атлантизма» и «ситуационного») выделены три тренда актуализации контртеррористических стратегий с учетом афганских событий: «проатлантический», «инерционный» и «плюралистический»;
- предложена авторская трактовка понятий «контртеррористическая операция» и «антитеррористическая операция» на примере разрешения этнополитического конфликта в Чеченской Республике;
- выявлена специфика региональных контртеррористических операций в России и за ее пределами;
- сформулировано авторское видение типологии современного международного экстремизма, с конкретизацией механизмов государственного

противодействия ему с учетом рекомендаций правоприменительного, социокультурного и информационного характера;

– реализован авторский подход в определении существующих и потенциально актуальных национально-государственных моделей противодействия экстремизму и терроризму в «неоатлантической», «автономной» и «множественной» формах;

– определены направления модернизации правового поля России в части борьбы с терроризмом и экстремизмом с соответствующими рекомендациями по оптимизации правовых норм.

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследуемом в диссертации теоретико-концептуальном дискурсе феноменологии экстремизма и терроризма прослеживается необходимость создания Международного антитеррористического органа (института) в рамках ООН, для реализации во всех видах и формах контртеррористической борьбы и для создания международных коалиций и конкретных оперативных мероприятий по этой проблематике. Анализ уже проводимых акций антитеррористической направленности показывает, что осуществить указанное достаточно сложно, поскольку большинство стран увязывают свое участие в подобного рода союзах и объединениях с собственными геополитическими интересами, что не всегда оправданно. Любые международные усилия в вопросах борьбы с терроризмом и экстремизмом необходимы, однако «груз» национально-государственных предпочтений не всегда позволяет в них участвовать. Зачастую подобное участие сопровождается целым рядом условий, как явных, так и латентных. Поэтому целесообразно рассматривать тенденции развития экстремизма и терроризма и борьбы с ними на примере «ответственного государства», каковым является современная Россия.

2. Пролонгация «ситуационного сценария» имеет право на существование. Здесь следует учитывать события на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии, где борьба с терроризмом для России стала насущной проблемой в трех трендах-стратегиях, выявленных на основе

последовательного анализа американской антитеррористической операции и американских сценариев противодействия терроризму, разработанных Зб. Бжезинским, а также динамики позиции России и европейских стран по этому вопросу. Первый из них – «атлантически ориентированный», отражавший своего рода «геополитическое сжатие» России, показал свою неэффективность, усиливая деградацию «постсоветского» пространства, особенно после ухода США из Афганистана. Второй тренд, «инерционный», исходил из общности интересов центральноазиатских государств СНГ и Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом и террористическим присутствием, без дифференциации между «атлантистами» и лояльными странами. Однако большинство государств увязывает свое участие в антитеррористических акциях со своими национальными предпочтениями и целым рядом явных и латентных условий. Третья версия – «плюралистический» тренд контртеррористической борьбы – отмечена вариативными усилиями в различных евразийских точках: Ближний Восток, Кавказ, а также по линии границ с Афганистаном.

3. В настоящее время подъем экстремизма сопровождается его инструментальным и технологическим многообразием, зачастую в условиях вуалирования истинных целей и задач. На основе анализа литературы выделяются три основных типа механизмов общественного и государственного противодействия экстремизму в различных проявлениях: политико-правовые, социокультурно-ценностные и информационно-ситуативные, которые взаимообусловлены и предполагают координацию политико-правовых государственных мер с социокультурной социализацией антиэкстремистского характера и соответствующей инфобезопасностью. Политико-правовые антиэкстремистские механизмы с необходимостью выступают универсалией правотворчества и правоприменения, в рамках которых следует дифференцировать действия экстремистской направленности, подлежащие административному регулированию, и собственно экстремистские действия – как объект уголовного права.

4. Социально-политическая практика указывает на возможность и необходимость совместного противодействия экстремизму и терроризму в силу их взаимозависимости, даже если часть государств склонны к отстаиванию национально-государственных интересов и использованию данных угроз против своих геополитических оппонентов. При этом национальные модели антиэкстремистской и контртеррористической борьбы имеют трансграничную проекцию на межгосударственную и мировую политику. Такова «атлантическая» модель с руководящей ролью США и НАТО, базирующаяся на неоатлантизме, который эволюционировал от «кризиса целеполагания» (1990-е годы) до «кризиса разделения ответственности» (при Д. Трампе). Неэффективность данной модели в полной мере продемонстрирована отсутствием положительных результатов многолетнего присутствия США в Афганистане. Вторая модель исходит из частично реализуемой «изоляционистской» (автономной) проекции в условиях так называемой «китайской» биполярности. Здесь предполагается два уровня противодействия терроризму и экстремизму, где оно осуществляется автономно отдельными государствами, а также путем изоляции «центров терроризма». Согласно теории «ограниченных систем», данное противодействие, по сути, фрагментарно и малоэффективно, поскольку имеет управленческие ограничения по организации борьбы с терроризмом и экстремизмом. Третья модель противостояния указанным угрозам основана на плюрализме евразийских «идентичностей», предполагающих многополярное мироустройство. Данный сценарий выглядит более реалистичным, с учетом жесткого политического противостояния в рамках евроатлантического контура между НАТО, ЕС и США, с одной стороны, и Россией, с другой, а также между США и AUKUS, с одной стороны, с Китаем, с другой, прежде всего в АТР. В рамках постепенно складывающейся многосторонней модели крайне желательно создание координационного механизма для усиления взаимодействия государств-членов ОДКБ и ШОС с целью укрепления евразийской безопасности и с учетом ситуации, сложившейся вокруг Афганистана.

5. Борьба с терроризмом и экстремизмом, несмотря на декларирование общих целей и консенсус относительно антигуманной сущности этих явлений, сопряжена с национальным «эгоизмом» в части формирования коллективного противодействия. К факторам, препятствовавшим созданию мировой контртеррористической коалиции, прежде всего, следует отнести утрату доверия между субъектами международных отношений на фоне роста конфликтогенности, эскалации политики сдерживания со стороны Запада в отношении России и Китая, экономических кризисов и последствий пандемии. Также важна смена парадигмы США с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в Афганистане и на Ближнем Востоке. Эти объективно сложившиеся условия не внушают оптимизма по вопросу консолидации борьбы с терроризмом и экстремизмом, в то же время повышая роль национальных, региональных и субрегиональных институтов и коалиций (ШОС, ОДКБ и др.). При этом данное заключение вовсе не отменяет значимость «антитеррористического глобального альянса», реализация которого имеет отложенный характер, несмотря на действующую с 2006 года глобальную контртеррористическую стратегию под эгидой ООН.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии политологической интерпретации (в рамках специальности 5.5.4.) феноменов терроризма и экстремизма, а также в установлении автором социально-экономических и политических причин их активизации, определении внешнеполитических аспектов и сценариев предотвращения их в настоящее время, в выявлении принципиальных различий между «контр» и «анти» терроризмами в рамках соответствующих операций внутри и вне Российской Федерации. Сделанные в диссертации выводы и обобщения вносят вклад в конкретизацию содержания политического экстремизма, механизмов профилактики и противодействия ему, а также в интернациональную и национально-государственные модели борьбы с ним, равно как и с международным терроризмом.

Практическая значимость исследования. Научные обобщения и выводы, полученные в ходе исследования, могут иметь практический смысл, прежде всего в рамках сравнения терроризма и экстремизма с точки зрения специфики данных феноменов и их отражения в современных международных, «региональных» и национальных нормативных и правовых актах. Автором обоснована необходимость скорректировать правовое поле Российской Федерации и функционально объединить государственное регулирование в части противодействия экстремизму и терроризму, например, путем разработки общего нормативного правового акта «О противодействии (борьбе) экстремизму и терроризму» с возможностью кодификации по этому вопросу отечественного законодательства.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебных и специальных курсах по мировой политике и международным отношениям, национальной безопасности, глобалистике и регионалистике.

Результаты работы и выводы, на них основывающиеся, могут использоваться в качестве аналитического материала в деятельности органов государственной власти в части законотворчества и правоприменения, а также в формировании стратегий по противодействию терроризму и экстремизму.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность полученных результатов и выводов, сформулированных автором, обеспечивается источниковой базой исследования, а также теоретико-методологическими основами его проведения.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 6 публикациях автора (общим объемом 5,0 п.л.), в том числе – в 4 рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук (общим объемом 3,4

п.л.).⁵⁰

Основные положения и выводы прошли апробацию в рамках трех выступлений с докладами на научно-практических конференциях международного и российского уровня: Международном научном конгрессе «Глобалистика-2023» (Москва, МГУ, 17–28 апреля 2023 года), II Международной научной ассамблее «Международное сотрудничество в целях устойчивого развития» (Москва, МГУ, ФГП, 4–7 октября 2022 года), II Международной научной конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке» (Москва, МГУ, ФГП, 15–18 июня 2021 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (девяти параграфов), заключения, списка библиографии, включающей 386 наименований.

⁵⁰ Основу отдельных разделов диссертации составили следующие публикации её автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Мирзязянов Р.Х. Россия и международные организации в борьбе с глобальными угрозами экстремизма и терроризма // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. № 5 (81). – С. 1598–1604; Мирзязянов Р.Х. К вопросу о вариантах модернизации законодательства о противодействии экстремистской деятельности и терроризму в правовом поле России // Россия и современный мир. – 2022. – № 3 (116). – С. 224–236; Мирзязянов Р.Х. Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 2. – С. 69–81; Мирзязянов Р.Х. Феноменология терроризма и экстремизма: истоки, современное состояние // Вестник Российской нации. – 2020. – № 1 (71). – С. 78–91; Мирзязянов Р.Х. Рост политического экстремизма и политико-правовые механизмы его снижения // Информационные войны. – 2022. – № 2 (62). – С. 19–23; Мирзязянов Р.Х. Тенденции борьбы с международным терроризмом и экстремизмом. // Глобальные вызовы международного сотрудничества: сборник статей Международной научной ассамблеи / Под редакцией И.В. Ильина. – М.: МОСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2022. – 235 с. – С. 152–156.

Глава I. Теоретические и концептуально-методологические основания исследования современного экстремизма и терроризма

1.1. Феноменология экстремизма и терроризма в политических науках

Изучая исторические корни терроризма и экстремизма, исследователи возводят их к различным историческим эпохам и регионам – в частности, к Европе XIX столетия⁵¹, к секте «хашашинов» XI столетия в Персии⁵², к монархомахии средневековой Европы⁵³, к секте сикариев в Иудее I в. н.э.⁵⁴, к античным временам⁵⁵. Мы полагаем, что данные явления, зародившись в глубокой древности, сопровождали, видоизменяясь, все исторические эпохи.

Понятия террора и терроризма являются родственными друг другу; однако притом, что первое не имеет общепринятой дефиниции, для второго в научной и научно-практической литературе предлагается значительное число определений. Вопрос о принимаемом нами определении терроризма будет рассмотрен в этом параграфе несколько ниже; здесь же отметим лишь, что мы следуем предложенному Д.А.Шестаковым разграничению понятий террора и терроризма в том, что они сущностно представляют собой одни и те же действия, но при этом террор осуществляется легальной властью в отношении населения

⁵¹ Алексеев О. Н. Причины, предпосылки, условия возникновения и распространения международного терроризма // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 2. – С. 134-141.

⁵² Сурма И.В., Шангараев Р.Н. Религиозно-политический терроризм и его социально-исторические корни // Обозреватель – Observer. – 2017. – №7 (330). – С. 48–59.

⁵³ Чернядьева Н. А. Тираноборчество как обоснование политического насилия: к вопросу об исторических корнях терроризма // История государства и права. – 2015. – № 24. – С. 11-15.

⁵⁴ Вишняков Я. Д., Бондаренко Г. А., Васин С. Г. Основы противодействия терроризму. – М.: Академия, 2006. – 240 с.

⁵⁵ Будницкий О.В. Терроризм глазами историка: идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3-19.

соответствующей страны, в то время как под определение терроризма подпадают те же действия, но осуществляемые нелегитимными группами или отдельными индивидами^{56, 57}. Сходной позиции придерживаются К. В. Жаринов⁵⁸ и Е.П. Кожушко⁵⁹, И.М. Ильинский⁶⁰ и Г. В. Новикова⁶¹. Оружием государства при осуществлении террора являются репрессии, а оружием терроризма (насилия, осуществляемого со стороны оппозиционных группировок) – террористические акты⁶². При этом терроризм может выступать в качестве ответной реакции на террор⁶³.

Уже в античном мире существовала дилемма «тиран-массы» в контексте реализации насилия в форме террора и активного сопротивления ему. Здесь уместно вспомнить, что Платон в «Законах» полагал законным уничтожение тирана любыми средствами⁶⁴. Аристотель, пересматривая максимы Платона, утверждал, что насилие (в рамках тирании и деспотии) является естественным и необходимым компонентом политического существования⁶⁵. Вспомним замечание О.Шпенглера о том, что «античное государство при декларации высоких ценностей (*например, справедливости – Р.М.*) поддерживало свое существование постоянными мерами насилия».⁶⁶ Начиная с поучения Тутмоса III⁶⁷, ветхозаветных преданий, сентенций Катона⁶⁸, проповедей «Старца горы» для ассасинов⁶⁹ и заканчивая идеями Н.Макиавелли⁷⁰ – «полезнее держать подданных в страхе» было политическим императивом тех времен.

⁵⁶ Шестаков Д.А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

⁵⁷ Шестаков В. Террор-мировая война. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003.

⁵⁸ Жаринов К. В. Терроризм и террористы. Исторический справочник / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 1999. С. 23.

⁵⁹ Кожушко Е. П. Современный терроризм. Анализ основных направлений / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2000. С. 9–10.

⁶⁰ Ильинский И. М. О терроре и терроризме. М., 2001. С. 23, 27–28, 37, 39.

⁶¹ Новикова Г. В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века // Полис. 2000. № 1. С. 171.

⁶² Мусаелян М. Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. – 2009. – № 1 (145). – С. 56-64.

⁶³ Гурковский С. С. К вопросу о понятиях терроризм и террор // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 1. – С. 53-55.

⁶⁴ См. Платон Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, – С. 619.

⁶⁵ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. – С. 592–594.

⁶⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политическая литература, 1991. – С. 202–203.

⁶⁷ Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Мн.: Харвест, 2003. – С. 233

⁶⁸ Короленков А. В., Хрусталёв В. К. О так называемом «Мифе о Сулле»(по поводу статьи Александры Экерт) // Античный мир и археология. – 2021. – № 20. – С. 74-88.

⁶⁹ Вассерман Д. Тамплиеры и ассасины: Пер. с англ. СПб., 2008.

При этом следует отметить, что в те же времена существовали взгляды и положения об относительном (ограниченном) характере применения насилия в политике. Здесь достаточно вспомнить указание Конфуция о том, что «требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие»⁷¹. Уже упомянутый Н. Макиавелли, один из первых политических прагматологов, в своих рекомендациях правителям советовал: «все необходимые жестокости должны быть произведены сразу, для того чтобы они были перенесены с наименьшим раздражением»⁷².

Таким образом, рассматривая генезис террора и терроризма (и связанного с ними экстремизма), следует отметить актуализацию данных явлений в политической практике различных стран в разные периоды времени. Например, Древний мир дал несколько примеров как прототеррора государства и его институций (проскрипции Л.Суллы, террор в императорскую эпоху), так и сопротивления ему со стороны секты зелотов – «ревнителей» (сикариев), террористические действия которых переросли, как известно, в Иудейскую войну⁷³. В античности, равно как и в средневековье, помимо уже упомянутых террористических проявлений, следует назвать течение «монархомахии» во главе с Римом против королевских династий в Европе, сицилийской мафии против «ленной» аристократии и Бурбонов, индийской секты душителей, китайских триад против маньчжуров и т.д. Данный этап можно (с известными оговорками) определить, как период становления данного явления или *прототеррористический* (примерно до XVIII века, а точнее до 1789 гг.).

С событий Великой французской революции начинается, с нашей точки зрения, *классический* этап развития террора и терроризма в условиях создания и актуализации модели «управления страхом». Известно, что один из лидеров якобинцев М.Робеспьер полагал подобное управление «быстрой, строгой и

⁷⁰ Макиавелли Н. Государь/ Под ред. В.П.Бутромеева, В.В.Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – С. 169.

⁷¹ Конфуций. Антология мировой политической мысли. Т.1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997. – С. 56.

⁷² Макиавелли Н. Государь/ Под ред. В.П.Бутромеева, В.В.Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – С. 97.

⁷³ Law R. D. Terrorism: A history. – John Wiley & Sons, 2016.

непреклонной справедливостью»⁷⁴. Почти через столетие основоположники марксизма, анализируя в том числе результаты этой революции, характеризовали ее как «господство людей, внушавших ужас, в действительности же, наоборот, это господство людей, которые сами напуганы»⁷⁵. «Террор, – отмечал Ф.Энгельс, – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые для собственного успокоения, людьми, которые сами испытывали страх»⁷⁶.

В преддверии и по ходу первой русской революции 1905 года В.И. Ленин теоретически обосновывал трансформацию терроризма в массовое явление. «Было бы желательно <...>, чтобы <...> задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы»⁷⁷. Иными словами, обуславливалась необходимость революционного терроризма, массового по существу, в процессе овладения властью, а также установление государственного террора после ее захвата. Данный этап эволюции терроризма с большой степенью достоверности можно определить как *постклассический* – с начала XX века по рубеж века XXI. Этот период в исследуемом контексте ознаменовался переходом от в основном индивидуальных к массовым формам терроризма в сочетании с экстремистской активностью «левого» и «правого» толка.

Наконец, нынешний, *современный* этап, по нашему мнению, начинается после известных событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда террористические проявления приобретают международный и глобальный характер. Этот этап характеризуется возникновением так называемого супертерроризма или мегатерроризма, глобального по своему масштабу и имеющего экзистенциальные цели, которые по сути своей не могут служить предметом переговоров⁷⁸.

⁷⁴ Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3 М.: Наука, 1965 – С. 106–122.

⁷⁵ Энгельс Ф. Письмо К.Маркса от 4.09.1870 г. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание сочинений. Т. 33. М. – Издательство политической литературы – 1964. – С. 45.

⁷⁶ Энгельс Ф. Письмо К.Маркса от 4.09.1870 г. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание сочинений. – С. 45.

⁷⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 9. – С. 280.

⁷⁸ Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология //Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №. 7. – С. 23-32. – С. 31.

Сохраняя фундаментальную основу – актуальное или потенциальное насилие – современный терроризм отличается такими характеристиками, как:

- выход за пределы отдельных стран;
- попытки овладения территориями или регионами со значительными природными ресурсами;
- интернациональный состав участников;
- деструктивное влияние на состояние межгосударственных отношений;
- сетевая модель организационного строения;
- активизация исламского фундаментализма;
- препятствование становлению устойчивого мирового порядка.

Иными словами, современный терроризм глобализируется^{79, 80, 81, 82, 83}, обретая новые формы и стратегии актуализации в контексте обострения глобальных проблем и новых реалий так называемой «четвертой промышленной революции»⁸⁴. В этой связи в современной гуманитаристике возникает серьезная теоретико-методологическая проблема определения сущностных и формальных характеристик современного терроризма и сопутствующего ему экстремизма.

Зачастую конкретные причины террористической активности, указывая на конкретные коллизии, определяют объект террористического воздействия. Именно поэтому возникают многочисленные дефиниции терроризма и сопряженных с ним явлений в различных контекстах (политическом, экономическом, правовом, морально-психологическом и прочее). В настоящее время существует, например, более 300 дефиниций терроризма и близких с ним по содержанию феноменов.

⁷⁹ Khan A., Ruiz Estrada M. A. Globalization and terrorism: an overview //Quality & Quantity. – 2017. – Т. 51. – №. 4. – С. 1811-1819.

⁸⁰ Zimmermann E. Globalization and terrorism //European Journal of Political Economy. – 2011. – Т. 27. – С. S152-S161.

⁸¹ Onwudiwe I. D. The globalization of terrorism. – Routledge, 2018.

⁸² Moghaddam F. M. How globalization spurs terrorism: The lopsided benefits of "one world" and why that fuels violence. – Praeger Security International, 2008.

⁸³ Moghaddam F. M., Heckenlaible V., Blackman M., Fasano S., Dufour D. J. Globalization and terrorism. The Primacy of Collective Processes. In: The social psychology of good and evil. 2nd ed. / ed. by A.G.Miller. New York, London: The Guilford Press. P. 415–441.

⁸⁴ Stapley L. F. Globalization and terrorism: Death of a way of life. – Routledge, 2019.

Базовым в настоящее время (с известными оговорками) является определение терроризма в документах ООН: «...это любое деяние, которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов, либо причинить им тяжкие деяния ... заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство, или международную организацию, совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»⁸⁵.

Однако приходится констатировать, что государства-члены ООН во многом не приемлют данную дефиницию, оставляя за собой право собственной интерпретации данного феномена. В этой связи показательным представляется замечание О.Кеохейна о том, что «терроризм будет определяться как акты неправомерного насилия, которые большинство стран антитеррористической коалиции считают нелегитимными»⁸⁶.

Иными словами, здесь подчеркивается произвольность признания некоторыми странами (очевидно, антитеррористической коалиции во главе с США) тех или иных действий нелегитимными и/или террористическими. Очевидно, основная проблема и сложность в определении феномена терроризма, его многообразных форм, типов и проявлений заключается в крайней политизированности и «идеологизации» оценок, а также субъективном подходе к его идентификации. С нашей точки зрения данный вопрос важен, поскольку он неизменно возникает при любой попытке теоретического переосмысления содержания понятия «терроризм» с целью создания такого определения, которое сможет претендовать на статус общепринятого. При этом исследователи терроризма полагают, что общая теория терроризма все же возможна несмотря на колоссальное разнообразие его причин и проявлений⁸⁷. Однако при этом утверждается (после контент-анализа основных элементов понятия терроризма), что «научному исследованию поддается только такая разновидность идеологии

⁸⁵ Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам от 2.12.2004. документ ООН A/56/565// ООН. Официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/events/paste-vents/a_more_secure_world.shtml (дата обращения: 27.05.2018).

⁸⁶ Keohane J. Public delegation of Terrorism and conflict Politics // World in Collision. Terror and the Future of Global order (ed by K.Booth, T.Dunne. NY, 2002. – P. 143.

⁸⁷ Laqueur W., Alexander Y. The Terrorism reader: a historical anthology. New York: NAL Penguin, 1987. – P.183.

терроризма, как государственный политический (революционный) терроризм»⁸⁸. Данный тезис исходит из того, «что отсутствие единой дефиниции терроризма предопределено необходимостью в угоду текущему моменту объявлять ту или иную группу преступников террористами...»⁸⁹. В этом и заключается, по нашему мнению, проблема, когда в угоду актуальному запросу корректируется общее понятие террористического феномена во множестве вариантов его проявления. В этой связи представляется оптимальным подход создания своего рода теоретического диапазона или континуума от государственного терроризма к индивидуальному, между которыми расположатся разнообразные проявления группового терроризма⁹⁰.

В данном случае мы придерживаемся принципа, что целесообразно рассматривать терроризм, равно как и экстремизм, сквозь призму их места в современном глобализирующемся мире. Конец прошлого века и начало нынешнего были ознаменованы обострением проблем глобального порядка, развитием процессов глобализации как с позитивными, так и негативными последствиями, содержащими для мира новые угрозы и вызовы^{91, 92, 93, 94, 95}. В этой связи вполне закономерно возникает вопрос о месте терроризма и экстремизма среди глобальных проблем и глобализации вообще. Как известно, пресловутые глобальные проблемы возникают при обострении противоречий в системе «человек-общество-природа», при этом основным критерием «глобальности» является потенциальная или вполне реальная угроза существованию человечества. Исходя из этого допуска вряд ли можно терроризм (даже международный и глобальный) относить к глобальным проблемам. Скорее, здесь

⁸⁸ Ахмедшин Р.Л. О проблеме отсутствия единой дефиниции терроризма // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – С. 16.

⁸⁹ Там же. С. 15.

⁹⁰ Гугоров В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации. – Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 30-54.

⁹¹ Ferguson Y. H., Mansbach R. W. 2012. *Globalization: the Return of Borders to a Borderless World?* New York: Routledge.

⁹² Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press.

⁹³ Holton R. J. 2011. *Globalization and the Nation State*. 2nd ed. Houndmills – New York: Palgrave Macmillan.

⁹⁴ Modelski G., Devezas T., Thompson W. R. (Eds). 2008. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. London – New York: Routledge.

⁹⁵ Pieterse J. N. 2009. *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

идет речь о глобальных вызовах, которые могут стать глобальными проблемами, если человечество не найдет на них адекватный ответ (в терминологии А.Дж.Тойнби в «Постижении истории»⁹⁶). С другой стороны, мы согласны с И.В.Ильиным, полагающим, что «вновь появившиеся глобальные вызовы (типа глобального терроризма, различного рода пандемические угрозы и т.д.), потребность в решении обостряющихся глобальных проблем стали существенно менять характер мировой политики»⁹⁷, поскольку имеет место усиление и даже проникновение пресловутого «насильственного компонента» (терроризма и экстремизма) в «классические» проблемы глобального порядка, что обостряет и эскалирует их. Например, «интерсоциальные» проблемы дополнились угрозой ядерного терроризма^{98, 99, 100}, «социоприродные» – экологическим экстремизмом^{101, 102} с использованием террористических методов, а «гуманитарные», соответственно, этнополитическими¹⁰³ и политико-конфессиональными^{104, 105} террористически-экстремистскими угрозами.

На основе историко-теоретического экскурса предлагается **широкое толкование** терроризма как комплексного, многоуровневого социально-политического феномена, распространенного в пространстве (на глобально-международном, региональном и субрегиональном, страновом уровнях) и во времени (особенно в транзитивные и кризисные эпохи), предполагающего для реализации своих узкокорпоративных целей использование актуального или потенциального насилия в его крайних (экстремальных) антигуманитарных формах.

⁹⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. – С. 119–120.

⁹⁷ Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 123.

⁹⁸ Levi M. On Nuclear Terrorism. – Harvard University Press, 2021.

⁹⁹ Allison G. Nuclear terrorism: The ultimate preventable catastrophe. – Macmillan, 2004.

¹⁰⁰ Frost R. M. Nuclear terrorism after 9/11. – Routledge, 2020.

¹⁰¹ Mareš M. Environmental radicalism and extremism in postcommunist Europe //Journal for the Study of Radicalism. – 2008. – Т. 2. – №. 1. – С. 91-107.

¹⁰² Posluszna E. Environmental and animal rights extremism, terrorism, and national security. – Butterworth-Heinemann, 2015.

¹⁰³ Selezneva I. G., Sukhova A. S. Problems of Modern Ethnopolitical Extremism //Politics and Society. – 2013. – №. 9. – С. 1072-1078.

¹⁰⁴ Iannaccone L. R., Berman E. Religious extremism: The good, the bad, and the deadly //Public choice. – 2006. – Т. 128. – №. 1. – С. 109-129.

¹⁰⁵ Wibisono S., Louis W. R., Jetten J. A multidimensional analysis of religious extremism //Frontiers in psychology. – 2019. – Т. 10. – С. 2560.

В *узком смысле*, на наш взгляд, терроризм представляет собой целерациональные действия социальных (политических) субъектов, направленные на существенное воздействие на власть, с исключительным использованием насильственных методов.

Мы вполне осознанно начали анализ с общего рассмотрения терроризма как явления более пагубного по своим последствиям для общества, несмотря на то что многие исследователи его объявляют крайней формой более «широкого», по их мнению, феномена – политического экстремизма^{106, 107}. Аналогичный подход также имеет место в юриспруденции: терроризм выступает как одна из общественно опасных форм экстремизма^{108, 109}. *Широкая* интерпретация явления экстремизма исходит из того, что к нему относятся «любые негативные социальные феномены, угрожающие в современном обществе безопасности личности, общества и государства»¹¹⁰. Данное понимание, достаточно общее с признаками «универсальности», в практическом контексте с необходимостью требует государственно-политического и правового регулирования. «В *узком* смысле политический экстремизм – это негативный феномен, проявляющийся в сфере борьбы за власть»¹¹¹.

Между тем, праксеологически феномен экстремизма недостаточно прояснен и определен, что, разумеется, не способствует его адекватной теоретической интерпретации. В данном вопросе очевидными являются как минимум два подхода. Первый из них исходит не только из «генетической» близости терроризма и экстремизма, отождествляя их с «первыми» формами террористической активности (сикарии), но и из теоретических обоснований его

¹⁰⁶ Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм //Социология власти. – 2012. – № 3. – С. 233-240.

¹⁰⁷ Кокорев В. Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» //Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 1 (047). – С. 239-244.

¹⁰⁸ Фридинский С. Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма //Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 120-123.

¹⁰⁹ Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятия// Вестник СПб Университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 54.

¹¹⁰ Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт.колл. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2009. – С. 37.

¹¹¹ Там же. С. 37.

правомерности (К.Гейнцен – апология убийства тиранов, концепция «философии бомбы», «теория разрушения» у М.Бакунина, «пропаганда действием» анархистов и эсеров в 70–е гг. XIX века). Второй подход, констатируя отсутствие четких критериев экстремизма, акцентирует внимание на его основе – радикальной идеологии. Вполне оправданно в данном случае утверждение, что «главной существенной чертой экстремизма является наличие в его основе идеологии»¹¹², непосредственно связанной с политическими партиями, движениями и организациями, исповедующими левый и правый радикализм.

Пожалуй, одним из первых упоминаний экстремизма в качестве квалификации тех или иных действий было взаимное обвинение в нем представителей «тори» и «вигов» Великобритании в контексте межпартийной борьбы. В середине XX в. экстремистами называли лиц, придерживающихся крайних взглядов, нетерпимых к любой иной позиции и нацеленных на непримиримое противоборство. Единого определения понятия «экстремизм» на сегодняшний день не существует. Принципиально важно, что «никому не надо доказывать, насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология, идеология нетерпимости, разжигания ненависти и вражды»¹¹³. Однако, при всей своей очевидности, данный негативный феномен как объект исследования до сих пор недостаточно изучен с точки зрения его видового многообразия и социально-политических проявлений.

В любой дискуссии на тему экстремизма одни экстремистские действия могут одновременно рассматриваться разными людьми положительно («борьба за свободу») и отрицательно («терроризм»), это зависит от ценностей, политических убеждений оценивающего (которые к тому же могут меняться с течением времени). Известно, что лидер «Народной партии» М.Струрцо, центрист, определял социалистов и фашистов Италии (1928 г.) в качестве «левых» и «правых» экстремистов. Весьма симптоматичным выглядит факт того, что

¹¹² Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятия// Вестник СПб. университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 58.

¹¹³ Выступление В.Путина на расширенном заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г. по рассмотрению Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47045/audios> (дата обращения 18.03.2021).

упоминание об экстремизме в начале XX века было связано с квалификацией действий левого крыла партии Индийский Национальный Конгресс – сторонников полной независимости Индии – как экстремистских со стороны их оппонентов.

В международном праве впервые термин «экстремизм» получил свое закрепление в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60. В Декларации отмечается, что «Генеральная Ассамблея глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм»¹¹⁴. В начале XXI в. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 характеризует экстремизм как серьезную угрозу для международной законности и правопорядка в мире, но ни один из этих документов не предлагает четкого определения этого явления.

В международных актах, уже принятых ООН, термин «экстремизм» используется в качестве синонима терминам «расизм» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000 г. № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций»), «ксенофобия» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.2000 г. № 55/ 59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века»⁴), «нацизм» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1967 г. № 2331 «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости»). В документах, выработанных ООН, подвергаются осуждению проявления экстремизма, имеющие место на почве национализма, расовой и религиозной неприязни (Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 07.03.1966 г.). В декабре 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию о недопустимости современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Однако все эти документы являются во многом

¹¹⁴ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml (дата обращения: 19.03.2021).

декларативными, в них не предусмотрен какой-либо эффективный механизм межгосударственного сотрудничества, взаимодействия в борьбе с экстремизмом. Более того, вне рамок названных актов остались политические мотивы экстремизма.

Вполне закономерно возникает вопрос к почти аксиоматическому утверждению, что «терроризм есть крайняя форма проявления экстремизма». Рассматривая внешнюю «схожесть» политического экстремизма и терроризма, обратим внимание на то, что в их основе лежат различные преимущественно политические действия. Обычно в структуре политического действия выделяют: субъект с присущими ему целями и мотивами; объект; средства и способы, при помощи которых реализуется замысел субъекта; лимитирующие условия. Взаимодействие вышеперечисленных элементов политического действия предполагает, как минимум, два источника активности: автономный и мобилизационный. Первый из них характеризует действия, обусловленные самостоятельным выбором самого участника, например, политического процесса. Автономные действия содержат суверенную политическую волю субъекта, который, реализуя ее, отдает себе отчет в последствиях своего выбора и, соответственно, несет за это ответственность. Мобилизационная активность обусловлена зависимостью субъекта от целого ряда обстоятельств (императивы обычаев и традиций, конфессиональные или этнические предпочтения, угрозы жизни и личной безопасности, «групповая порука» и т.п.). При этом проблема как теоретического, так и праксеологического свойства заключена в том, как и на основе каких механизмов рассмотренные нами действия регулируются, образуя относительно самостоятельные виды активности: политической деятельности и политического поведения. Деятельность, очевидно, следует относить к целерациональным действиям, а поведение к ценностно-рациональным.

Политическая деятельность регулируется поставленными целями – «овладение или удержание» власти – и технологиями (совокупность приемов и методов достижения целей). В отличие от поведения она всегда предметна.

Результаты той или иной политической деятельности оцениваются в соответствии с поставленными целями с разной степенью их осуществления¹¹⁵.

Основными регуляторами политического поведения являются различные социальные нормы (включая правовые), ценностные, конфессиональные и идейно-политические (идеологические) установки. Поведение, в отличие от политической деятельности, имеет оценочный характер, не производя ничего, кроме самого себя и, как правило, демонстративно. Политическое поведение «понимается как система реакций на стимулы политического характера»¹¹⁶ и представляет собой форму выражения отношения граждан к власти и ее институтам¹¹⁷.

Следует отметить, что политическая деятельность и поведение являют собой определенную последовательность действий, которые могут быть «внешне» схожими, хотя их субъективный смысл и характер воздействия на социально-политическую среду принципиально различаются. Соответственно, рациональность субъекта, включенного в политическую деятельность, отличается от той, которая свойственна субъекту поведения. На наш взгляд, именно поэтому возникает определенная несогласованность подходов ученых при анализе политического терроризма и экстремизма. Если в основу их дифференциации положить различие регулятора (в политической деятельности – целерациональность, а в политическом поведении – ценностно-рациональность), то вполне убедительным выглядит отнесение к первой категории терроризма, а ко второй – экстремизма. Таким образом, терроризм в генетическом и сущностном выражении является политической деятельностью, а экстремизм, преимущественно регулируемый идеологическими предпочтениями, следует относить к политическому поведению.

¹¹⁵ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. 228 с.

¹¹⁶ Киричек А. И. К вопросу о дифференциации содержания категорий «политическая активность», «политическое поведение» и «политическое участие» //Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №. 3. – С. 34-37. С. 36.

¹¹⁷ Галкин А. А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант //Вестник Института социологии. – 2015. – №. 1 (12). – С. 12-33.

1.2. Социально-экономические и общественно-политические корни и генезис экстремистских и террористических угроз

Вопросы формулирования дефиниций экстремизма и терроризма теснейшим образом взаимосвязаны с типологиями и классификациями событий, относимых к этим явлениям. Попытки классифицировать террористические проявления встречаются в политологической литературе еще в середине XX столетия (см. обзор типологий терроризма Э.Шмида¹¹⁸). Некоторые из самых ранних типологий имели в своей основе дихотомическое разделение террористических актов, совершаемых государственными и негосударственными акторами. Это позволило провести различие между режимным (государственным или правительственным) террором и негосударственным терроризмом¹¹⁹. Еще одна из ранних классификаций подразделяла террористические акты в зависимости от их направленности, проводя различие между «национальными или антиколониальными освободительными движениями, региональными или сепаратистскими движениями, социально-революционными движениями в промышленно развитых странах, «оборонительными» движениями, стремящимися защитить права и/или привилегии определенной группы населения, и оппозиционными движениями в диктаторских режимах, где ненасильственные политические изменения блокируются»¹²⁰. Заслуживает внимания типология Т.П.Торнтонна: он разделил цели террористов на «создание

¹¹⁸ Schmid A.P., Stohl M. and Flemming P. Typologies. In: A.P. Schmid et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. Amsterdam: North-Holland, 1988, pp. 39–59.

¹¹⁹ Thornton T.P. Terror as a weapon of political agitation. In: H. Eckstein (ed.), Internal War: Problems and Approaches. New York: Free Press of Glencoe, 1964, pp. 82–88. Walter E.V. Terror and Resistance. London: Oxford University Press, 1969.

¹²⁰ Loesche P. Terrorismus und Anarchismus. In M. Funke (ed.), Extremisten im demokratischen Rechtsstaat. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 1978, pp. 83–84.

морального духа, рекламу, дезориентацию, устранение противоборствующих сил и провокацию контрмер лицами, принимающими решения»¹²¹. Эта типология была впоследствии расширена Дж. Бойером Беллом, который рассмотрел «четыре типа революционного террора — организационный, лояльный, функциональный и символический — и две формы манипулятивного террора — тот, который усиливает воздействие насилия, и тот, который используется в ситуации торга»¹²². С этим подходом контрастирует типология террористических актов, целью которых является государство, построенная на различии между левыми и правыми террористами; она включала в себя этнические, религиозные и националистические группы; марксистов-ленинцев; анархистов; неофашистские группы или отдельные лица¹²³. Типология П.А. Карбера интерпретирует терроризм как символическое применение насилия, а также как средство коммуникации¹²⁴.

Технологический прогресс и глобализация привели к появлению и развитию новых форм терроризма и экстремизма. Остановимся подробнее на таком явлении, как экономический терроризм. В 2005 году Женевский центр политики безопасности дал следующее определение экономическому терроризму: В отличие от «экономической войны», которую государства ведут против других государств, «экономический терроризм» может осуществляться транснациональными или негосударственными субъектами. Сущность экономического терроризма заключается в разрушительном воздействии не на жизнь и здоровье человека, не на объекты инфраструктуры, а на экономические системы государства, отдельных компаний, предприятий, фирм, а также частных лиц.

Терроризм, имеющий в своей основе определенные трактовки тех или иных религиозных положений и убеждений, выделялся уже в некоторых достаточно

¹²¹ Thornton T.P. Terror as a weapon of political agitation. In: H. Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches*. New York: Free Press of Glencoe, 1964, pp. 82–88.

¹²² Bowyer Bell J. *Transnational Terror*. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1975.

¹²³ Marsden S.V., Schmid A.P. *Typologies of Terrorism and Political Violence // The Routledge Handbook of Terrorism Research*. Routledge, 2011. P. 158–200.

¹²⁴ Karber P.A. Urban terrorism: baseline data and a conceptual framework // *Social Science Quarterly*, 52, 1971, pp. 528–529.

давних классификациях (в том числе в некоторых из рассмотренных выше в этом параграфе). В настоящее время значительное число террористических проявлений связаны с исламизмом (представляющим собой явление на стыке религии и политики). Как справедливо отмечает выдающийся российский специалист по мусульманскому праву Л.Р. Сюкияйнен: «Исламский экстремизм, крайним выражением которого является терроризм под лозунгами ислама, с середины 90-х годов прошлого века оказывает заметное влияние на политическую жизнь многих стран и целых регионов современного мира, включая Россию»¹²⁵. С одной стороны, как показывает Сюкияйнен в своих работах с опорой на исламские источники права, экстремистские проявления и террористическая деятельность, якобы направленные на служение религии, на самом деле дискредитируют ее и противоречат этим источникам права. С другой стороны, в тех же работах он признает, что «На протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила множество внешне противоречивых идей и представлений по всем ключевым вопросам, имеющим прямое отношение к современному терроризму. ... Некоторые из них, чаще всего вырванные из исторического контекста своего формирования, в наши дни нередко используются для обоснования политического экстремизма и терроризма, нетерпимости и жестокости»¹²⁶.

Один из исследователей политического ислама Б. Тиби полагает, что явление исламизма идеологически базируется на концепции единства государства и религии при обязательном установлении системы шариата¹²⁷. Относительно распространенности поддержки радикальных идей среди мусульман отметим исследование Д. Ачилова и С. Сена, охватившее 53,800 человек в 13 странах мира с большинством мусульманского населения, результаты которого показали, что

¹²⁵ Сюкияйнен Л. Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 24–43. С. 24.

¹²⁶ Там же. С. 24-25. См. также Сюкияйнен Л.Р. Экстремизм и терроризм: оценка исламской правовой мысли // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 192 – 216

¹²⁷ Tibi B. Islamism and Islam. – Yale University Press, 2012. Tibi B. The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies //Soundings: An Interdisciplinary Journal. – 2013. – Т. 96. – №. 4. – С. 431-449. Tibi B. The totalitarianism of jihadist Islamism and its challenge to Europe and to Islam //Totalitarian Movements and Political Religions. – 2007. – Т. 8. – №. 1. – С. 35-54.

около 25% этой выборки склонялись к радикальному исламу, соглашаясь с утверждениями, что «должна быть система, управляемая исламским правом, в которой не будет политических партий или выборов»; «правительство должно применять только законы шариата»; «будет лучше, если больше очень религиозных людей будут занимать государственные посты»¹²⁸. С чем связана столь относительно высокая популярность исламского радикализма? Пытаясь выявить корни данного явления, В.В. Наумкин классифицирует имеющиеся объяснения по 6 категориям: 1) экономические (бедность, отсталость, безработица) – однако этот подход не объясняет, почему «почему радикализм находится на подъеме только в части стран, где экономическая ситуация одинаково плоха»; 2) идеологические – «ислам как религия, и в особенности некоторые школы в исламе, которые принято характеризовать как фундаменталистские или салафитские, содержат идеи, проповедующие нетерпимость и ненависть как к не-мусульманам, так и к мусульманам, предположительно преступающим законы ислама» (подобные объяснения стали особо популярны после терактов 2001 года в США, но, как отмечал Л.Р. Сюкияйнен, эти идеи имеют мало общего собственно с исламскими нормами и правилами); 3) поведенческие и психологические «рассматривают исламский экстремизм как специфический тип поведения, основанный на исключении и нетерпимости к инакомыслящим» (опровергнуты Э. Геллнером); 4) функционалистские – рассматривают ислам «как орудие для достижения политических целей», а также как инструмент преодоления кризиса идентичности; 5) связанные с ощущением уязвимости и желанием защитить свой образ жизни; 6) связанные с ролью личности «идеологов, учителей (наставников), организаторов, полевых командиров, финансистов и «дипломатов» (мобилизующих внешнюю поддержку)»¹²⁹.

¹²⁸ Achilov D., Sen S. Got political Islam? Are politically moderate Muslims really different from radicals? //International Political Science Review. – 2017. – Т. 38. – №. 5. – С. 608-624.

¹²⁹ Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов //Россия и мусульманский мир. – 2006. – №. 7. – С. 182-215.

В предыдущем параграфе мы уже сделали правомерную попытку дифференциации терроризма и экстремизма с точки зрения их сугубо политической природы, производных, прежде всего, от политической деятельности и политического поведения как их сущностных характеристик. Между ними и в части казуальной основы, на наш взгляд, имеется достаточно тонкая грань, например, как между крайним радикальным недовольством существующим статус-кво и его изменением насильственными методами.

Как происходит переход этой грани? При каких условиях недовольство превращается в протесты, а те, в свою очередь, генерируют различные формы социально-политической дестабилизации, включая терроризм? Этот вопрос занимает исследователей на протяжении уже достаточно долгого времени. В качестве одной из первых работ на эту тему можно выделить труд американского социолога Дж. Дэвиса, чья гипотеза состояла в том, что резкая смена периода экономического подъема и роста состоянием упадка может генерировать революционную нестабильность: «Люди тогда субъективно боятся, что позиции, полученные с большим усилием, будут потеряны; это и делает их настроение революционным»¹³⁰.

Роль уровня и динамики экономического роста в генерации социально-политической нестабильности в целом и терроризма в частности остается дискуссионной. К примеру, ученые из Германии, исследуя выборку из семи западноевропейских государств, обнаружили, что в некоторых странах этой выборки в период с 1950 по 2004 гг. устойчивый экономический рост снижал количество террористических проявлений (особенно внутреннего терроризма). В качестве объяснения этому факту предлагается гипотеза об альтернативных издержках – получение населением более значительных экономических возможностей снижает риски насильственного поведения в целом и террористических актов в частности¹³¹. В более поздней работе этот коллектив авторов расширил свою выборку до 160 стран в период с 1970 по 2007 гг. На этой

¹³⁰ Davies J. 1962. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.

¹³¹ Gries T., Krieger T., Meierrieks D. Causal linkages between domestic terrorism and economic growth // Defense and Peace Economics. – 2011. – Т. 22. – №. 5. – С. 493-508.

расширенной выборке результаты оказались несколько иными – причинно-следственная связь между терроризмом и экономическим ростом оказалась неоднородной как во времени, так и в пространстве. Эта неоднородность, по мнению авторов, могла быть отнесена на счет различий между группами стран в социально-экономическом развитии (разумеется, наряду со многими иными факторами). При этом экономический рост не мог объяснить географические сдвиги терроризма в этот период (из стран Западной и Латинской Америки в страны Африки и Ближнего Востока), скорее здесь в качестве объясняющих факторов выступали идеологические перестройки (упадок левых, рост религиозности и возрождение националистического терроризма)¹³². Результаты американского исследователя Э. Абади, рассматривавшего факторы внутреннего и внешнего терроризма, оказываются созвучны этому выводу – они показывают, что риск терроризма в бедных странах оказываются лишь ненамного выше, если принять во внимание влияние других специфических характеристик стран, таких как уровень политической свободы¹³³.

То, что терроризм и другие формы политического насилия являются результатом бедности и недостаточно справедливого распределения доходов, стало основным предположением национальных и международных политиков после событий 11 сентября¹³⁴. Действительно, логично предположить, что бедность большинства населения порождает атмосферу социальной бесперспективности и, как следствие, радикализацию. Однако несмотря на популярность этого предположения (выраженного, в частности, в виде слогана о неразрывном союзе войны с терроризмом и войны с бедностью) в научно-практических и политических кругах, научная литература по этому вопросу по-прежнему расходится – проведенные исследования обнаруживали как положительную, так и отрицательную связь между доходом и терроризмом, а

¹³² Meierrieks D., Gries T. Causality Between Terrorism and Economic Growth // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 91–104.

¹³³ Abadie A. Poverty, political freedom, and the roots of terrorism // American Economic Review. – 2006. – Т. 96. – №. 2. – С. 50-56.

¹³⁴ Piazza J. A. Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages // Terrorism and political Violence. – 2006. – Т. 18. – №. 1. – С. 159-177.

некоторые работы установили даже отсутствие какой-либо связи между ними¹³⁵. Например, исследование террористических актов в 96 странах с 1986 по 2002 год и их экономических предикторов (бедности, недоедания, неравенства, безработицы, инфляции и слабого экономического роста) заключает, что, «вопреки распространенному мнению, нельзя установить никакой существенной связи между какими-либо мерами экономического развития и терроризмом. Скорее, такие переменные, как численность населения, этнорелигиозное разнообразие, усиление государственных репрессий и, что наиболее важно, структура партийной политики, оказались важными предикторами терроризма»¹³⁶. Исследование связи показателей экономической и политической свободы с возникновением транснационального терроризма в 1996–2002 гг. (а именно с риском того, что страна подвергнется транснациональным террористическим атакам, а также с вероятностью того, что данный террорист возник в конкретной стране), показало, что «транснациональный терроризм не связан с неравенством, экономическим ростом, образованием, бедностью», при этом ¹³⁷ «степень политических прав и гражданских свобод отрицательно связана с появлением транснациональных террористов в стране, но если первое также отрицательно связано с возникновением транснационального терроризма в стране, то последнее демонстрирует нелинейную зависимость»¹³⁸.

Однако более недавние исследования показывают, что при более детальном анализе следует говорить не об отсутствии связи между экономическими показателями и терроризмом, а, скорее, о нелинейности этой связи. Так, работа, посвященная поиску взаимосвязи между реальным валовым внутренним продуктом (ВВП) на душу населения и терроризмом, показала, что «внутренние и транснациональные террористические атаки в большей степени концентрируются в странах со средним уровнем дохода, что предполагает нелинейную зависимость

¹³⁵ Mahmood R. Is it the Rags or the Riches? The Impact of Income on Domestic Terrorism. Working Paper # 0086. 2023. Division of Social Science Working Paper Series. New York University Abu Dhabi.

¹³⁶ Piazza J. A. Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages //Terrorism and political Violence. – 2006. – Т. 18. – №. 1. – С. 159-177.

¹³⁷ Kurrild-Klitgaard P., Justesen M. K., Klemmensen R. The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism //Public Choice. – 2006. – Т. 128. – С. 289-315. С. 289.

¹³⁸ Там же.

между доходом и терроризмом. Более того, эта точка концентрации переместилась в страны с низким уровнем доходов после роста влияния религиозных фундаменталистов и националистических/сепаратистских террористов в начале 1990-х годов»¹³⁹. Исследование 2023 года нашло эмпирические подтверждения гипотезы о нелинейной связи между доходом и внутренним терроризмом¹⁴⁰. Исследование 2022 года показало наличие перевернутой U-образной зависимости между доходами на душу населения и распространенностью терроризма¹⁴¹.

Заслуживает внимания исследование связи уровня доходов государства с терроризмом, проведенное на уровне субнациональных регионов (всего рассмотрено 1527 субнациональных регионов в 75 странах в период с 1970 по 2014 год). Показано, что и на этом уровне связь уровня доходов и терроризма остается нелинейной, а именно устойчиво демонстрирует перевернутую U-образную форму: «Угроза терроризма систематически возрастает по мере того, как государства с низкими доходами становятся богаче, достигая пика на уровне ВВП на душу населения $\approx 12\,800$ долларов США (в постоянных долларах США по ППС 2005 г.), но затем постоянно падает выше этого уровня. Эта модель возникает как для внутреннего, так и для транснационального терроризма»¹⁴².

Таким образом, анализ литературы позволяет заключить, что «...связь между бедностью и терроризмом ... непрямая <...> бедность не является причиной терроризма. Она – почва, которая при соответствующей обработке может дать ростки терроризма»¹⁴³.

Отметим здесь, что зачастую значительную роль в возникновении и интенсификации различных видов социально-политической дестабилизации

¹³⁹ Enders W., Hoover G. A., Sandler T. The changing nonlinear relationship between income and terrorism //Journal of Conflict Resolution. – 2016. – Т. 60. – №. 2. – С. 195-225. С. 195.

¹⁴⁰ Mahmood R. Is it the Rags or the Riches? The Impact of Income on Domestic Terrorism. Working Paper # 0086. 2023. Division of Social Science Working Paper Series. New York University Abu Dhabi.

¹⁴¹ Das S. P. Root, Breeding, and Propagative Causes of Terrorism //Economics of Terrorism and Counter-Terrorism Measures: History, Theory, and Evidence. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – С. 549-581.

¹⁴² Jetter M., Mahmood R., Stadelmann D. Income and Terrorism: Insights from Subnational Data //Journal of Conflict Resolution. – 2021. – С. 00220027231175071.

¹⁴³ Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Под общей ред. Л.Н.Панковой, Ю.В.Таранухи. М.: Университетская книга. – 2010. – С. 76 -77.

играет не столько реальный уровень дохода и доступ к различным благам, но относительное восприятие людьми своего экономического положения и порождаемая таким восприятием фрустрация (в случае если люди оценивают свое экономическое положение как неблагополучное или недостаточно благополучное), которая может привести в конечном итоге к политическому насилию^{144, 145, 146}. Это явление получило название относительной депривации и восходит к работам Т. Гарра 1970-х годов^{147, 148}, показавшего, что неудовлетворенность ожиданий, провоцируемых процессами модернизации, заставляет людей участвовать в различных формах протеста. Здесь целесообразно рассмотреть связь терроризма с экономическим неравенством, поскольку представляется, что относительное восприятие людьми своего экономического положения (и острота этого восприятия) зависит в том числе и от уровня неравенства в обществе. Так, Б. Лай отмечает, что в странах с более высоким уровнем экономического неравенства уровень терроризма выше, чем в более эгалитарных обществах¹⁴⁹. Исследование Т. Кригера и Д. Мейерикса, посвященное влиянию неравенства доходов на терроризм для выборки из 113 стран в период с 1984 по 2012 год, показывает, что «более высокие уровни неравенства доходов связаны с большим внутренним терроризмом. ... этот эффект частично обусловлен пагубным влиянием неравенства доходов на институциональные результаты (например, коррупцию), которые, в свою очередь, мотивируют внутренний терроризм» и заключает, что более справедливое перераспределение доходов в обществе может способствовать снижению угрозы возникновения терроризма¹⁵⁰. В другой работе рассматривалась выборка из 139

¹⁴⁴ Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Балтач А. А. Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа // *Polis: Journal of Political Studies*. – 2019. – № 2. С. 107-122.

¹⁴⁵ Хохлов И.И. 2015. О некоторых подходах к объяснению феномена терроризма // *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 19-28.

¹⁴⁶ Костюшев В.В. 2011. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретического понимания и эмпирической верификации) // *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 144-157.

¹⁴⁷ Gurr T. 1970. *Why Men Rebel?* Princeton: Princeton University Press.

¹⁴⁸ Gurr T. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971 // *American Political Science Review*. Vol. 68. No. 4. P. 148-504.

¹⁴⁹ Lai B. "Draining the swamp": an empirical examination of the production of international terrorism, 1968–1998 // *Conflict Management and Peace Science*. – 2007. – Т. 24. – №. 4. – С. 297-310.

¹⁵⁰ Krieger T., Meierrieks D. Income inequality, redistribution and domestic terrorism // *World Development*. – 2019. – Т. 116. – С. 125-136.

стран, в том числе 104 развивающихся стран и стран со средним уровнем дохода, и был сделан вывод, что «неравенство имеет разные нелинейные связи с терроризмом для развитых стран, стран со средним уровнем дохода и развивающихся стран»¹⁵¹. Исследование российских авторов заключает, что «для уменьшения уровня террористической активности, помимо роста образовательного уровня, важное значение также имеют спад уровня безработицы, экономического неравенства, распространение консолидированных демократических политических режимов и снижение количества факциональных конфликтных частичных демократий»¹⁵². Стоит отметить также исследование, посвященное связи неравенства доходов и терроризма в регионе, сталкиваемом с острыми проблемами и в плане неравенства и социально-политической нестабильности – а именно в Африке: «Используя отрицательную биномиальную регрессию по набору панельных данных, охватывающих 46 африканских стран, были сделаны следующие выводы. Во-первых, как неравенство в доходах, так и неравенство в потреблении оказывают уменьшающееся влияние на все меры борьбы с терроризмом Во-вторых, неравенство доходов и потребления оказывает большее статистическое влияние на транснациональный терроризм, чем на внутренний терроризм»¹⁵³.

Особенно остро неудовлетворенность ожиданий может ощущаться (и выливаться в различные формы радикализации и политического насилия) при маргинализации отдельных групп населения, выделяемых по тому или иному признаку, поскольку представители таких групп могут ощущать противопоставление себя большинству населения, что приводит к поведению и действиям в парадигме “мы vs они”¹⁵⁴. Это явление наблюдается как в развитых странах (к примеру, проживающие в западных государствах мусульмане могут

¹⁵¹ Bandyopadhyay S., Ijaz A. Is there a relationship between inequality and terrorism? Evidence from a semi-parametric approach //Applied Economics Letters. – 2022. – Т. 29. – №. 9. – С. 855-860.

¹⁵² Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа //Социологический журнал. – 2018. – №. 2. – С. 28-65.

¹⁵³ Ajide K. B., Alimi O. Y. Does Disparity in Income and Consumption Ever Incite Terrorism in Africa? //World Affairs. – 2021. – Т. 184. – №. 3. – С. 339-380.

¹⁵⁴ Feddes A. R., Mann L., Doosje B. Increasing self- esteem and empathy to prevent violent radicalization: a longitudinal quantitative evaluation of a resilience training focused on adolescents with a dual identity //Journal of Applied Social Psychology. – 2015. – Т. 45. – №. 7. – С. 400-411.

втягиваться в террористические организации именно из-за относительной депривации, формирующей у них представление о противостоянии более «благополучному» большинству населения)¹⁵⁵, так и в развивающихся. Восприятие людьми социального порядка как несправедливого «часто делает их идеальными кандидатами для вступления в террористические организации»¹⁵⁶. Еще в 2011 году Дж. Пьяцца сформулировал и эмпирически доказал гипотезу о том, что более значимым фактором терроризма является не бедность *per se*, а экономическая дискриминация меньшинств¹⁵⁷.

При этом нам представляется, что экономические причины детерминируют экстремистскую, равно как и террористическую активность, наряду с другими сферами общественной жизни: политикой, правом, моралью, а также их производными – идеологией, социальной психологией и др. В данном случае вопрос о первичности их воздействия на конкретные формы терроризма и экстремизма актуализируется лишь при анализе конкретных случаев их проявления. Представляется, что главной среди социально-экономических и общественно-политических причин актуализации терроризма и экстремизма можно выделить длительные социальные и экономические кризисы с негативными для общественности последствиями (резкое, критическое падение уровня жизни, рост асоциальных проявлений и их глобализация, массовая и неконтролируемая миграция, социально-классовая поляризация, деструкция сложившихся социальных структур, ведущая к социальной бесперспективности). В целом же основные социально-экономические истоки экстремизма и терроризма выглядят следующим образом (см. схему № 1):

¹⁵⁵ Yusoufzai K., Emmerling F. 2017. How Identity Crisis, Relative Deprivation, Personal Characteristics, and Empathy Contribute to the Engagement of Western Individuals in Islamist Terrorist Behavior. – Journal of Terrorism Research. Vol. 8. No.1. P. 68-80.

¹⁵⁶ Krieger T., Meierrieks D. 2011. What Causes Terrorism? // Public Choice. Vol. 147. No. 1-2. P. 3-27.

¹⁵⁷ Piazza J. A. Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism //Journal of Peace Research. – 2011. – Т. 48. – №. 3. – С. 339-353. С. 339.

Схема 1. Социально-экономические корни (истoki) экстремизма и терроризма
Источник: предложена автором.

Нельзя также забывать о появлении термина «государственный терроризм», который сегодня (как ярлык и инструмент угроз) угрожает широкому кругу стран, бросающих вызов гегемонии Запада. На практике политика государственного терроризма проявляется в использовании государственными органами (прежде всего разведывательными) террористических приемов и способов достижения внешнеполитических целей, например, изменения внешнеполитического или внутривнутриполитического курса того или иного государства, ослабления геополитических позиций государств-противников.

Мы вполне осознанно ограничили данный раздел рассмотрением (с некоторыми аналитическими экскурсами) лишь некоторых основных причин возникновения экстремистских проявлений и перехода их к террористическому воплощению. Кроме того, схематическая интерпретация указанных феноменов отчасти конкретизирует и восполняет наши представления о них.

1.3. Сценарии и механизмы предотвращения экстремистской и террористической деятельности в первой четверти XXI века (внешнеполитический аспект)

Проявления экстремизма и терроризма могут и уже затронули большинство регионов планеты, проявившись в «центре» и на «периферии», среди ведущих акторов и аутсайдеров мирового общественного и политического развития. Становится все более очевидной общность мировых угроз и необходимость коллективных мер по их снижению, например, создание антитеррористических и антиэкстремистских механизмов. Многие ученые и практики, приветствовавшие глобализацию (подробнее см. ¹⁵⁸), предполагали, что она будет усиливать интегративные усилия большинства стран по преодолению негативных явлений современности. Однако приходится констатировать, что сейчас происходит ренессанс нового геополитического раздела мира; наблюдается нарастание геополитической фрагментации и усиление региональных систем в условиях новой глобальной конкуренции – политической, экономической, энергетически-сырьевой, социокультурной и т.д. Этому в немалой степени способствовали упомянутые процессы глобализации – против негативных ее проявлений «выступил» так называемый национальный и региональный «эгоизм». Примат национальных интересов США не является идентичным национализму, а лишь подразумевает их приоритетную включенность в глобализацию. При этом сущностные основы глобализации усиливали не только ее позитивные

¹⁵⁸ Zinkina J., Christian D., Grinin L., Pyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. A big history of globalization: the emergence of a global world system. Cham: Springer, 2019.

проявления, но и по сути «транснационализировали» и «глобализировали» негативные феномены, выведя терроризм и экстремистские устремления на глобальный, международный уровень.

Собственно, на этом фоне возникают вопросы противодействия терроризму и экстремизму, реально и потенциально представляющим угрозу современному мировому сообществу. На наш взгляд, в начале века, помимо кризиса глобализации как таковой, произошло совмещение очередного геополитического противостояния условных Востока и Запада (в рамках известной дихотомии «хартленд-римленд») с противостоянием терроризму контртеррористическими и антиэкстремистскими мерами. Прежде всего, следует отметить, что начиная с «Великой шахматной доски»¹⁵⁹ теоретически, а также в рамках политической практики утверждался и реализовывался тезис об американоцентричности современного мира, несмотря на все проблемы и политические коллизии, имеющиеся у США. Поэтому предлагалось всю актуальную международную проблематику, включая противодействия экстремизму и борьбу с терроризмом, рассматривать сквозь призму указанного постулата без учета интересов остальных. Более того, устами Зб.Бжезинского провозглашались три варианта (долгосрочный, среднесрочный и немедленный) антитерроризма «который должен включать в себя политическую борьбу»¹⁶⁰. События недавнего прошлого, на наш взгляд, после 11 сентября 2001 года выглядели следующим образом в рамках трех последовательно осуществленных сценариев.

Сценарий I. Американская антитеррористическая операция в рамках «атлантического кризиса».

В современных реалиях становится вполне очевидным, что означенная операция предполагала не борьбу с терроризмом как таковым, а стремление закрепить конструкцию однополярного мира, элиминировав так называемые режимы-«диссиденты», с безраздельным доминированием США. Как известно, было решено начать с Ирака, контролирующего значительные запасы

¹⁵⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.

¹⁶⁰ Бжезинский Зб. План политической борьбы США против терроризма. //Россия сегодня: ИНОСМИ.РУ. – URL: <https://inosmi.ru/untitled/20010925/139421.html> (дата обращения: 15.06.2020).

энергоресурсов на Ближнем Востоке и признанного оппонентом США под предлогом якобы обнаруженного у него оружия массового поражения.

На пути к реализации этого замысла (а также желания прямого регулирования финансовых источников «мирового» терроризма – доходов от энергоресурсов) серьезным препятствием стали и до сих пор действуют несколько объективно существующих социальных и политических факторов. Первый из них непосредственно представлен арабской солидарностью. Создание контртеррористической коалиции антиарабской и антиисламской направленности из традиционных арабских союзников (Саудовская Аравия, другие страны Персидского залива и т.д.) оказалось малоэффективным из-за одиозных шагов США в Ираке, да и на всем Ближнем Востоке – части «мировых Балкан» по мнению Зб.Бжезинского¹⁶¹.

Иным препятствием в реализации рассматриваемого сценария стал неоднозначный европейский подход. Атлантическая евросолидарность, основанная на «советской угрозе», с распадом СССР постепенно уходила в прошлое (без учета событий 2014 г., политики Д.Трампа и «новых демократических альянсов Дж.Байдена). С учетом этого отношение Европы к американской иракской кампании складывалось вариативно. Известно, что часть европейских государств отказались безоговорочно одобрять военную операцию США в Ираке.

Следующим объективным фактором стала в целом традиционная позиция России по отношению к арабским и другим восточным государствам. В этой связи вовсе неслучайными выглядят усилия России (члена «ближневосточного квартета») по обеспечению контактов с лидерами большинства стран этого региона.

В итоге, развернув антитеррористическую операцию в Ираке, равно как и в Афганистане против талибов, США столкнулись с конфликтами, не имеющими логического завершения, и, по сути, интернационализировали террористическое противостояние, создав его новые точки в Египте, Ливии, Сирии и Йемене.

¹⁶¹ См.: Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.– 2007. – С. 15.

Сценарий II. Американская антитеррористическая операция в условиях сохранения атлантического единства.

Результаты иракской кампании лишь по форме подразумевали борьбу с терроризмом и неоднократно критиковались стратегами атлантизма. Разрушив Ирак, «атлантисты» по существу уничтожили существенного оппонента Ирана, усилив последний и объявив его очередной «террористической угрозой». При этом так называемые «звенья» международного терроризма, как правило, совпадают с регионами сосредоточения углеводородов, ресурсов и сырья. При этом важнейшей причиной антитеррористического вмешательства Запада с очевидностью является автономность использования ресурсов, нежели авторитарность и одиозность региональных режимов.

Лейтмотивом антитеррористической операции по-прежнему являлось доминирование США в рамках однополярного мира. Естественным оппонентам данной стратегии, каковыми являются Россия и Китай, отводятся следующие роли в политике контртерроризма – они должны «работать в направлении интересов США»¹⁶². Последние лишь тогда проявят свою эффективность в борьбе с терроризмом, когда создадут коалицию с Москвой и Пекином, в противном случае терроризм «расползется», дойдет до России, до ее юга и востока, а также проникнет на запад Китая¹⁶³.

Очевидно, что более десятилетия борьбы с терроризмом со стороны США было обозначено архаизацией Ближнего Востока¹⁶⁴. Это недвусмысленно подтверждают война в Ираке (2003-2011 гг.), а затем гражданская война в этой стране, продолжающаяся по сей день, а также события так называемой «Арабской весны» с 2010 года – революции в Тунисе, Египте, Йемене, гражданские войны в Сирии, Ливии, гражданские восстания в Бахрейне, массовые протесты в Алжире,

¹⁶² Зб.Бжезинский рассказал, как надо спасать Мир и США. // *Неспокойный XXI век. Информационно-новостной блог.* – URL: <http://www.xx-century.com.ua/archives/42663> (дата обращения: 17.06.2020).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Звягельская И. Архаизация в арабском мире: после и вместо революций // *Россия и мусульманский мир.* – 2016. – №. 2 (284). – С. 138-153.

Иране, Иордании, Марокко и Омане^{165, 166, 167}. К этому следует добавить, что беспрецедентным результатом антитеррористической операции США в Ираке (как известно, не получившей консенсусной поддержки) стало образование на основе суннитских экстремистских группировок Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ – *запрещена в РФ*) в октябре 2006 года. По существу, «террористическое государство» оккупировало часть территории Сирии и Ирака.

В рамках данного сценария предполагалась поддержка, или, как минимум, нейтральное отношение России к антитеррористической активности США в регионе. Однако при этом не учитывалось, что Россия, как, впрочем, Индия, Турция и Китай, увязывали антитеррористическую борьбу с реализацией в этом контексте собственных национально-государственных интересов. Драматичность данного сценария, вне всякого сомнения, дополняют миграционные потоки из зон конфликтов, направленные, прежде всего, в страны Европейского Союза и породившие там миграционный кризис. Все вышеперечисленные факторы обусловили известную порочность данного сценария и предопределили возможность иного варианта контртеррористической борьбы.

Сценарий III. Ситуационный вариант контртеррористической борьбы.

Террористическая деятельность ИГИЛ (*запрещена в РФ*) внесла свои коррективы с точки зрения трансформации, что называется, контртеррористической «парадигмы», инициатива смены которой принадлежала вовсе не США. Смена сценария контртеррористической борьбы ознаменовалась вступлением в операцию против ИГИЛ России на стороне и по приглашению законного правительства Б.Асада на основе Договора о дружбе от 8.10.1980 года, заключенного между Сирией и еще СССР. Известно, что Россия не вошла в «атлантическую коалицию» США, не имевшую соответствующего мандата ООН. Изначально российская контртеррористическая активность имела дуальный

¹⁶⁵ Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – ООО "Издательство" Учитель", 2016.

¹⁶⁶ Коротаев А. В. и др. Арабская весна и её глобальное эхо: количественный анализ //Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – №. 4. – С. 113-126.

¹⁶⁷ Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? //Polis: Journal of Political Studies. – 2016. – №. 3.

характер: ликвидация террористических формирований (прежде всего, ИГИЛ) и восстановление целостности сирийского государства с сохранением легитимной администрации. Начиная с осени 2015 года, российский контингент за относительно небольшой период (около двух лет) в основном завершил разгром ИГ, «Аль-Каиды» и «Джебхат ан-Нусры», не ввязываясь в долгосрочную военную кампанию и сохранив возможность оперативного вывода ограниченного контингента. Дистанцируясь от «атлантической коалиции» во главе с США, Россия со всей очевидностью создала ситуационный антиигиловский альянс совместно с Египтом, Ираном и даже Турцией с политической поддержкой Китая. Восстановление контроля над большей территорией Сирии со стороны единственного на сегодняшний день законного правительства создало предпосылки для начала межсирийского диалога¹⁶⁸.

Работа Центра по примирению враждующих сторон в САР, Конгресса сирийского национального диалога (январь 2018 г. в Сочи), Астанинский формат и ряд других – обязывают к подобной оценке. В качестве еще одного позитивного результата следует отметить реальное размежевание интересов по предотвращению международной и региональной террористической активности с геополитическими приоритетами ведущих акторов международных отношений.

При этом, на наш взгляд, следует отметить еще один важный контур борьбы с терроризмом и экстремистскими проявлениями, в том числе вблизи границ Российской Федерации. В настоящее время вряд ли у кого-нибудь (при разных интерпретациях) возникают сомнения относительно эпохального значения распада СССР. Вслед за крушением Союза произошла своего рода архаизация евразийского пространства, характеризующаяся, в том числе, усилением экстремизма и интенсификацией терроризма, а также эскалацией этноцентризма, национализма и сепаратизма; возникновением военно-политических конфликтов между «постсоветскими» государствами (Карабах, Абхазия и Южная Осетия с Грузией, Донбасс и Украина, граница Таджикистана и др.); подъемом исламского

¹⁶⁸ Успешные перевыборы Б.Асада на посту президента в мае 2021 года также являются дополнительным аргументом в правомерности данного суждения.

фундаментализма. Как отмечается в Концепции внешней политики РФ, «...распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (*«постсоветского» пространства – Р.М.*) <...> обусловлена как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством...»¹⁶⁹.

Конец XX и начало века нынешнего в данном регионе было ознаменовано чередой проявлений экстремизма и террористических актов, а также нелегитимного насилия: начиная с Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии и заканчивая Донбассом (ДНР и ЛНР) и Центральной Азией. Применительно к последней это более чем актуально, поскольку религиозный фактор в форме радикального исламизма неоднократно создавал угрозы национальной безопасности, например, Узбекистана и Таджикистана (деятельность запрещенных в РФ Хизбут Тахрир, ИГИЛ и прочих). Наконец, это также касается и самой России, столкнувшейся с международным терроризмом на Северном Кавказе, проявлениями антироссийского экстремизма со стороны Грузии, Украины и других.

По существу, противостояние (геополитическое в том числе) между США и Россией в Евразии нередко выражалось в активном американском участии в смене нелояльных режимов с использованием «цветных» (как правило экстремистских) технологий, террористических структур зачастую с антироссийской направленностью. Для России борьба с терроризмом в непосредственной близости от ее границ является более чем насущной задачей в обеспечении национальной безопасности, включая проживающее в регионе русскоязычное население.

На наш взгляд эти задачи актуализируются и реализуются в трех трендах – версиях контртеррористических стратегий на «постсоветском» пространстве.

¹⁶⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.05.2020).

Первая – ортодоксально-атлантическая – изначально выражалась в концепции антитеррористических усилий под эгидой США и НАТО. Например, в предоставлении логистических «коридоров» для американского «афганского» транзита. Страны Прибалтики (с момента вступления в НАТО), а также стремящиеся в него Грузия, Украина и, отчасти, Молдова именно так и поступают, участвуя в американских кампаниях, хотя и ограниченно (Афганистан). Однако последующие события, еще до 2014 года, показали несостоятельность такого допущения, помимо прочего, предполагавшего некое «геополитическое сжатие» России с ограничением ее действий в ближнем зарубежье. Поэтому усилия США до вывода войск из Афганистана в контексте контртеррористических усилий, возможно рассматривать в качестве малоэффективных и фрагментарных. В целом же данный тренд по своей внутренней логике является деструктивным и способствовал дальнейшей деградации «постсоветского» пространства.

Вторую версию с полным основанием можно назвать *инерционной*, поскольку существенное место на территории бывшего СССР занимает Россия, интегрирующая данный ареал в рамках гражданско-общественного взаимодействия. Справедливо полагая эти регионы сферой своих жизненных интересов (общие границы, «историческая» память, русскоязычное население и проч.) Россия длительное время не делала принципиальных различий между лояльными ей странами и откровенными «атлантистами». Общность угрозы терроризма долгое время воспринималась в качестве основы общности действий против экстремизма и расширения «террористического присутствия» в центральноазиатских странах СНГ. Однако следует констатировать, что кроме государств – членов ОДКБ, остальные страны СНГ и особенно вышедшая из него Украина, практически не участвуют в совместных антитеррористических мероприятиях. В этой связи российская контртеррористическая стратегия потребует четкой и объективной дифференциации противников и союзников по этой борьбе. Возможно, расширение контртеррористической коалиции будет осуществляться за счет заинтересованных государств-членов ШОС.

Третья версия, плюралистическая, отражающая тренд политического реализма, исходит из того, что России предпочтительно (отчасти уже реализуется) осуществлять прагматичную политику в отношении стран ближнего зарубежья в части их реального «антитеррористического» потенциала. В новой модели российской борьбы с терроризмом и экстремизмом следует предусмотреть соинтеграцию ее участников на основе гуманизма и суверенитета. Контртеррористическая операция РФ в Сирии также обязывает к подобной оценке.

Анализируя рассмотренные выше тренды осуществления контртеррористической активности на «постсоветском» пространстве, возможно заключить, что первый из них – проатлантический – во многом исчерпан. Инерционный тренд близок к существующим реалиям, в которых Россия по обозначенным «линиям» реализует контртеррористическую стратегию в основном самостоятельно, привлекая время от времени структуры ОДКБ. Третий вариант наблюдаемых тенденций по предупреждению и противодействию террористических акций со стороны России отмечен плюрализацией ее усилий в различных евразийских «точках». В дальнейшем в данном вопросе мы сможем наблюдать не только последовательную смену указанных контртеррористических парадигм, но и их синтез.

Обратим внимание на некоторые базовые механизмы по противостоянию терроризму и сопутствующему ему экстремизму. При этом мы полагаем, что их технологическая составляющая (механизмы) во многом зависит от целеполагания и задач, заложенных в рассмотренных сценариях. Сама система и механизмы противодействия терроризму (экстремизму) с нашей точки зрения выглядят таким образом (см. схему № 2 и схему № 3):

Схема 2. Система предупреждения и борьбы с терроризмом (экстремизмом)

Источник: предложена автором.

Схема 3. Механизмы предупреждения и борьбы с терроризмом (экстремизмом)

Источник: предложена автором.

Выше уже отмечалось, что террористическая угроза в условиях глобализационных процессов обретает трансграничный, международный характер и соответствует по масштабу глобальным проблемам, хотя по основному

критерию к таковым пока не относится. При определенных условиях она может трансформироваться из глобального вызова в глобальную проблему – особенно это касается угрозы ядерного терроризма, последствия которого в случае актуализации непредсказуемы. Гипотетическая возможность использования (пока нигде не реализована) субъектами террористической деятельности ядерного оружия и его составляющих для шантажа и реального применения трансформирует ядерный терроризм в глобальный феномен^{170, 171}.

Следует при этом иметь в виду, что многие террористические организации не исключают использование компонентов ядерного оружия, иных видов оружия массового уничтожения, а также атак на АЭС для достижения поставленных целей. К сожалению, печальный опыт ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, как бы сейчас сказали, «для принуждения к миру», использование «грязных» бомб при атаках НАТО на Югославию не привели к всеобщему осуждению и консенсусу в абсолютном запрете подобных военных акций. В этом, как представляется, и заключена степень социальной опасности, угрозы ядерного терроризма в отличие от других его форм. Во-первых, представляется, что ядерный терроризм венчает пирамиду потенциальных угроз мировому сообществу в целом, включая окружающую среду. Во-вторых, процессы предупреждения и борьбы с ядерным терроризмом являются в сравнении с другими формами наиболее сложными и требующими сопряженных усилий большинства государств планеты на основании базовых принципов (политических и правовых) международного сотрудничества в контртеррористической борьбе.

¹⁷⁰ Косачев К.И. Политические и правовые основы борьбы с угрозами международного ядерного терроризма. М.: Научная книга. – 2005. – С. 9.

¹⁷¹ Там же. С. 13.

Выводы по главе 1

На основании изложенного в настоящей Главе 1 позволительно сделать некоторые общие выводы:

По существующим критериям терроризм и особенно экстремизм в настоящее время представляют собой некий глобальный вызов, так называемую, «предглобальную» проблему, но при этом имеет место усиление и даже проникновение пресловутого насильственного компонента в уже наличествующие глобальные проблемы с их обострением и эскалацией.

Терроризм в широком и узком понимании – сложный социально-политический феномен, основанием которого являются целерациональные действия насильственного характера, направленные на достижение власти или существенное воздействие на нее, являясь в этом контексте политической деятельностью. Экстремистские действия же должны быть отнесены к ценностно-рациональным и, в связи с этим, могут быть определены как тип политического поведения. Начиная с XIX века терроризм и экстремизм постепенно превращаются в перманентно действующие политические факторы. К специфике данных явлений уже в текущем веке (XXI) на фоне, в том числе, «цветных революций» и глобализации, следует отнести трансграничность, всеобщность, профессионализацию действий (поведения и деятельности) субъектов, расширение социальной базы в целом.

Несмотря на взаимную детерминацию геополитического и контртеррористического векторов очевидна необходимость их стратегического разведения в реальной политике, что по существу игнорировалось. В этом смысле события недавнего прошлого, на наш взгляд, развиваются в рамках последовательно осуществленных сценариев: операция США при отсутствии атлантической солидарности, аналогичный сюжет с сохранением атлантического единства и современный сценарий антитеррористической борьбы. Первые два представляют собой некий последовательный транзит от операции в Ираке низкой

конфликтной интенсивности к событиям «арабской весны» при гегемонии США (включая борьбу с талибами в Афганистане), привели к архаизации «евразийских Балкан» с переносом бремени борьбы с терроризмом на Россию, и, отчасти, Китай. Третий сценарий, определенный как ситуационный, является неким продолжением показавших свою неэффективность первых двух. Лишь с включением в контртеррористический процесс Российской Федерации по двум «линиям»: ликвидация ИГИЛ и восстановления целостности САР, наметились позитивные сдвиги. По существу, дистанцируясь от «атлантической» коалиции под эгидой США, Россия создала ситуационный антиигиловский альянс (Иран, Турция и прочие) при политической поддержке Китая с началом «Астанинского процесса» и межсирийского диалога. Здесь также следует иметь в виду постсоветское пространство, прежде всего Центральную Азию, где борьба с терроризмом стала насущной проблемой для России.

В рассмотренном нами теоретико-концептуальном дискурсе феноменологии экстремизма и терроризма прослеживается необходимость создания Международного антитеррористического органа (института) в рамках ООН для реализации во всех видах и формах контртеррористической борьбы и создания международных коалиций и конкретных оперативных мероприятий по этой проблематике. Анализ уже проводимых акций антитеррористической направленности показывает, что осуществить указанное достаточно сложно, поскольку большинство стран увязывают свое участие в подобного рода союзах и объединениях с собственными геополитическими интересами, что не всегда оправданно. Бесспорно, что любые международные усилия в вопросах борьбы с терроризмом и экстремизмом необходимы, однако «груз» национально-государственных предпочтений не позволяет в них участвовать. Зачастую подобное участие сопровождается целым рядом условий как явных, так и латентных. Поэтому представляется целесообразным рассмотрение тенденций развития экстремизма и терроризма, и борьбы с ними на примере «ответственного государства», каковым, на наш взгляд, является современная Россия.

Глава II. Тенденции развития экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России

2.1. Этнополитический конфликт в Чечне, технологии его разрешения и их применимость на международном уровне

Изначально конфликт в Чечне носил исключительно политический характер, связанный, прежде всего, с транзитом власти. В начале 1990-х гг. на всей территории постсоветского пространства, включая собственно Россию, возникали конфликты и конфликтогенные ситуации, в том числе с экстремистскими проявлениями и террористическими актами, участием общественных («народных») движений, массовыми беспорядками, сепаратистскими выступлениями и даже гражданской войной, проходившие под лозунгами обретения демократии и независимости¹⁷².

Что касается этнических конфликтов, в рамках различных теорий этничности они могут рассматриваться как проявление межгрупповых противоречий, как следствие межгруппового соперничества, а также как результат действий элит¹⁷³. Этнополитический же конфликт, по своей сути, это «борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и

¹⁷² Например, Нагорный Карабах, Приднестровье, Северная Осетия и Ингушетия, Киргизия, Узбекистан, Абхазия, Южная Осетия, а затем Донбасс на Украине и ряд других.

¹⁷³ Тишков В.А., Шабаетв Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского Университета, 2011. – С. 189.

политического противостояния»¹⁷⁴, при этом последнее нередко приобретает экстремистскую и даже террористическую направленность. В этой связи отметим, что этнополитический конфликт в Чеченской Республике, продлившийся более десяти лет, сочетал на разных этапах практически все перечисленные черты.

Проблема предупреждения и преодоления (урегулирования) этнополитических конфликтов, несущих деструктивность во всех сферах жизнедеятельности общества, представляется не только актуальной, но и одной из приоритетных задач национальной безопасности. При этом популярной в научном сообществе является идея «управления конфликтами» как наиболее оптимальная с точки зрения их разрешения¹⁷⁵. Она представляет собой некий «праксеологический каркас», который с необходимостью конкретизируется и уточняется применительно к той или конфликтной ситуации.

Здесь показательны события в Чеченской Республике, начавшиеся еще до распада СССР и эскалировавшие уже с 1991 года. В период «поздней» перестройки, накануне 90-х годов прошлого века, на всей территории Советского Союза в рамках пресловутой «демократизации» вполне ожидаемо возникло «оживление» этнических элит практически во всех субъектах страны. «Лидером» данного процесса выступал Татарстан, во многом самодостаточная республика РСФСР, а также Северо-Кавказские автономии, которые уже в начале 90-х годов стали принимать декларации о суверенитете (данный тренд в то время был весьма значимым и проявился в суверенизации советских республик, начиная с Прибалтики).

В Чечне почти одновременно (23-25 ноября) I Общенациональный съезд чеченского народа и официальная на то время власть (27 ноября 1990 года) в лице председателя Верховного Совета ЧИАССР приняли декларацию о государственном суверенитете республики, при этом «в доктринальном и в политическом плане «национальная независимость» Чечни была подготовлена и легитимизирована российской идеологией и политической практикой тех лет,

¹⁷⁴ Там же. С. 193.

¹⁷⁵ Там же. С. 197.

когда многим представлялось, что вместо улучшения правления есть более естественный и простой путь осуществления демократических преобразований – это путь суверенизации на этнической основе»¹⁷⁶.

Известно, что противостояние формального руководителя республики Д.Завгаева и социально легитимного Дж.Дудаева со стоящими за ними структурами не без помощи федерального центра завершилось победой последнего с полным контролем над республикой. На этом, по-видимому, завершился этап, когда политический конфликт мог быть разрешен внутриэлитным умиротворением, поскольку центральная власть в процессе декоммунизации и десоветизации вполне осознанно стремилась к смещению председателя Верховного Совета ЧИАССР Д.Завгаева, поддержавшего к тому же пресловутый ГКЧП. Таким образом, противостояние внутри чеченского общества изначально не в полной мере имело «этнический» дизайн с ожидаемой антироссийской (антирусской) коннотацией, а отражало в «суверенном» контексте борьбу различных политических сил, олигархических групп и кланов за передел власти и собственности основных ресурсов в Чечне и в России в целом. При этом известно, что первоначальные попытки Дудаева встретиться с российским руководством с целью переговоров не имели успеха.

Этот период ознаменован декларацией о выходе из СССР и РСФСР (осень 1991 г.), формированием вооруженных сил Чечни и Указом Президента РФ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»¹⁷⁷ с соответствующим правительственным постановлением № 1360¹⁷⁸. По существу, конфликт перешел в острую фазу с ожиданием своей победы у каждой из его сторон. При этом обострение ситуации

¹⁷⁶ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Нация, 2001. – С. 241.

¹⁷⁷ Указ Президента РФ № 2166 от 9.12.1994 г. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁷⁸ Постановление Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

проходило на фоне нарастания экстремизма в Чеченской Республике с ярко выраженной антироссийской риторикой, откровенного притеснения и вытеснения русского (в широком смысле) населения.

С декабря 1994 года началась «горячая» стадия анализируемого этнополитического конфликта, где поначалу «этничность» представляла лишь вторичным фактором противостояния. Мы не склонны рассматривать события 1994–96 гг. как войну в полном объеме (хотя в публицистике за ними закрепилось наименование «первой чеченской войны»), поскольку в этих событиях отсутствовал целый ряд атрибутов войны «как продолжения политики иными, насильственными средствами»¹⁷⁹. Это, впрочем, не умаляет значимости этого этапа конфликта. Известно, что боевые действия велись с переменным успехом для обеих конфликтующих сторон. Федеральные войска с большими потерями взяли Грозный в феврале 1995 г., с 25.04 по 12.05.1995 г. по указу Президента РФ вступил в силу мораторий на применение вооруженных сил в Чечне, чем воспользовались чеченские незаконные вооруженные формирования. Данное обстоятельство обусловило трансформацию экстремизма в масштабную террористическую деятельность этих формирований, сменивших тактику на проведение террористических актов в границах собственно РФ. Захват заложников (июнь 1995 г. Буденновск, январь 1996 г. Кизляр и Первомайское), с точки зрения террористов, должен был оказать существенное воздействие на администрацию Б.Ельцина с принуждением к переговорному процессу. Как известно, в августе 1996 г. было подписано Хасавюртовское соглашение о прекращении боевых действий и выводе федеральных войск (21.09 – 31.12.1996 г.) с территории Чечни. Результаты переговоров вряд ли устроили ту или другую сторону, тем более Чечня не соблюдала подписанный 12 мая 1997 года Договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и ЧРИ. Более того, в республике фиксировались меры по немедленному выходу из состава России с усилением терроризма по отношению к органам местной власти и внутренних дел, попытками консолидации кавказских народов на антироссийской основе. Иными

¹⁷⁹ См., например: Клаузевиц К. О войне. Избранное. / Перевод Рачинский А. К. М.: АСТ, 2019. – 320 с.

словами, переговорный процесс рассматривался противной РФ стороной не в качестве начала выхода из конфликта, а как передышка для дальнейшей борьбы. На наш взгляд, именно с этого времени терроризм становится для боевиков ключевой стратегией. Чеченское руководство рассматривало указанные процессы как победу и в дальнейшем торжество «чеченского» национализма. При этом данная территория все больше погружалась в социально-экономический хаос, сопровождающийся коррупцией власти, бандитизмом, беззаконием и усилением конфессионального радикализма.

Эволюцию последнего следует рассматривать более подробно в качестве еще одного дестабилизирующего фактора. Во-первых, очевидно, что ислам в качестве инструмента политической мобилизации практически не использовался на первом (до 1996 г.) этапе данного этнополитического конфликта. Во многом это объясняется тем, что ислам пришел на Северный Кавказ достаточно поздно, в сравнении, например, с шиитским Азербайджаном. Есть свидетельства, что «классический» ислам не был основным фактором формирования чеченского этноса по сравнению с языком – одним из древнейших (4-6 тыс. лет)¹⁸⁰.

Во-вторых, суфизм (широко распространенный на Северном Кавказе) отчасти отличался от «ортодоксального» суннизма, прежде всего, ограничением шариата в пользу «адата» – обычного права. Однако исламский «ренессанс» сопровождался именно использованием его как властями, так и оппонировавшими им группировками, а также привлечением в политику суфийской «верхушки» и, наконец, распространением ваххабизма¹⁸¹. Таким образом, чеченский радикальный экстремизм был замещен исламским экстремизмом и в процессе своего развития трансформировался в то, что в литературе определяют, как чеченский терроризм: на основе газавата, кровной мести и уже ваххабитских доктрин («Конгресс исламской уммы» М.Удугова – 1997 г.) использования терроризма для создания исламской нации и государства.

¹⁸⁰ См., подробнее: Walker E. Islam in Chechnya // Contemporary Caucasus Newsletter. – 1998. – Т. 6. – С. 10-15.

¹⁸¹ Gammer M. Between Mecca and Moscow: Islam, Politics and Political Islam in Chechnya and Dagestan// Middle Eastern Studies. – 2005. – Vol. 41. – №. 6. – P. 833-848.

Действия чеченских сепаратистов дезавуировали Хасавюртовское соглашение, равно как и Договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и ЧРИ. Стороны по существу «вернулись» к ситуации первой половины 90-х гг. XX века, хотя и в новом содержательном контексте – вопросы реванша после первого этапа боевых действий вновь стали актуальными. В этой связи на втором этапе конфликта изменился их характер – после вторжения боевиков во главе с Ш.Басаевым и Хаттабом в августе 1999 года в Дагестан, федеральный центр перевел свои действия в форму контртеррористической операции на основании Указа Президента РФ от 23.09.1999 г. с созданием соответствующего воинского контингента. После ожесточенного сопротивления местных жителей и федеральных войск в течение месяца боевики, потерпев поражение, были вынуждены отступить в Чечню. Как известно, в сентябре того же года были осуществлены теракты в городах России (Москве, Волгодонске, Буйнакске¹⁸²) с целью парализации российской власти и устрашения мирных жителей. По существу, наблюдалась смена террористической тактики – перенос соответствующей активности на территорию России. При этом происходило проникновение радикального ислама в чеченское общество, отказ от светского государства в том числе и в связи с тем, что Запад отказал в широкой помощи в отличие от Аль-Каиды и Талибана, предложивших финансовую и «идеологическую» помощь для создания в республике варианта исламского государства. При этом военно-политическая элита, представленная в основном (после ликвидации в апреле 1996 г. Дж.Дудаева) полевыми командирами, пропагандировала чеченскую национальную исключительность и исламское эрзац-мессианство. Все это, как известно, происходило на фоне экономического краха и усиления раскола чеченского общества.

С одной стороны, республика стала приобретать черты террористического государства с соответствующими атрибутами: работорговлей, взятием заложников, наркотрафиком, средневековыми казнями; с другой – милитаристскими и даже реваншистскими устремлениями, не добавившими

¹⁸² START. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения 20.03.2023)

консолидации чеченскому обществу. Все это в совокупности актуализировало необходимость возобновления боевых действий, но уже не за республиканский суверенитет, а для реализации плана по созданию северо-кавказского исламского государства от Каспийского до Черного морей, в составе Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Абхазии. Реализация подобного целеполагания, на наш взгляд, еще в большей мере раскачивала чеченское общество, поскольку большинство жителей и клерикальных кругов не разделяли планы «ваххабитского» руководства, внедрявшего террористические методы борьбы с инакомыслием. Здесь также следует обратить внимание на институт кровной мести, актуализировавший антироссийский протест чеченцев во время первой кампании, который в дальнейшем был дестабилизирующим фактором уже внутри чеченского общества. В условиях, когда часть полевых командиров перешли на сторону федеральных войск, усилилось сопротивление боевикам со стороны чеченцев, особенно после гибели в результате теракта муфтия Чечни А.-Х. Кадырова. Внутри республики терроризм предполагал расправу над «пособниками» России и не разделявшими доктрины ваххабизма.

Таким образом, в процессе этнополитического конфликта на втором этапе фиксировались два вектора террористической активности. Первый из них отражает своего рода «чеченизацию» терроризма – террористические акты устраивали друг против друга так называемые «кровники» с двух противоборствующих сторон преимущественно внутри республики. Вторым вектором связан с осуществлением террористических актов за пределами Чечни – в различных регионах России для парализации воли российской общественности и создания рычагов давления на федеральные власти.

К весне 2000 года контртеррористическая операция федеральных сил, в рамках которой использовались регулярные войска и спецподразделения силовых ведомств, ознаменовалась занятием практически всей территории республики, что вынудило боевиков уйти в горы и подполье. С этого времени последние перешли исключительно к диверсионно-террористической тактике, как в Чечне, так и на территории других субъектов Российской Федерации.

Во время проведения контртеррористической операции чеченские террористы в 2002 году в Москве совершили захват заложников в театральном центре, а также в 2004 г. в школе № 1 г. Беслана¹⁸³. К началу 2005 г. после уничтожения влиятельных полевых командиров (Масхадова, Хаттаба, Басаева и др.) и перекрытия основных каналов финансирования интенсивность террористической активности существенно снизилась. Как известно, одна из последних операций боевиков в Кабардино-Балкарии (октябрь 2005 г.) завершилась провалом. 16 апреля 2009 года НАК РФ отменил режим контртеррористической операции на территории Чеченской Республики. В дальнейшем режим КТО объявлялся неоднократно как в ЧР, так и других республиках Северного Кавказа – Дагестане, Ингушетии и других, но, в отличие от полномасштабной КТО на второй стадии чеченского конфликта, имел ситуативно-локальный характер против конкретных террористических угроз и в каждом случае длился относительно недолго.

Известно, что оптимальным способом овладения конфликтом является не его сдерживание, а, несмотря на взаимные претензии, восстановление нарушенной коммуникации. В этой связи необходима фигура посредника, стоящего «над схваткой»: он играет роль модератора, своим авторитетом ограничивая претензии обеих сторон, формирует основы для потенциальной коммуникации на основе общих ценностных ориентиров для подготовки переговорного процесса. В рассматриваемом нами случае роль «третейских» судей взяло на себя духовенство и часть перешедших на сторону федеральных сил авторитетных полевых командиров. Иными словами, без привлечения к политике «умиротворения» муфтията и представителей влиятельных тейпов прекращение боевых действий и налаживание мирной жизни было вряд ли возможно. Немалую роль в этом процессе сыграл главный муфтий Чечни А.-Х. Кадыров, а также его сын Р.Кадыров. Благодаря в том числе деятельности посредников были достигнуты положительные результаты в плане:

¹⁸³ START. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения 20.03.2023)

- налаживания каналов связи между противоборствующими сторонами, органами власти и масс-медиа, а также контактов с колеблющимися участниками незаконных вооруженных формирований;

- сложного налаживания межчеченского диалога, размежевания террористов и радикалов с умеренными сепаратистами, попыток примирения так называемых «кровников», разработки механизмов возмещения материальных (имущественных) потерь, утверждения законности и правопорядка на территории республики;

- планирования переговорного процесса, реализации политики примирения и амнистии.

В целом, следует констатировать, что выход из конфликтной ситуации был достаточно успешным и эффективным, в процессе его возникла институализация большей умеренной части чеченского общества. Собственно режим КТО, который рассматривался выше, был направлен на нейтрализацию террористических банд, арабских наемников, радикальных полевых командиров и подполья. Кроме того, имела место реализация классических технологических подходов при выводе из конфликтной ситуации:

- участники согласились на сотрудничество с федеральным центром по нормализации мирной жизни;

- признание правил и процедур выхода из конфликтогенных ситуаций в будущем;

- утверждение объективных методов контроля за реализацией принятых решений и участие в данном процессе;

- акцентирование на позитивной, миротворческой повестке дня и конструктивной деятельности заинтересованных структур.

Вот уже более десяти лет осуществляются различные по форме и содержанию «антитеррористические» мероприятия социально-экономического характера – борьба с безработицей, преступностью; укрепление безопасности и декриминализации и прочее. Согласно исследованию РБК, за девять лет — с 2007

по 2015 год — Чечня получила из федерального бюджета в виде субсидий, субвенций и дотаций 539 млрд руб. Их ежегодный объем в среднем составлял 60 млрд руб., и по этому показателю республика — в тройке самых дотационных регионов¹⁸⁴.

Снятие режима КТО стало отправной точкой завершения военной составляющей этнополитического конфликта в Чеченской Республике в контексте борьбы с терроризмом, а также декриминализации чеченского общества.

¹⁸⁴ Исследование РБК: 20 главных фактов о Чечне / РБК. 01.02.2016. URL: <https://www.rbc.ru/research/society/01/02/2016/56ae68679a7947d73142182d> (дата доступа 17.08.2023).

2.2. Региональные контртеррористические операции в России и за ее пределами: причины и результаты

Одним из ярких и глобально значимых этапов развития российской практики борьбы с международным терроризмом стала борьба с ИГИЛ в Сирии.

МИД РФ характеризует российско-сирийские связи как носящие «традиционно дружественный характер»¹⁸⁵. В настоящее время политическое взаимодействие Москвы и Дамаска главным образом сосредоточено на проблематике сирийского кризиса и вопросах межсирийского урегулирования. Так, именно в соответствии с обращением Президента Сирийской Арабской Республики Башара Асада к руководству Российской Федерации с просьбой об оказании военной помощи в борьбе против террористических группировок Совет Федерации ФС РФ единогласно принял Постановление об использовании Вооруженных сил Российской Федерации для поддержки правительственных войск Сирии.

Взаимодействие Москвы и Дамаска характеризуется регулярными контактами руководства двух стран на высшем уровне. Так, Президент Башар Асад в общей сложности шесть раз посещал Россию с государственными визитами (январь 2005 г., декабрь 2006 г., август 2008 г., октябрь 2015 г., ноябрь 2017 г., май 2018 г.). Первый в истории двусторонних отношений визит российского президента в Дамаск состоялся 9–10 мая 2010 года. 11 декабря 2017 года Президент РФ В.В. Путин и Б.Асад провели переговоры на российской авиабазе «Хмеймим» в Сирии. В январе 2020 года В.В. Путин впервые посетил

¹⁸⁵ Сирийская Арабская Республика // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/sy/?currentpage=main-country> (дата доступа 01.08.2021)

столицу Сирии, где вместе с Б.Асадом нанес визит в командный пункт российской военной группировки, а также в мечеть Омейядов и собор «Марьямия» Антиохийского Патриархата.

Высшее руководство России неоднократно принимало ныне покойного Заместителя Председателя Совета министров, министра иностранных дел и по делам соотечественников за рубежом САР В.Муаллема. На регулярной основе происходят контакты на уровне министров иностранных дел РФ и САР. Президент Сирии Башар Асад регулярно принимал в Дамаске Министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу, в ходе встреч с которым поднимались вопросы противостояния терроризму и проблематика политического урегулирования сирийского кризиса. Российская межведомственная делегация во главе со специальным представителем Президента РФ по сирийскому урегулированию А.Л.Лаврентьевым на постоянной основе проводит встречи с Б.Асадом.

Поддерживаются контакты на уровне парламентов двух стран. Активно развивается сотрудничество в гуманитарной сфере. В соответствии с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина Россия оказывает сирийскому населению, серьезно пострадавшему в ходе сирийского конфликта, всестороннюю гуманитарную помощь. Так, в период с 2015 по 2020 гг. специалисты российского Центра по примирению враждующих сторон доставили сирийским гражданам более 4,5 тыс.т грузов с гуманитарной помощью, включая продукты питания, медикаменты и различные товары первой необходимости¹⁸⁶. Кроме того, при помощи России в Сирии к концу 2020 года было восстановлено 975 образовательных, 246 медицинских учреждений, более 4,8 тыс. жилых домов. Также был произведён ремонт 1,4 тыс.км линий электропередач и более 1,6 тыс.км автодорог¹⁸⁷.

Со стороны Российской Федерации оказывается всевозможное содействие Сирии в разрешении проблем сирийских беженцев и внутренне перемещенных

¹⁸⁶ Россия за пять лет доставила более 4,5 тыс. т гумпомощи в Сирию // Известия. URL: <https://iz.ru/1088630/2020-11-18/rossiia-za-piat-let-dostavila-bolee-45-tys-tonn-gumpomoshchi-v-siriiu> (дата доступа 01.08.2021)

¹⁸⁷ Там же.

лиц. 11-12 ноября 2020 года в столице Сирии состоялась Международная конференция по возвращению сирийских беженцев и внутренне перемещенных лиц. Москва активно поддержала организацию данного саммита, в том числе путем отправки одной из самых многочисленных делегаций. В составе российской делегации находились представители 30 федеральных министерств и ведомств, которые в ходе конференции обсудили с сирийскими коллегами возможные пути оказания содействия Сирии, а также вопросы двустороннего сотрудничества¹⁸⁸.

Таким образом, двусторонние отношения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики характеризуются высокой степенью доверия и интенсивности в различных областях. Тем не менее, ввиду углубления сирийского кризиса в период 2011-2015 гг. и связанного с этим вовлечения Вооружённых Сил Российской Федерации в военную операцию на территории Сирии, особую важность для Москвы и Дамаска играет взаимодействие в сфере безопасности.

Россия вмешалась в конфликт в Сирии для защиты своих национальных интересов и предотвращения непосредственной террористической угрозы собственной национальной безопасности¹⁸⁹.

М.Н. Лысенко отмечает, что международное право в области применения военной силы в ходе конфликта в Сирии серьезно пострадало в результате нелегитимного вмешательства в конфликт США и их союзников. Он предлагает конкретный правовой вариант поиска мирного урегулирования в Сирии на основе Совместного заявления президентов России и США от 11 ноября 2017 г. по итогам их встречи в кулуарах саммита АТЭС в Дананге (Вьетнам). Предлагается совместно на экспертном уровне взять этот документ за основу, доработать с учетом новых реалий и вынести на рассмотрение СБ ООН для принятия

¹⁸⁸ Путин заявил о возможности массового возвращения беженцев в Сирию // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/09/putin-zaiavil-o-vozmozhnosti-massovogo-vozvrashcheniia-bezhencev-v-siriiu.html> (дата доступа 01.08.2021)

¹⁸⁹ Агапов П.В., Меркурьев В.В. "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ) в системе угроз национальной безопасности России// Правовая инициатива. 2014. № 3. С. 16.

консенсусной резолюции, которая установила бы международно-правовые рамки мирного урегулирования в Сирии¹⁹⁰.

С.В. Стулов и Л.А. Самойлов отмечают, что участие России как государства-члена ОДКБ в военных операциях в Сирии определяется необходимостью борьбы с международным терроризмом. Действия Российской Федерации выполняются в соответствии с принципом суверенитета государств, и более того, способствуют сохранению и соблюдению норм международного права, в условиях активного расшатывания данных норм агрессивными действиями Соединенных Штатов¹⁹¹.

Российские ВКС вели боевые действия против террористов, а не против участников вооруженного сирийского гражданского конфликта. П.П. Кремнев обсуждает данный кризис на основе инцидента со сбитым турецким летчиком российского СУ-24 (в ноябре 2015 года). Он обоснованно доказывает, что данное действие необходимо рассматривать как весьма серьезное нарушение Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и военное преступление. При этом он рассматривает и контрверзу: если Россия не является стороной сирийского конфликта, то и положения статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. не могут иметь распространения на летчиков сбитого российского СУ-24. Автор показывает, что данная статья устанавливает категорический запрет всем сторонам конфликта в совершении отмеченных действий в отношении любых лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях такого вооруженного конфликта, будь то лицо из состава вооруженных сил или любое гражданское лицо (имеющее гражданство любого государства)¹⁹².

В основном же сирийский конфликт и участие в нем России рассматривается в политологической плоскости, при этом отмечается решающая роль нашей страны в становлении обновленного, более справедливого мироустройства,

¹⁹⁰ Лысенко М.Н. К вопросу о правомерности применения военной силы иностранными государствами (на примере Сирии)// Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 65-71.

¹⁹¹ Стулов С.В., Самойлов Л.А. Анализ законности проведения операции по укреплению военно-экономической безопасности ОДКБ на территории Сирийской арабской республики в соответствии с нормами международного права// Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 6. С. 154-162.

¹⁹² Кремнев П.П. Применимость правовых норм к вооруженному конфликту в Сирии и нападению на российских летчиков сбитого СУ-24// Законодательство. 2016. № 7. С. 79-86.

связанного, в том числе, с укреплением норм международного права, в том числе, закрепленным в Уставе и документах ООН^{193, 194}.

США, НАТО и страны Евросоюза не раз высказывали обвинения в адрес России в Сирии, ссылаясь на гибель мирных людей. В итоговом документе саммита ЕС в Брюсселе в 2017 году подчеркивалось, что страны Евросоюза «призывают к немедленному прекращению боевых действий и к возобновлению вызывающего доверие политического процесса под эгидой ООН»¹⁹⁵. При этом на Западе предпочитают не замечать, что российские войска уничтожают боевиков, а США далеко не всегда, преследуя своекорыстные интересы, разделяют террористов и «умеренную» (проамериканскую) оппозицию, препятствуя действиям Военно-космических сил и военной полиции России. Все это в совокупности говорит о глубоком кризисе международного права, происходящего в условиях кризиса однополярного мира¹⁹⁶. Несомненно и естественно, что Россия, действуя в национальных интересах борьбы с терроризмом и недопущения его развития на своей территории, расширяет и укрепляет свое региональное военно-политическое влияние¹⁹⁷.

Конфликт в Сирии стал наглядным проявлением кризиса международного права в сфере применения иностранных вооруженных сил. Российские правоведы выдвигают в связи с эти ряд инициатив, так, в связи с ракетными ударами по Сирии США и их союзников 14 апреля 2018 года, предлагается «расширить и укрепить сферу международного военно-уголовного правосудия», «принять под эгидой ООН Международный военно-уголовный кодекс»¹⁹⁸.

¹⁹³ Братерский М.В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики// Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 157-170.

¹⁹⁴ Урамян А.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 43-51.

¹⁹⁵ ЕС не принял новые санкции // [News/TIMES] Новости России и мира сегодня. URL: <http://news-times.ru/es-ne-prinyal-novye-sankcii/> (дата обращения: 01.08.2021).

¹⁹⁶ Тымчик В.И., Булгакова О.А. Современная модель международных отношений в контексте международного права и событий в Сирии// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (26). С. 52-57.

¹⁹⁷ Кабасакалова М.Г. Укрепление военно-политических позиций России в контексте вовлеченности в сирийский кризис// История науки и техники. 2017. № 6. С. 80-87.

¹⁹⁸ Панченко П.Н. Международное военно-уголовное право как фактор противодействия международному терроризму// Право и государство: теория и практика. 2018. № 4 (160). С. 108-113.

Другая, гораздо более сложная, комплексная проблема современности – проблема введения в международное право понятия «гибридных войн»^{199,200,201}.

До недавнего времени правовое измерение военно-политических отношений в России рассматривалось в основном в рамках сотрудничества стран постсоветского пространства^{202,203}, стран ОДКБ²⁰⁴, ЕАЭС²⁰⁵,²⁰⁶ диалога России и НАТО, взаимодействия с ОБСЕ²⁰⁷. Сирийский и практически одновременно наступивший украинский кризисы резко усилили актуальность вопросов непосредственного участия Вооруженных Сил России в разрешении внешних конфликтов и перевели эти вопросы в практическую плоскость²⁰⁸.

В диссертационных исследованиях сирийский конфликт обобщен в основном в трудах политологов и историков (пример – фундаментальное исследование М.С. Ходынской-Голенищевой)²⁰⁹. Вопросы международного права рассматривались в защищенных в России диссертациях в основном через призму роли ООН в урегулировании сирийского конфликта²¹⁰. В научных публикациях хорошо

¹⁹⁹ Новосельский А.В. Отражение правовой оценки гибридной войны против Сирии в научных публикациях// Вопросы безопасности. 2019. № 3. С. 10-18.

²⁰⁰ Алтавил Ф.А. "Гибридная война" и этноконфессиональные конфликты в Ливии и Сирии как угроза национальной безопасности России// В сборнике: Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза. 29 Адлерские чтения. Сборник Статей международной конференции. 2016. С. 9-13.

²⁰¹ Панарин И.Н. Основы теории "гибридной войны"// Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58-71.

²⁰² Аль-Халед Майсара. Международно-правовые основы сотрудничества стран Содружества Независимых Государств// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 1998.

²⁰³ Бульгин А.Н. Международно-правовые основы военного сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 2002.

²⁰⁴ Афандихонов И.Х. Правовые основы военного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 2006.

²⁰⁵ Якимова Е.А. Проблемы и перспективы укрепления национальной безопасности Российской Федерации в процессе расширения ЕАЭС// В сборнике: Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Сборник материалов круглого стола. Москва, 2020. С. 596-609.

²⁰⁶ Крутько А.А. Стратегическое присутствие России на евразийском пространстве// Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43). С. 395-406.

²⁰⁷ Гарипов Р.Ш. Правовые основы деятельности ОБСЕ по обеспечению европейской безопасности в рамках военно-политического измерения// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань -2004.

²⁰⁸ Буденный А.А. Формирование новой стратегической концепции союзников по отношению к России после украинского кризиса// Мировая политика. 2018. № 2. С. 73-80.

²⁰⁹ Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений// Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва – 2018.

²¹⁰ Аль Ахмад Амад Хассан. Роль ООН в международно-правовом урегулировании ближневосточного конфликта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань – 2015 г.

проработан вопрос правовых вопросов военного сотрудничества стран СНГ²¹¹. В отношении Сирийского конфликта отмечается, прежде всего, примат его рассмотрения как угрозы национальной безопасности России, делающей возможным любые действия со стороны нашей страны (естественно, в рамках международного права) по ее предотвращению^{212,213}.

Сирийский конфликт стал триггером обострения отношений России и США²¹⁴, фактически, более сильным, даже чем последовавший «украинский разлом»²¹⁵. Важно акцентировать, что Россия не одна в соответствии с нормами международного права, в целях обеспечения собственной национальной безопасности ведет борьбу с террористами в Сирии. Иран участвует как союзник Сирии в борьбе с терроризмом в наземных операциях (в то время как Россия – в основном через удары ВКС и защиту своих баз, а также в виде военной полиции)²¹⁶. Россия и Иран активно сотрудничают в данной сфере²¹⁷. Ирану удалось реализовать свою стратегию по борьбе с ИГИЛ и поддержке сирийского правительства во многом благодаря ее комплексному характеру, а также нахождению стратегических союзников, к числу которых можно отнести Россию²¹⁸. В тоже время многие авторы отмечают расхождения по многим вопросам между партнерами^{219, 220}. При том, что Россию с Ираном объединяют общие «глобально-идеологические» установки: борьба с терроризмом, сохранение

²¹¹ Беляев Д.С. Правовые основы военного сотрудничества государств - участников СНГ// Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 2 (3). С. 6-8.

²¹² Бородин С.К., Вершилов С.А. Вооружённый конфликт в Сирии как угроза национальной безопасности России со стороны международного исламского фундаментализма// В сборнике: Концепция "общества знаний" в современной науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 249-251.

²¹³ Агапов П.В., Меркурьев В.В. Ук.соч. С. 16.

²¹⁴ Вартумян А.А., Федотов Д.С. Сирийский вопрос в контексте геополитических противоречий России и США// Современная наука и инновации. 2018. № 2 (22). С. 149-152.

²¹⁵ Рябков С.А. О внешнеполитических плюсах и минусах 2012 года// Международная жизнь. 2013. № 1. С. 1-13.

²¹⁶ Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions// Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4 (14). С. 247-256.

²¹⁷ Вавилов А.И. Сотрудничество России и Ирана в поисках политического урегулирования в Сирии как фактор укрепления мира и безопасности в ближневосточном регионе// В сборнике: Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. Под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. 2017. С. 99-103.

²¹⁸ Ахмедов В.М. Россия и Иран в Сирии: фактор силы// Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3 (9). С. 184-192.

²¹⁹ Рустамова Л.Р. Усилия Исламской Республики Иран в борьбе с терроризмом в Сирии и перспективы сирийского урегулирования // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 5. DOI: 10.7256/2454-c0668.2019.5.30771

²²⁰ Zahra N., Bahram A. The Iranian-Russian cooperation in the Middle East geopolitics// Reports Scientific Society. 2018. № 3 (19). С. 30-40.

сирийского суверенитета и государственности, противодействие экспансии США^{221, 222}. Стратегическое партнерство России с Ираном доказывает факт предоставления Ираном России своей территории для использования в военной операции в Сирии^{223, 224, 225}. В Иране действует доктрина «превентивной самообороны», позволяющая ему в условиях осознания нарастания любой угрозы безопасности задействовать все возможные силы, в том числе за рубежом²²⁶.

Вопросы правового регулирования использования Вооруженных сил России на территории иностранного государства, в том числе в Сирии, уже рассматривались в юридической литературе²²⁷. Деятельность ИГИЛ рассматривается как угроза конституционной безопасности нашей страны^{228, 229}.

С точки зрения политологии сирийский конфликт рассматривается в основном как провозвестник нового цикла обострения международных отношений на глобальном уровне, новой «Холодной войны», когда «гибридные войны» велись во всех сферах, а международное право в военной сфере считалось лишь при необходимости предотвращения экзистенциальных угроз для человечества – в основном в сфере ядерного противостояния и его возможности^{230, 231}. Вместе с тем терроризм не рассматривался как такая угроза в предыдущую эпоху, максимум – как региональная проблема, которая если и угрожает национальной безопасности сверхдержав. Сегодня же именно

²²¹ Надери З., Амирахмадиян Б. Причины иранско-российского сотрудничества в ближневосточной геополитике, в частности Сирии// Глобальный научный потенциал. 2018. № 10 (91). С. 129-139.

²²² Садеги Э.М.М. Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 276-289.

²²³ Хоссейнзадех Вахид. Российско-иранские отношения в рамках урегулирования сирийского кризиса // Власть, №7, 2017, С.187-190.

²²⁴ Зеленкова Л.М. Партнерство России и Ирана в геополитическом контексте. Современный этап развития двусторонних отношений// Вестник молодых ученых-международников. 2017. № 2 (2). С. 41-47.

²²⁵ Клепиков С.С. Гражданская война в Сирии (2011-2015 гг.) и позиции России и Ирана// Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 45-48.

²²⁶ Фархутдинов И.З. Иранская доктрина о превентивной самообороне и международное право// Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 15-26.

²²⁷ Евсякова А.А. Особенности правового регулирования использования вооруженных сил на территории другого государства (на примере Сирии)// Colloquium-journal. 2018. № 13-6 (24). С. 26-30.

²²⁸ Володина Н.В. Деятельность "Исламского государства" ("ИГ") как угроза конституционной безопасности России// Российский следователь. 2015. № 3. С. 43-47.

²²⁹ Володина Н.В. "Исламское государство Ирака и Леванта" ("ИГИЛ") как угроза мировому сообществу// Правовая инициатива. 2015. № 1. С. 8.

²³⁰ Ознобищев С.К. "Новая холодная война": воспоминания о будущем// Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 60-73.

²³¹ Лукьянов В.Ю. Россия и НАТО - проблемы взаимодействия// Актуальные проблемы экономики и управления. 2016. № 1 (9). С. 130-137.

террористическая угроза рассматривается как глобальная проблема первого ряда, экзистенциальная проблема для устойчивого глобального развития^{232,233,234}. Это выводит Сирию в первые ряды геополитических проблемных зон²³⁵. При этом именно для России усиление таких структур, как ИГИЛ, представляет собой экзистенциальную угрозу^{236,237}. А если угроза такого уровня имеется для одной страны мира, обладательницы мощнейшего ядерного потенциала (Россия), то это – экзистенциальная угроза для всего мира^{238,239}. Использование же Россией своих Вооруженных сил за рубежом практически везде неизменно будет сталкиваться с присутствием там в том или ином виде вооруженных сил США и их союзников, уже давно в неядерной сфере рассматривающих свои национальные интересы как превалирующие над международным правом, Уставом ООН²⁴⁰. Это обостряет вопросы военного урегулирования, как в оперативной, так и в правовой плоскости – при непосредственном взаимодействии различных сил. Так или иначе, России приходится с политической точки зрения, опираясь на ценности ООН, международного права, действовать зачастую в духе политического реализма, из своих интересов, но с учетом возможных последствий, вызовов и угроз^{241,242}. При этом, с учетом очевидной невозможности задействовать аналогичные по мощности Запада ресурсы в информационной войне и обеспечении усиления

²³² Ивченко Е.И. ИГИЛ как мировая террористическая угроза// Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 5. С. 30-37.

²³³ Дейч Т.Л. Сирийский кризис и борьба с терроризмом: международный аспект// Конфликтология / nota bene. 2017. № 2. С. 8-24.

²³⁴ Адамова М.А., Сергеев С.И. К вопросу измерения деятельности террористической организации ИГИЛ как мировой проблемы// Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 267-270.

²³⁵ Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ// Информационно-аналитический вестник / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Москва, 2015. Том Выпуск 3

²³⁶ Бредихин А.В. Влияние иностранных государств на деятельность экстремистских организаций юга России// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 216-224.

²³⁷ Олех А.К. Террористические акты в Российской Федерации// International Journal of Anti-terrorism Studies. 2019. № 4 (1). С. 25-37.

²³⁸ Мелконян С.Г. "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ) как экзистенциальная угроза безопасности России// Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 185-194.

²³⁹ Арбатов А.Г. Ядерная угроза - не блеф// Международная жизнь. 2013. № 1. С. 19-28.

²⁴⁰ Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Попов Ю.А. Мягкая и твердая сила как стратегия развития США в различных регионах мира// Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 7. С. 60-67.

²⁴¹ Антощенко Д.В. Участие РФ в урегулировании конфликта в Сирии через призму политического реализма// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. С. 135-137.

²⁴² Mugabi B. Al-Shabaab Terror Activities: A Threat To Regional International Security// Asia and Africa Today. 2021. № 4. С. 66-71.

своей «мягкой силы», России (как и почти всегда в истории) приходится использовать свои силовые инструменты так, чтобы их малейшая ошибка или трудность не была раздута в «гибридном» противостоянии с Западом^{243,244}. На Ближнем Востоке необходимо учитывать интересы многих сторон, в том числе прямо заинтересованных в ходе конфликта в Сирии Израиля^{245,246} и Турции^{247,248,249,250,251}, Палестины²⁵², и, конечно, стран Кавказа^{253,254}, граничащих с Россией, в том числе союзников (Армения), а также могущих стать новой горячей точкой на пути проникновения терроризма на Север (с учетом фактора террористического влияния на российском Северном Кавказе²⁵⁵) Саудовской Аравии²⁵⁶, Ирака, Ливана, Египта, других стран.

Зона сирийского конфликта – крайне проблемная с правовой и, прежде всего, с военно-правовой точки зрения зона. Отдельные большие вопросы создает

²⁴³ Братерский М.В. "Жесткая" сила как "мягкий" инструмент внешней политики России в Евразии// Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 39-48.

²⁴⁴ Пушков А. Россия способна быть балансирующей силой в международных делах // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 3 (106). С. 17-24.

²⁴⁵ Бармин Ю.Н. Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений// рабочая тетрадь No 42/2018 / Российский совет по международным делам. Главный редактор: И.С. Иванов. Москва, 2018.

²⁴⁶ Barmin Yu. Russia and Israel: the Middle Eastern vector of relations// Working paper 42/2018 / Russian International Affairs Council. Москва, 2018.

²⁴⁷ Леванова К.А. Операция «Источник мира» и реакция международного сообщества на действия Турции// В сборнике: Проблемы и исследования зарубежной истории. Сборник научных трудов. Министерство высшего образования и науки Российской Федерации; Кубанский государственный университет. Краснодар, 2020. С. 121-132.

²⁴⁸ Надеин-Раевский В.А. Турция: непростой союзник// В сборнике: Год планеты. Ежегодник. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИММО). Москва, 2019. С. 274-286.

²⁴⁹ Юрк А.В. Сирийский фактор в отношениях Турции и НАТО: досадная помеха или начало конца блоковой солидарности?// Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 20-26.

²⁵⁰ Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции// Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 182-204.

²⁵¹ Вахшитех А.Н., Лапенко М., Оспанова А. Москва - Анкара - Тегеран: тройственный тактический союз в сирийском кризисе// Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 7-22.

²⁵² Корочкина В.А. Палестинская проблема и ее место во внешнеполитической повестке дня России// Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 1. С. 52-68.

²⁵³ Саркисян А.Р. Место Кавказа в определении геополитического статуса современной России// Клио. 2016. № 7 (115). С. 189-196.

²⁵⁴ Асланлы А., Джафаров Н. Сирийский кризис и государства южного Кавказа// Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 55-64.

²⁵⁵ Добаев И., Черевков О. Трансформация радикального исламистского движения на северном Кавказе: от "Имарата Кавказ" - к "Вилайяту Кавказ"// Россия и мусульманский мир. 2017. № 9 (303). С. 13-30.

²⁵⁶ Косач Г.Г., Филоник А.О., Мелкумян Е.С. Российско-саудовское политическое взаимодействие// Вестник МГИМО Университета. 2017. № 4 (55). С. 127-138.

наличие в регионе курдских вооруженных формирований, преследующих политические цели²⁵⁷.

«Арабская весна» стала триггером дестабилизации не только в регионе Ближнего Востока, но и в Европе, других районах Азии, фактически – во всем мире^{258,259,260,261,262,263}. Недавно произошло резкое обострение вопросов обеспечения безопасности в Афганистане, где движение «Талибан» (взращенное в свое время благодаря американской помощи террористам) захватило власть в стране, свергнув «либеральное» проамериканское правительство, что придает еще больше значимости вопросу о правовых основах использования вооруженных сил в иностранных государствах²⁶⁴, в том числе, в рамках взаимодействия с союзниками²⁶⁵, а также – с глобальными политическими конкурентами²⁶⁶.

Сирия – часть большого нефтедобывающего региона на Ближнем Востоке, поэтому любые действия вооруженных сил или вооруженных организаций должны учитывать реалии энергетической политики своих стран и международной энергетической безопасности^{267,268,269}, тем более, что

²⁵⁷ Миргород Д.А., Симеониди В.С. Перспективы создания единого Курдистана в контексте ближневосточной политики России и США// Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 296-300.

²⁵⁸ Павлова А.П. Анализ реакции ведущих акторов мировой политики на события в странах "Арабской весны"// Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 7 (59). С. 2313-2319.

²⁵⁹ Цыганок А.Д. Позиции России на Кавказе, в Сирии и Иране// Стратегическая стабильность. 2013. № 4 (65). С. 60-68.

²⁶⁰ Федорченко А.В., Крылов А.В. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России// Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. № 1 (3). С. 171-202.

²⁶¹ Комлева Н.А., Валиахметова Г.Н., Грибанова Г.И., Радиков И.В., Сарабьев А.В., Манойло А.В., Абрамов А.В.В., Саймонс Г. Сирийский кризис как этап процесса реформирования большого Ближнего Востока (круглый стол)// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 8-60.

²⁶² Вавилов А.И. Катаклизмы "арабской весны" / Москва : Библос консалтинг, 2018. - 760 с.

²⁶³ Ахмедов В.М. Особенности прихода к власти Башара аль-Асада и кризис в САР// Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2020. № 1. С. 91-96.

²⁶⁴ Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе// Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 213-237.

²⁶⁵ Темирханова А.Е. Взаимодействие стран центральной Азии и России в борьбе с международным терроризмом// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31). С. 112-117.

²⁶⁶ Gavrilis G. Central Asia's Uncertain Radicalization and the Opportunities for the Russia-U.S. Cooperation// Pathways to Peace and Security. 2017. № 1 (52). С. 251-260.

²⁶⁷ Симанович Л.Н. Оптимизация военной политики Российской Федерации в целях обеспечения энергетической безопасности государства// Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 4 (51). С. 12-18.

²⁶⁸ Ахмед М.А.Х. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 342-355.

энергетические объекты – это, как правило, объекты повышенной опасности, в том числе, для террористических атак.

Современное гибридное противостояние и локальные гибридные войны широко вовлекают Интернет^{270, 271} через социальные сети^{272, 273} производился рекрутинг молодежи (в том числе, российской)²⁷⁴ в ИГИЛ. Информационное пространство вообще представляет собой слабо регулируемое с точки зрения международного права пространство, в котором назрела необходимость применять некоторые нормы, сходные с нормами военного и военно-уголовного права. Отдельный круг вопросов представляет собой использование в целях создания вокруг России поясов нестабильности механизмов разжигания «цветных революций», часто связанных и с террористической угрозой, противодействие которым, особенно за рубежом, представляет собой зачастую сложную проблему, в том числе, с правовой точки зрения^{275, 276}.

Обострение конфликта в Сирии стало началом обострения международных отношений, в том числе, в военно-технической сфере, создав условия для усиления прокурорского надзора в сфере ОПК внутри России²⁷⁷.

²⁶⁹ Бородин С.К., Вершилов С.А., Мыльцев В.И. Борьба за углеводородные ресурсы Ближнего Востока в контексте сирийского вооружённого конфликта// Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 4. С. 89-97.

²⁷⁰ Адигамова Л.Э., Ситдикова Г.З. Использование сети интернет как средства совершения преступления экстремистской направленности// В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. С. 18-23.

²⁷¹ Арефьев А.М., Романенко И.И. О пропагандистской деятельности в отношении граждан СНГ со стороны террористических и экстремистских организаций// Конфликтология. 2016. № 2. С. 169-178.

²⁷² Кочесоков З.Х., Кочесокова М.К. Некоторые проблемы противодействия экстремистским проявлениям радикального религиозного фундаментализма на современном этапе// В сборнике: Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 173-178.

²⁷³ Ершова Д.А., Есаян М.Л. Современный терроризм и борьба с ним: социально-психологический анализ// В сборнике: Психологические исследования личности в современной стрессогенной среде. материалы V Всероссийской заочной научно-практической конференции. Северо-Кавказский федеральный университет, Институт образования и социальных наук. 2016. С. 164-167.

²⁷⁴ Понамарева А.М. Вовлечение молодежи в сетевые структуры "Исламского государства"// В сборнике: Молодежь перед вызовами XXI века. Сборник научных трудов. Сер. "Теория и история социологии" отв. ред. М.А. Ядова. Москва, 2018. С. 19-30.

²⁷⁵ Манойло А.В. Концептуальные и организационные основы противодействия цветным революциями в Российской Федерации и на постсоветском пространстве// Мировая политика. 2016. № 1. С. 1-5.

²⁷⁶ Манойло А.В. О создании федерального центра мониторинга цветных революций// Международные отношения. 2016. № 1. С. 4-6.

²⁷⁷ Паненков А.А. Координация в сфере надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе как условие укрепления безопасности России// Военно-юридический журнал. 2014. № 9. С. 7-11.

Сирийский конфликт обострил вопросы контроля над химическим оружием, «факты» его якобы использования сирийскими правительственными силами против «повстанцев» и «мирного населения» стали оружием глобальной гибридной войны^{278,279}.

Так или иначе, сирийский конфликт стал мощным фактором возвращения России в глобальную политику^{280,281,282,283}. При этом отдельный интерес представляет китайский фактор, поскольку Китай прямо заинтересован в стабильности в регионе, вблизи от конфликта проходит его основной торговый путь в Европу, кроме того, КНР намерена развивать и сухопутные направления, в том числе реализуя геополитический проект «Один пояс, один путь»^{284,285}. При этом Россия сама заинтересована в торгово-транспортных маршрутах (например, в контексте создания мощного направления «Север-Юг» - через Каспийское и Черное моря), развитие которых потребует обеспечения их безопасности²⁸⁶.

Таким образом, правовые вопросы военного сотрудничества России с Сирией по предотвращению террористической угрозы полностью находятся в легитимной правовой зоне, Россия обеспечивает защиту мирного населения и поддержание порядка и законности в конфликтных регионах, реализуя свою глобальную гуманитарную миссию и обеспечивая реализацию своих интересов в области национальной безопасности^{287,288}.

²⁷⁸ Черных А.А. Россия и проблема химического оружия в сирийском конфликте (2013 г.)// Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (36). С. 246-254.

²⁷⁹ Калядин А.Н. Химическое разоружение Сирии: уроки и перспективы// Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 55-64.

²⁸⁰ Изияева Л.О. Особенности реализации внешнеполитического курса России в Сирии на современном этапе// Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3 (137). С. 97-102.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Кабасакалова М.Г. К вопросу о столкновении интересов России и США в регионе Ближнего Востока на примере Сирии// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 5 (73). С. 179-187.

²⁸³ Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России// Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2 (106). С. 145-172.

²⁸⁴ Чикризова О.С., Давлетшина Э.А., Курочкина В.А. Помощь КНР и РФ Сирии в целях развития в контексте проблем региональной безопасности (2011-2019 ГГ.)// Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 85-102.

²⁸⁵ Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 204-226.

²⁸⁶ Цветков В.А., Зойдов К.Х., Медков А.А., Зойдов З.К. Современные инфраструктурно-интеграционные инициативы развития торговых путей и интересы России// Сегодня и завтра Российской экономики. 2017. № 83-84. С. 5-34.

²⁸⁷ Степанова Е.А. Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте "ответственности по защите")// Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 129-181.

Вопросы военного взаимодействия с США и их союзниками фактически вернулись к временам «Холодной войны», в ходе которых были разработаны довольно четкие регламенты, позволяющими избежать открытых столкновений, могущих привести к непосредственной угрозе масштабного, в том числе, ядерного конфликта. В ряду новых соглашений важно отметить российско-американский меморандум от 2015 года, нацеленный на обеспечение безопасности полётов военной авиации в ходе операций в Сирии. Значимость международных соглашений, регулирующих опасную военную деятельность, резко возросла, при этом в условиях появления новых, «гибридных» угроз их достаточность находится под большим вопросом²⁸⁹. В целом, вместе с тем, способность и возможность договариваться двум геополитическим конкурентам остается высокой, что и было продемонстрировано в ходе сирийского конфликта^{290,291,292}.

М. Кофман отмечает, что «даже в отсутствие прямого военного и контртеррористического сотрудничества по Сирии, США и Россия добились прогресса на поле боя, при этом не препятствуя усилиям друг друга»²⁹³, «фактический статус совоюющих сторон заставил Вашингтон и Москву наладить механизм урегулирования возможных инцидентов, а при администрации Трампа – восстановить ограниченные контакты по военной линии»²⁹⁴. Однако делать это все труднее в условиях непосредственной близости войск и переплетенного присутствия правительственных, иностранных и неправительственных сил.

В ноябре 2014 г., число боевиков ИГ уже превысило 200 тыс. чел., среди них – десятки тысяч иностранных боевиков, в том числе несколько тысяч граждан

²⁸⁸ Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России// Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 182-196.

²⁸⁹ Надточей Ю.И. Международные механизмы регулирования опасной военной деятельности и предотвращения инцидентов в Евро-Атлантическом регионе// Право и управление. XXI век. 2017. № 4 (45). С. 78-85.

²⁹⁰ Kortunov A.V., Olikier O. Policy Priorities In U.S.-Russia Relations// Center for Strategic and International Studies RIAC. Москва, 2017.

²⁹¹ Мирзаян Г.В. Российско-американские отношения и их сирийский шанс// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). С. 89-97.

²⁹² Цуркан А. Режим прекращения боевых действий в Сирии: успехи и перспективы российско-американского сотрудничества// Россия и мусульманский мир. 2017. № 8 (302). С. 41-58.

²⁹³ Kofman M. A Tale of Two Campaigns: U.S. And Russian Military Operations In Syria// Pathways to Peace and Security. 2017. № 1 (52). С. 163-170.

²⁹⁴ Там же.

России²⁹⁵. Тогда же была сформирована Западная коалиция из 15 стран во главе с США (в составе некоторых членов НАТО, а также стран Залива, традиционно сотрудничающих с США), действия которых оказались в целом неэффективны²⁹⁶. Россия вместе с Ираном приступила к оказанию эффективной помощи Сирии²⁹⁷. Разгром террористов состоялся в декабре 2017 г., остатки их переместились в Афганистан и далее – вплоть до стран Азиатско-Тихоокеанского региона²⁹⁸. После чего радикальные исламисты «мигрировали» в другие государства, в том числе страны Центральной Азии и Россию. Взять эту проблему под контроль только военными мерами невозможно^{299,300}, что также является новым вызовом международному праву.

Россия – влиятельный член Совета Безопасности ООН, который, к сожалению не смог (и, в условиях геополитической стратегии Запада по глобальной дестабилизации – не мог) договориться о совместных действиях мировых держав по деэскалации конфликта^{301,302}, что в целом является отражением острого международно-правового кризиса.

Традиционные дипломатические инструменты, в том числе, в сфере военной дипломатии сегодня все активнее применяются к негосударственным акторам (террористам, «оппозиционным повстанцам» и т.д.)³⁰³, и сирийский конфликт ознаменовал собой новый комплекс вызовов для международного права, в том числе и в деле обеспечения профилактики и наказания для международные террористические преступления, несущие угрозу безопасности миру.

²⁹⁵ Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. Москва, 2020. – 198 с.

²⁹⁶ Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке// США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 1 (565). С. 32-53.

²⁹⁷ Сулакшин С.С., Кравченко Л.И. Военная операция России в Сирии. Хронологическая аналитика// Центр научной политической мысли и идеологии. Москва, 2017.

²⁹⁸ Морозов Н.А. Террористическая угроза распространения "Исламского государства" в Азиатско-Тихоокеанском регионе// Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17. № 4. С. 22-34.

²⁹⁹ Хопёрская Л.Л. Новая тактика "Исламского государства" на евразийском пространстве// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 9 (37). С. 620-634.

³⁰⁰ Хопёрская Л.Л. "Исламское государство 2.0": нарастающая угроза на евразийском пространстве// Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1. С. 49-62.

³⁰¹ Рождественская Е.Ю. Сирийский вопрос в совете безопасности ООН (позиция Российской Федерации в 2016-2018 годах)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 67-71.

³⁰² Ходынская-Голенищева М.С. Работа совета безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений// Вестник МГИМО Университета. 2017. № 6 (57). С. 161-173.

³⁰³ Вербицкая Т.В. Военная дипломатия и политика России в Сирии// Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 45-51.

Таким образом, широкое задействование дипломатических инструментов, межгосударственных договоренностей, дипломатии и налаживания стратегических коммуникаций стали новыми тенденциями борьбы России с международным терроризмом.

2.3. Рост политического экстремизма и терроризма и политико-правовые механизмы противодействия им

Опасность проявлений современного экстремизма и терроризма во многом связана с его трансграничностью и трансрегиональностью. С одной стороны, этому в немалой степени способствовала глобализация, что было отмечено в первой главе настоящего исследования. В данном случае мы согласны с утверждением, что «глобализация на современном этапе... не ведет к вытеснению или замещению этничности, а способствует ее актуализации и политизации <...> превращению миноритарных этнических сообществ не просто в политически активных игроков, но и в международных акторов»³⁰⁴. С другой стороны – глобализация определенным образом оказывает «разрушительное воздействие на этничность»³⁰⁵. Таким образом, политически «оформленная» этничность, равно как и связанный с ней конфессиональный (особенно исламский) ренессанс зачастую выступают в качестве так называемого «нового национализма», противостоящего «глобализму» и использующего экстремистские механизмы и террористические методы.

В рамках обозначенного тренда актуализируется еще одно свойство терроризма как такового – необходимость своего рода экспансионизма в финансировании, кооптации людских ресурсов, а также в особенности территориального расширения ареалов своей деятельности³⁰⁶. Терроризм XIX и даже XX веков не идет ни в какое сравнение с терроризмом века нынешнего по

³⁰⁴ Тишков В.А., Шабаетв Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского Университета, 2011. – С. 326.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Klein G. R. Ideology isn't everything: transnational terrorism, recruitment incentives, and attack casualties // Terrorism and Political Violence. – 2016. – Т. 28. – №. 5. – С. 868-887.

организационным и функциональным характеристикам. Поэтому одним из фундаментальных способов существования современного терроризма является, на наш взгляд, его динамизм и транзитивность в части создания мировой, глобальной сети субъектов соответствующей активности³⁰⁷. Очевидно, что указанный вид террористической опасности с необходимостью требует для борьбы с его проявлениями соответствующие глобальные коалиционные усилия³⁰⁸, однако таковые не всегда имеют место, и зачастую ему противостоят усилия отдельных государств или их объединений.

Таким образом, современный терроризм, претерпев существенные изменения, стал международным³⁰⁹. При этом сетевая организация террористических объединений^{310, 311} пришла на смену сугубо национальной кооптации с появлением так называемых «кочующих армий» в основном салафитского толка, транзитирующих от одной зоны конфликта в другую (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия, Чечня и др.). Сетевые террористические структуры, на наш взгляд, являются прямой энтелехией соответствующих экстремистских институций, которые в свою очередь «заимствовали» организационное строение у структур транснациональной организованной преступности³¹². Подобные заимствования в социально-политической практике не являются уникальными. В частности, многие механизмы государственного управления и администрирования, что называется, «перекочевали» из менеджмента предприятий, равно как и организационное строение и принципы власти являлись в известной мере продуктом системы организации крупного индустриально производства.

³⁰⁷ Gendron A. Transnational Organized Crime and Terrorism: Global Networks in Pursuit of Plunder; Global Alliances in Pursuit of Plunderers //Routledge Handbook of Transnational Organized Crime. – Routledge, 2012. – С. 403-417.

³⁰⁸ Romaniuk P. Institutions as swords and shields: multilateral counter-terrorism since 9/11 //Review of International Studies. – 2010. – Т. 36. – №. 3. – С. 591-613.

³⁰⁹ Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации// PolitBook. – 2017. – № 1. – С. 147.

³¹⁰ Mayntz R. Organizational forms of terrorism: hierarchy, network, or a type sui generis?. MPIfG Discussion Paper 04/4 Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung Köln, 2004.

³¹¹ Comas J., Shrivastava P., Martin E. C. Terrorism as formal organization, network, and social movement //Journal of Management Inquiry. – 2015. – Т. 24. – №. 1. – С. 47-60.

³¹² Weisburd D., Savona, E. U., Hasisi, B., & Calderoni, F. (eds). Understanding recruitment to organized crime and terrorism. – Berlin : Springer, 2020.

Еще одной особенностью современного терроризма и ряда экстремистских организаций, по мнению большинства отечественных исследователей терроризма, является холдинговая и вертикально интегрированная организация построения со значительным участием в ней различных «гражданских специалистов», особенно в сфере цифровых технологий, масс-медиа, банкинге и прочее³¹³. Однако, в последнее десятилетие наблюдается децентрализация террористических групп, они становятся все более аморфными, часто организуясь по сетевому принципу.

В целом в процессе эволюции форм организации террористических группировок происходит организационная трансформация террористических образований от этнически-ориентированных (ИРА, ЭТА) к региональным (Талибан), а также к трансграничным (Аль-Каида)³¹⁴ и сетевым структурам наподобие ИГИЛ с вертикальным интегрированием и высоким адаптивным потенциалом³¹⁵. Именно с такими структурами сталкиваются институты национальной безопасности отдельных государств, а также наднациональные антитеррористические объединения. Известно, что уже в Чечне Россия столкнулась с трансграничным (по существу – международным) терроризмом в лице арабских наемников во главе с Хаттабом и другими³¹⁶.

Мы уже отмечали, что антитеррористическая операция в Ираке (с 2003 г.) отчасти способствовала расширению международного терроризма и его экстраполяции с точки зрения территориального функционирования на Ближний Восток, Центральную Азию и другие регионы постсоветского пространства, включая российский Северный Кавказ. Социально-политическая практика, особенно с начала XXI века, недвусмысленно указывает на факт того, что современная Россия была и остается последовательным борцом с терроризмом и сопровождающими его явлениями (экстремизмом, радикализмом). В 2006 году вторжение в Дагестан банд формирований с участием иностранных комбатантов

³¹³ Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации// PolitBook. – 2017. – № 1. – С. 150.

³¹⁴ Barbieri E. T., Klausen J. Al Qaeda's London branch: Patterns of domestic and transnational network integration //Studies in Conflict & Terrorism. – 2012. – Т. 35. – №. 6. – С. 411-431.

³¹⁵ Johnston P. B., Shapiro, J. N., Shatz, H. J., Bahney, B., Jung, D. F., Ryan, P. K., & Wallace, J. Foundations of the Islamic State: management, money, and terror in Iraq, 2005-2010. – Rand Corporation, 2016. P. xvi.

³¹⁶ По различным данным в Чечне их было уничтожено более 1000 чел.

потребовало адекватных этому мер и создания механизмов противодействия терроризму как внутри страны, так и в других регионах мира. Очевидно, поэтому и была создана новая система такого противодействия с принятием нового № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и президентского Указа № 116 «О мерах по противодействию терроризму»³¹⁷. В частности, в рамках указанных нормативных актов были определены основные принципы противодействия терроризму, организационные и правовые основы его профилактики, ликвидации (минимизации) последствий, а также вопросы применения ВС РФ против террористов и развития международного антитеррористического сотрудничества. Кроме того, определено содержание ключевых дефиниций в рамках указанной проблематики: «терроризм», «террористическая деятельность», «противодействие терроризму» и, что особенно важно с нашей точки зрения – «контртеррористическая операция». Семантическая интерпретация последней не противоречит ее правовому пониманию: «комплекс социальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта»³¹⁸. По существу, данное определение КТО легитимно фиксирует основные направления деятельности российского государства по борьбе с террористической опасностью как внутри страны, так и за ее пределами в рамках межгосударственных соглашений, а также международных обязательств РФ в наднациональных институциях (ООН, ШОС, ОДКБ и др.). Контртеррористическая операция представляет собой в этой связи совокупность согласованных (комплексных) действий по целям, месту и времени специальных мероприятий против различных проявлений террористической активности. Для координации действий государственных органов при осуществлении КТО был

³¹⁷ Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

³¹⁸ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

учрежден уникальный коллегиальный орган – Национальный антитеррористический комитет РФ (НАК). Эффективная деятельность НАК РФ на протяжении почти пятнадцати лет и антитеррористические успехи его функционирования подтвердили целесообразность его создания. Структура НАК РФ однозначно указывает на его функциональную спецификацию (см. схему № 4).

Схема 4. Структура НАК РФ

Источник: предложена автором.

Иными словами, НАК обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму. Предполагается, что в рамках решения триединой задачи – предупреждения, пресечения и ликвидации последствий террористических актов – на НАК возложена обязанность подготовки соответствующих предложений Президенту РФ; кроме того, он обеспечивает межведомственное сотрудничество, необходимое для эффективного

решения этой триединой задачи, и следит за выполнением соответствующих решений в сфере борьбы с терроризмом³¹⁹.

Несмотря на то, что в основе формирования НАК был с очевидностью предусмотрен некий переход от исключительно силового варианта борьбы с терроризмом к системным мероприятиям противодействию ему, трудно переоценить формирование центрального штаба межведомственного взаимодействия с целью предупреждения терактов и осуществления КТО. В этой связи важным представляется завершение создания антитеррористических комиссий или их аналогов в первичном звене управления – муниципальных образованиях, особенно в нестабильных регионах страны и в городах – «миллионниках». В настоящее время создана и достаточно успешно функционирует организационно-управленческая, вертикально-интегрированная структура антитеррора в Российской Федерации (см. схему № 5).

Схема 5. Взаимодействие НАК РФ и АТК РФ

Источник: предложена автором.

³¹⁹ Токбаев А.А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 61.

Таким образом, созданная структура представляет собой систему для решения антитеррористических задач по противодействию терроризму (выяснение, устранение причин и условий его «расширения»), борьбе с ним (КТО), а также ликвидации последствий его активности (посттеррористические мероприятия). Соответствующая контртеррористическая практика за пятнадцатилетний срок указывает на снижение активности террористов. Несмотря на то, что ситуация остается сложной, а 15 лет назад терроризм представлялся основной угрозой безопасности в РФ, по мнению А.Бортникова, правоохранные органы полностью ликвидировали организованное бандподполье на Северном Кавказе. Если в 2010 году было совершено около 800 преступлений террористической направленности, то в 2019 году – четыре³²⁰.

При этом за десять лет (с 2010 года) было предотвращено 698 преступлений террористической направленности (из них 159 террористических актов). К общему с Россией «антитеррористическому пространству» в форме информационного банка данных международных террористических организаций уже подключено 56 спецслужб из 42 государств³²¹.

На наш взгляд, деятельность антитеррористической системы в РФ показала свою эффективность в силу высокого уровня межотраслевого взаимодействия по реализации отмеченной выше триединой задачи. Очевидно, НАК не будет останавливаться на достигнутом, актуализируя новые подходы и механизмы как анти-, так и контртерроризма. Во-первых, это ожидаемо касается новелл в вопросах антитеррористической профилактики, а также активизации международного сотрудничества в контексте указанной проблематики. Во-вторых, возникает настойчивая необходимость по усилению координации между НАК и Советом безопасности РФ, например, через создание в структуре последнего отдельной межведомственной комиссии по антитеррористической безопасности или дополнительных коммуникационных механизмов между

³²⁰ Встреча Президента РФ с директором ФСБ Александром Бортниковым (стенограмма) 16 июня 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/63513> (дата обращения: 17.03.2021).

³²¹ См.: Там же.

антитеррористическими комиссиями НАК и соответствующими структурами Совбеза (по военной безопасности, по информационной безопасности, по общественной безопасности и других).

Кроме отмеченного, еще одним из приоритетных направлений обеспечения антитеррористической безопасности России является международное и межрегиональное сотрудничество в этой сфере. Здесь, прежде всего, имеется в виду евразийское пространство, динамично развивающееся, но в то же время, являющееся одним из «источников» террористической напряженности. Пресловутые «Евразийские Балканы» (в терминологии Зб.Бжезинского) от Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии до Индии и Китая представляют собой некую «дугу нестабильности», характеризующуюся, в том числе, повышенным количеством экстремистских и террористических проявлений. Российские ученые говорят о формировании так называемой «афразийской зоны нестабильности», включающей четыре зоны, которые условно можно обозначить как центральноазиатскую (включая Афганистан и Пакистан), ближневосточную, североафриканскую, регион Сахеля^{322, 323, 324, 325}.

В этой связи создаются различные надгосударственные институты и объединения, целью которых, в том числе, является реагирование на указанные явления в виде терроризма и экстремизма. Одной из наиболее динамичных региональных структур, по нашему мнению, представляется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Согласно Хартии ШОС³²⁶, декларируется, помимо экономического сотрудничества, противодействие экстремизму,

³²² Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. Формирование афразийской зоны нестабильности // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2015. – №. 2. – С. 88-99.

³²³ Исаев Л. М., Айсин, М. Б., Медведев, И. А., & Коротаяев, А. В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 4. – С. 713-730.

³²⁴ Гринин Л. Е. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2020. – С. 517-527.

³²⁵ Коротаяев А. В., Айсин, М. Б., Зинькина, Ю. В., & Романов, Д. М. К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности и Африки южнее Сахеля // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2020. – С. 198-236.

³²⁶ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года), с изменениями и дополнениями, ратифицирована ФЗ РФ от 6 июня 2003 года N 66-ФЗ// Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajjskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550 (дата обращения: 15.05.2021).

терроризму и сепаратизму. Кроме того, соответствующая Стратегия ШОС предполагает сотрудничество «по вопросам противодействия деятельности международных террористических организаций ..., направленной на вовлечение граждан государств-членов в террористические, сепаратистские и экстремистские группы»³²⁷. Таким образом, декларация противодействия терроризму акцентируется прежде всего на координации деятельности стран-участников в части противодействия терроризму в центральноазиатском регионе (филиальная сеть Аль-Каиды и ИГИЛ)³²⁸. При этом существенную роль в ШОС играет региональная антитеррористическая структура и ее деятельность по следующим направлениям:

- создание банков данных о террористических и экстремистских организациях;
- содействие в подготовке и проведении оперативных и контртеррористических мероприятий;
- проведение антитеррористических учений;
- подготовка специалистов для контртеррористических подразделений;
- установление рабочих контактов с международными антитеррористическими институтами (в рамках ООН).

Как известно, на 70 сессии ГА ООН Президент РФ предложил создать «широкую международную антитеррористическую коалицию»³²⁹, где значимое место, по-видимому, будет занимать ШОС с еще не полностью раскрытым антитеррористическим потенциалом.

Помимо ШОС, имеет смысл остановиться на деятельности ОДКБ – многофункциональной структуры, объединяющей часть государств постсоветского пространства, где контртеррористический вектор является одним из приоритетных. В зоне ответственности данной организации обычно выделяют восточноевропейский, кавказский и центральноазиатский регионы, где наиболее

³²⁷ Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPpGqLvQI4uaMX43IMkrMbfNewBneO.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

³²⁸ Wang J., Kong D. Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2019. – Т. 5. – №. 01. – С. 65-79.

³²⁹ Выступление Путина В.В. на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 17.03.2021).

актуализировались угрозы террористической и экстремистской направленности³³⁰: «Основная опасность для граждан стран СНГ исходит от международных террористических организаций, действующих в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Террористы пытаются использовать эти регионы в качестве плацдарма для экспансии, вербуют и обучают здесь новых боевиков, направляют их для дестабилизации ситуации в другие государства»³³¹.

Система антитеррора в рамках ОДКБ выглядит следующим образом (см. схему № 6), при этом следует отметить, что совокупность угроз и условий по осуществлению национальной безопасности государства-члены этой организации понимают вариативно с учетом региональной специфики.

Схема 6. Система антитеррора в рамках ОДКБ

Источник: предложена автором.

³³⁰ См.: Концепция коллективной безопасности от 15.05.1992 г. // Официальный сайт ОДКБ. – URL: https://old.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (дата обращения: 15.03.2021).

³³¹ Путин призвал спецслужбы СНГ к укреплению связей на фоне угроз терроризма // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/4823739> (дата обращения: 17.03.2021).

При этом следует отметить, что рассмотренные выше системы регионального противодействия терроризму представляют не только институциональное измерение, но и «технологическое» как совокупность механизмов анти- и контртеррористической направленности. Эффективность этих механизмов во многом подтверждается в процессе их реализации на практике в ходе конкретных контртеррористических операций. В этой связи целесообразно обратить внимание на одну из успешных контртеррористических операций России за последнее время (с 2015 г.) вне национальных границ – на территории Сирии против ИГИЛ – хотя бы потому, что она несомненно обладает целым рядом специфических черт, не актуализированных ранее. Хронология указанных событий достаточно хорошо описана и известна:

- 2011 г. – рост антиправительственных протестов, в том числе из-за экономических причин (неурожай, конфессиональные конфликты и прочее);
- 2012 г. – признание западными странами легитимности Национальной коалиции оппозиции;
- 2013 г. – применение химического оружия в Сирии и обвинение в этом правительства Б.Асада;
- 2013 г. – активизация ИГИЛ и экспансия больших территорий;
- 2015 г. – запрос Б.Асада к России о военной помощи.

На наш взгляд, убедительным выглядит экспертное мнение относительно того, что опыт событий на Кавказе указал российскому руководству на необходимость упреждающей борьбы с международным терроризмом, пока он еще не успел массово переместиться на территорию России, что и произошло в Сирии³³². «Совместными усилиями нам удалось многого достичь: очаг международного терроризма в Сирии фактически ликвидирован, заметно снижен и уровень насилия, налаживается мирная жизнь, ведется инклюзивный

³³² См. например: Ефимова М.А. Контртеррористическая деятельность России // Постсоветские исследования. – 2020. – Т.3. – № 1. – С. 44.

политический процесс под эгидой Организации объединенных наций»³³³, – зафиксировал на ноябрь 2020 г. В.В.Путин результаты отмеченной контртеррористической операции.

По мнению западных аналитиков, в частности, израильских, контртеррористическая операция России в Сирии опиралась в процессе ее реализации на «комплексно-системный подход», исходящий из ряда «взаимосвязанных целей и задач: международных, региональных и внутренних»³³⁴. Действия России, по мнению эксперта, были направлены «на защиту и спасение регионального союзника; обеспечение безопасности российских военно-политических активов в Сирии; предотвращение смены режима по ливийскому сценарию; нанесение превентивного удара по джихадистам, среди которых, по некоторым сведениям, насчитываются тысячи выходцев из постсоветского пространства (Центральная Азия и мусульманские регионы России), способных принести джихад в Россию»³³⁵ и прочее. Следует отметить, правда, что при оценке российской контртеррористической операции в Сирии большинство западных аналитиков вполне объяснимо и осознанно подменяет причину, в основе которой лежит борьба с ИГИЛ, с уже имеющимися следствиями.

Данные «разночтения» вполне укладываются в доминирующую парадигму большинства западных стран в части борьбы с терроризмом, особенно международным, наличие которого признается далеко не всеми. Социально-политическая практика по данному вопросу недвусмысленно указывает на неопровержимые факты использования террористических группировок западными спецслужбами для борьбы с противниками и конкурентами, при этом такие группировки в зависимости от ситуации определяются то повстанцами-освободителями, то экстремистами и террористами (в зависимости от изменения

³³³ Путин заявил о ликвидации очага международного терроризма в Сирии // ВЕДОМОСТИ. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/11/09/846240-putin-zayavil-likvidatsii-ochaga> (дата обращения: 15.03.2021).

³³⁴ Адамский Д. Российское стратегическое и оперативное искусство в Сирии // АЛЕКС-НОВОСТИ. – URL: <https://alex-news.ru/analitika-275/> (дата обращения: 03.03.2021).

³³⁵ Там же.

целей и задач, а также в тех случаях, когда представители таких группировок выходят из подчинения). Именно этим объясняются пресловутые «двойные стандарты», используемые в указанном контексте борьбы с терроризмом.

На наш взгляд, сирийская контртеррористическая операция России отмечена иным основным целеполаганием – уничтожением ИГИЛ и недопущением его сторонников на сопредельные России и другим странам СНГ территории. Очевидно, что, по результатам сирийской контртеррористической операции, «Россия решила все основные задачи, которые ставила перед собой в САР»³³⁶. По существу, курдские военные формирования и силы, верные Асаду, с помощью России разгромили террористический «халифат» в лице ИГИЛ. Действиями в Сирии Россия прервала процесс утраты своих позиций влияния, доставшихся от СССР. В этой связи, на наш взгляд, позиции России, вернувшей законной сирийской власти до 70% оккупированных территорий, сильны, как никогда, особенно с учетом необходимости восстановления этих территорий, возврата беженцев со снятием миграционной нагрузки на Западную Европу.

В этой связи важнейшим результатом контртеррористической операции в Сирии стало недопущение насильственной смены режима, а также тот факт, что был «предотвращен приход к власти радикальных исламистов... хотя совместную коалицию с Западом создать не удалось»³³⁷.

Тем не менее, характеризуя первую в XXI веке крупномасштабную операцию России против международного терроризма (даже при наличии существенных разногласий с западной «коалицией»), следует отметить такие ее черты, как:

- системность;
- разнообразие применяемых методов;
- значительная площадь территории проведения операции;
- легитимность;

³³⁶ Российские военные в Сирии решили пять главных задач // ВЗГЛЯД. Деловая газета. – URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/politics/2020/9/30/1062828.html> (дата обращения: 16.03.2021).

³³⁷ Аксененок А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки. 27.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojny-k-miru/> (дата обращения: 17.03.2021).

- многоуровневое использование вооруженных сил;
- эффективное политико-дипломатическое сопровождение операции;
- использование технологий деконфликтинга с разъединением конфликтующих сторон и реализацией принципов политики национального примирения;
- координацию и ограниченное взаимодействие с западной коалицией, а также с Турцией, Ираном, Израилем и Саудовской Аравией.

Однако и после достижения военной победы над ИГИЛ продолжается по существу миротворческая миссия РФ по разрешению сирийского социально-политического конфликта.

Террористические проявления зачастую сопровождают и многие «замороженные» конфликты, в том числе такие конфликты на постсоветском пространстве, как Нагорно-Карабахский, Приднестровский, Южно-Осетинский. В этой связи высокой степенью актуализации обладали до недавнего времени события вокруг Нагорного Карабаха, где боевые действия между Арменией и Азербайджаном обрели в известной мере и контртеррористический контекст – прежде всего, из-за сообщений об участии в них со стороны Азербайджана боевиков из Ближнего Востока. В частности, глава СВР РФ С.Е.Нарышкин «отметил, что разгорающееся вооруженное противостояние в Карабахе «подобно магниту» притягивает к себе боевиков из различных международных террористических структур»³³⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на явные успехи борьбы России (чеченская и сирийские кампании, деятельность НАК РФ внутри страны) с международным терроризмом, соответствующая угроза странам так называемого постсоветского Юга – Центральной Азии и Кавказа, остается более чем актуальной. Это затрагивает даже такие, казалось бы, «спокойные» в этом отношении государства с провозглашенным «вечным нейтралитетом», как Туркменистан. Возникающие на протяженной и слабозащищенной границе с

³³⁸ Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20201006/naryshkin-1578477893.html> (дата обращения: 17.03.2021).

Афганистаном (745 км) конфликты с группировками ИГИЛ и Талибана говорят сами за себя³³⁹.

На наш взгляд, потенциальное нарастание террористической угрозы имеет место в отношении еще одного «замороженного» конфликта на постсоветском пространстве – Приднестровья, где благодаря миротворческим силам РФ и оперативной группе российских войск сохраняется относительная стабильность последние десятилетия. С появлением у власти в Молдове юнионистских сил в лице избранной президентом М.Санду возможен (как она уже заявляла) вывод воинского контингента РФ из региона и начало силового военного варианта разрешения этнополитического конфликта. При этом нельзя исключать «подключение» к нему националистических, экстремистских и террористических групп как внутреннего, так и внешнего происхождения.

Выводы по главе 2

Рассмотрев основные тенденции экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России на примере чеченского этнополитического конфликта, региональных контртеррористических операций, а также механизмов борьбы с ростом экстремизма, следует сделать некоторые выводы и умозаключения.

Конфликт в Чеченской Республике изначально носил исключительно политический характер на фоне распада СССР и транзита власти от «советских» элит к нарождающимся региональным с тенденцией его «наполнения» этническим компонентом. Этнополитические конфликты, инициированные

³³⁹ См. например: Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 176-178.

элитами, возникают как некая апелляция последних к мифологизированному прошлому или как результат межгруппового соперничества в этническом контексте.

Данный фактор отражался в тенденции суверенизации бывших «советских» республик, включая Россию, сопровождающейся «национальным» экстремизмом. В чеченском конфликте «исламский» фактор не был изначально инструментом политической мобилизации (как исторически, так и содержательно), однако впоследствии чеченский экстремизм замещался экстремизмом исламским с приобретением атрибутов террористического государства, противодействия которым потребовало адекватных мер.

В Чеченской Республике они получили форму контртеррористической операции (КТО), режим которой периодически имеет место в некоторых регионах РФ (например, в северо-кавказских республиках).

Данное определение «контртеррористическая операция» в сравнении с «антитеррористической», иногда используемой в качестве синонима (что неверно), представляется более оптимальным, поскольку отражает конкретные «против», а не «вместо» с активным и «точечным» ответным противодействием терроризму. В этой связи «антитеррор» предполагает оккупацию пространства, противостоящего ему, и овладению им. Контртеррористическая активность исходит из конкретизации террористической опасности с избирательным (вариативным) воздействием на нее, что характеризует конкретную военно-политическую стратегию.

На наш взгляд, выбор именно этой стратегии при разрешении этно-политического конфликта и борьбы с терроризмом в ЧР обеспечил ее эффективность по нейтрализации банд с минимализацией потерь, особенно среди мирного населения. Очевидно это в полной мере относится к контртеррористическим «усилиям» РФ и за ее пределами, поскольку современный терроризм обладает экспансионизмом и транзитивностью в части создания глобальной сети субъектов соответствующей активности с вертикально-интегрированной организацией.

При этом противодействие терроризму, включая так называемый международный контур, непосредственно связано с «антитеррористическим» механизмами: профилактическими, предупреждающими, ликвидационными (последствий). Данная деятельность содержательно шире контртеррористических операций, направленных на пресечение терроризма с элиминацией его носителей.

На этой основе и в соответствии с соотношением между контр- и антитеррористическими операциями, а также имеющейся социально-политической практикой в РФ был создан и успешно функционирует НАК России, координирующий борьбу с терроризмом.

При этом фактологически очевидна своего рода закономерность: чем ближе к национальным границам находятся трансграничные террористические образования, приобретающие «мигрирующий» характер, тем острее возникают вопросы борьбы с ними. Последние события в Афганистане в полной мере подтверждают существование подобной тенденции. Значимым примером использования механизмов контртеррористической направленности со стороны России является сирийская операция (с 2015 г.) с отличным от западной коалиции целеполаганием – элиминацией ядра ИГИЛ и недопущением его сторонников на сопредельные РФ и ее союзников территории. По существу, действия России в Сирии прервали практику утраты позиций влияния в ближневосточном регионе, а также постсоветском пространстве. Здесь следует выделить одну из доминирующих тенденций борьбы с международным терроризмом или его элементами, заключенную в реверсивной многовекторности: через военную активность против террора при позитивных результатах возникает необходимость в миротворческой операции, а в случае ее неэффективности к акциям «по принуждению к миру».

Несмотря на очевидные позитивные успехи российского государства в борьбе с терроризмом на международном, региональном и национальном уровнях, соответствующая угроза остается более чем актуальной в Афганистане (после фактического поражения США), Центральной Азии, а также на Кавказе (Карабах). Усилению данной тенденции способствовала пандемия COVID-19,

совпавшая по времени с разгромом ядра ИГИЛ и его попытками возрождения через «сетевые» и «спящие» ячейки. Последнее потенциально возможно с соответствующей модификацией в различных «точках» мира, ставящее перед существующими анти- и контртеррористическими стратегиями новые задачи и технологии противоборства.

Не меньшую, чем терроризм, угрозу представляет собой экстремистский феномен как более пролонгированный в пространстве и во времени. При определении сущностных параметров экстремизма зачастую возникает содержательная подмена понятия «экстремизм» в широком и узком понимании, где первое исходит из теоретической «реабилитации» экстремизма как любой формы социального протеста, не имеющей негативной коннотации.

Именно данное понимание распространяется (хотя и не всегда) на узкую интерпретацию экстремизма с ярко выраженным насильственным компонентом в борьбе за власть.

В этой связи возникает различие между экстремизмом как ценностно-рациональным поведением и реализуемыми на практике превращенными формами, «балансирующими» на грани с терроризмом – целерациональными действиями. Подобная коллизия проявляется в типологии экстремизма с учетом существования его многообразных форм с сочетанием последних.

К этому следует добавить, что несмотря на изначальные декларации субъектов экстремизма, его политическое измерение является качественно определенным, поскольку все виды экстремистских действий обнаруживают политическое (властное) измерение.

Подъем и рост экстремизма в настоящее время сопровождается инструментальным и технологическим многообразием с идеологической и информационно-сетевой насыщенностью, зачастую в условиях завуалирования истинных целей и задач, требует соответствующих механизмов противодействия ему.

При этом следует выделить три основных механизма социального и государственного противодействия экстремизму в различных формах его

проявления: политико-правовые, социокультурно-ценностные и информационно-ситуативные. Данные механизмы взаимообусловлены и предполагают координацию политико-правовых государственных мер с социокультурной социализацией антиэкстремистского характера и соответствующей инфобезопасностью.

В этой связи политико-правовые механизмы противодействия экстремизму выступают некоей универсалией, где отражены правотворчество и правоприменение в сочетании с социокультурными и информационно-безопасными инструментами. При этом следует дифференцировать в проявлениях экстремизма действия экстремистской направленности, подлежащие административному регулированию, и экстремистские действия – объект уголовного права. В рамках механизмов обеспечения противоэкстремистской инфобезопасности наиболее эффективным представляется фиксация резкого изменения общественного мнения посредством интернет-мониторинга информационного поля страны.

Глава III. Модели антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства

3.1. Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом на российском фоне

Рассмотрев и проанализировав теоретико-методологические вопросы генезиса, эволюции экстремизма и терроризма, их во многом праксеологическую схожесть, а также современные аспекты борьбы с ними, мы подошли к необходимости определения национальных моделей противодействия этим феноменам. Если в концептуально-теоретическом плане терроризм и экстремизм представляют собой различные социально-политические явления – деятельность и поведение, то в праксеологическом отношении картина складывается иная. С одной стороны, существует группа исследователей, которая выступает против признания терроризма крайней формой экстремизма, особенно в прикладном, правовом контексте³⁴⁰. С другой – именно социально-политическая практика указывает на их базовую взаимозависимость и схожесть, поскольку в основе и терроризма и экстремизма лежит действие, по-разному регулируемое, как в первом, так и во втором случае. В данном контексте вполне оправданно их рассматривать совместно, поскольку экстремизм зачастую «перетекает» в террористическую деятельность.

³⁴⁰ Дзалиев М., Иззатдуст Э., Гордиенко В.В., Киреев М.П. Современный терроризм: социально-политический облик противника. – Москва: Academia, 2007. – 672 с.

Именно в этой связи, обращая внимание в предыдущих главах на глобальный, мировой характер терроризма (равно как и экстремизма с поправкой на национальную специфику) мы утверждали о необходимости сопряженных усилий всего мирового сообщества для борьбы с ними в рамках своего рода анти- и контртеррористического «интернационала». Впрочем, в современных реалиях, включая геополитические, создание подобной институции представляется маловероятным в силу различных подходов не только к возможности подобной консолидации, но и собственно пониманию феноменов терроризма и даже экстремизма. Особенно это касается позиций в данном вопросе «консолидированного Запада», который, как правило, рассматривает борьбу с терроризмом исключительно сквозь призму национально-корпоративных интересов и соответствующих юрисдикций. В частности, сейчас правомерно возникают вопросы относительно мнения «демократов» США, которые квалифицируют выступления сторонников Д.Трампа в январе 2021 г. (однозначно экстремистские) в качестве актов «внутреннего терроризма». В связи с отмеченным, представляется более корректным рассматривать национальные модели контртеррористического и антиэкстремистского противодействия в качестве базовых.

Опыт борьбы и противодействия терроризму (как и экстремизму), например, в современной России в начале второго десятилетия в XXI веке весьма показателен и зиждется на некоторых универсальных механизмах, доказавших свою эффективность. Здесь мы прежде всего подразумеваем контртеррористическую деятельность российского государства в Кавказском регионе (Чечня, Дагестан, Ингушетия и др.), связанную с открытыми военно-организационными мероприятиями, проводимые руководством и специальными службами. Помимо физического уничтожения боевиков и их руководителей были использованы следующие антиэкстремистские и контртеррористические механизмы:

– принятие и поэтапная реализация социально-экономической программы развития кавказских республик, включая снижение безработицы;

- обеспечение консолидации политических и конфессиональных элит, поддержка сильных и популярных региональных лидеров;
- обеспечение широкой социальной поддержки населения, институциональной стабилизации в регионах;
- автономизация кавказских республик в рамках существующих компетенций при поддержке федерального центра;
- возврат к мирной жизни бывших членов НВФ, не запятнавших себя кровью, их социальная адаптация (амнистия).

Абстрагируясь от национальной и межрегиональной конкретики, имеет смысл обратиться к общей характеристике борьбы с указанными негативными явлениями. Национальная модель противодействия экстремизму и терроризму отражается в вариативном сочетании со стороны государства «жесткой» (hard) и «мягкой» (soft) сил, которая в политико-правовом дискурсе представлена (smart power) «умной силой». Мы исходим из того допущения, что национальные анти-экстремистские и контртеррористические модели находят свое выражение в возможных сценариях противостояния международным экстремизму и терроризму.

Первый из них «атлантический», соответствующая мировая модель противодействия терроризму выстраивается под безусловным руководством США и НАТО. Данная модель отражает в общем классический и современный атлантизм с приставкой «нео». В начале нынешнего века один из идеологов «атлантизма» Зб.Бжезинский исходил из проатлантической проекции в борьбе с терроризмом и создания коалиции, включающей Россию и Китай³⁴¹. Как известно, замысел Зб.Бжезинского, предполагающий примат США в коалиции, не был осуществлен, прежде всего из-за этого принципа абсолютного доминирования. С приходом к власти Д.Трампа возник так называемый, «кризис разделения ответственности». С приходом к власти Дж.Байдена, который, как известно, провозгласил возврат Америки в «атлантическую семью», атлантическая модель

³⁴¹ Збигнев Бжезинский рассказал, как надо спасать Мир и США // *Неспокойный XXI век.* – URL: <http://www.xx-centure.com.ua/archives/42663> (дата обращения: 25.03.2021).

противодействия терроризму несколько изменилась по принципиальным основаниям. Выступление президента США на Мюнхенской конференции в феврале 2021 года содержало несколько тезисов относительно рассматриваемой проблематики:

- приверженность США альянсу НАТО;
- важность тесного сотрудничества с НАТО в дальнейших действиях в Афганистане;
- стремление к тому, чтобы Афганистан никогда больше не стал площадкой для подготовки террористов против США, их партнеров и их интересов;
- консультативная помощь в Ираке, имеющая жизненно важное значение в ходе продолжающейся борьбы с ИГИЛ;
- нельзя позволить, чтобы ИГИЛ возродилась;
- США полны решимости восстановить отношения с Европой, после напряженности в трансатлантических отношениях;
- США должны восстановить непоколебимые преимущества Америки³⁴².

При этом американский лидер призвал «готовиться к длительному стратегическому соперничеству с Китаем», которое «будет жестким», а также «противостоять угрозе со стороны России», поскольку «Путин стремится ослабить Европейский проект и наш альянс НАТО»³⁴³.

Таким образом атлантическая модель борьбы с терроризмом предполагает, прежде всего координацию соответствующих действий под эгидой США и стран, входящих в НАТО и ЕС. Однако следует иметь в виду, что изначально альянс создавался для противостояния СССР, а в дальнейшем трансформировался в территориальный союз обороны. В этой связи вполне правомерным является мнение эксперта И.Тимофеева: «Роль НАТО и в борьбе с ИГИЛ, и в борьбе с терроризмом и экстремизмом ... будет второстепенной ... может ограничиться

³⁴² Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года [ПЕРЕВОД] // US DEPARTMENT OF STATE. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian> (дата обращения: 25.03.2021).

³⁴³ Там же.

разведывательной работой, подготовкой кадров, но никак не более»³⁴⁴. При этом объявление борьбы с терроризмом как ключевой угрозой не предполагает быстрого эффекта, поскольку «перевести эту озабоченность на язык конкретных развернутых действий альянс пока не может»³⁴⁵.

В подтверждение подобного мнения отметим, что еще в декабре 2020 года Еврокомиссия представила пакет предложений по активизации борьбы с терроризмом в странах Евросоюза, включающий меры по борьбе с распространением радикальных идей в сети Интернет, повышению безопасности общественных зон с расширением полномочий Европола. Не умаляя возможной эффективности намеченных предложений, все же следует обратить внимание, что они носят вспомогательный характер.

Резюмируя вышеотмеченное, позволительно сделать вывод о том, что атлантический сценарий и соответствующая модель противостояния терроризму и экстремизму, во многом актуализированная с приходом к власти в США новой администрации, малосовместима с автономией и суверенитетом Европы. Данный фактор, на наш взгляд, является весьма существенным, поскольку предполагает не только декларативность атлантической солидарности, но и военно-политическую дисциплину, поддерживаемую диктатом США, как, впрочем, самой организационной структурой НАТО. Кроме того, данный сценарий исходит из сохранения или адаптации однополярности, доминирования либеральных ценностей, а также обеспечения односторонних преимуществ для Запада.

Второй сценарий (модель) антитеррористического противостояния можно определить как **изоляционистский (автономный)**, предполагающий изоляцию государств-центров терроризма, международных и региональных террористических организаций в качестве объектов антитеррористических действий. На наш взгляд, в рамках данного сценария выдвигается идея разделенной коллективной безопасности. Одним из регионов – «слабых звеньев» безопасности без преувеличения является южный Кавказ, который, в отличие от

³⁴⁴ Эксперт о борьбе НАТО с терроризмом: это как забивать гвозди микроскопом // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20170524/1495006488.html> (дата обращения: 26.03.2021).

³⁴⁵ Там же.

Северного (в основном преодолевшего терроризм, но до сих пор являющегося центром экстремистского напряжения), остается средоточием не решенных этнополитических конфликтов, сопровождающихся экстремизмом и некоторыми проявлениями терроризма с радикализацией исламского фундаментализма.

Применительно к южнокавказским государствам прослеживается как минимум два тренда в обеспечении безопасности, включая антитеррористическое направление. Первый из них отражен в Восточном партнерстве НАТО в рамках плана ПАП-Т по борьбе с терроризмом (Грузия, Армения), предполагающего обмен разведывательными данными, а также организационные мероприятия для подготовки антитеррористической деятельности. Кроме того, странами региона Грузией, Арменией и Азербайджаном в контексте дифференцированного сотрудничества с ЕС и НАТО предусмотрено участие в разного рода военных учениях. Евразийская альтернатива региональной безопасности представлена ОДКБ.

Еще одним представителем возможного осуществления автономного сценария противодействия терроризму является Китай, реализующий собственный вариант борьбы с экстремизмом (включающий в том числе антитеррористические меры) исключительно на своей территории. Однако, перманентный китайский экономический и военно-политический рост дает возможность предположения новой биполярности «синаморфного» типа. Известно, что КНР принципиально избегает военных союзов и коалиций, отсутствующих у нее с кем бы то ни было. Однако китайская модернизация с реинтеграцией идеи доминирования Поднебесной и Великого Шелкового пути трансформировалась в геэкономическую доктрину «Один пояс, один путь» – осторожную, но достаточно эффективную внешнюю политику с акцентом на (пока) «мягкую» силу, что увеличивает возможность рассматривать Китай в качестве «некоего интегратора», прежде всего, континентальной системы безопасности. Этому без сомнения попытается помешать США в лице новой администрации, подвергающей «стратегическому сомнению» демократический потенциал Китая. На наш взгляд, труднее всего признание китайского лидерства,

в том числе и по противодействию терроризму, будет даваться Индии, имеющей иную точку зрения на афганское урегулирование с антипакистанским подтекстом. Здесь Китаю, как и другим акторам возможных сценариев антитеррористического противодействия понадобится новая социальная интеграционная идея, подобно, например, евроатлантической идентичности в своей модернизационной версии. Здесь имеется в виду, например, «двойственная», дуальная природа РФ (Азия и Европа) усилившая возможности Евразийской интегративной идентичности.

При этом иной сценарий, *по форме плюралистический*, исходящий из интегративной сущности евразийских идентичностей, представляется более реалистичным. Этот сценарий исходит из того, что на смену биполярной системы мироустройства (двумя «полюсами» которой являлись СССР и США), распавшейся с распадом Советского Союза, приходит многополярная форма мироустройства, несмотря на сдерживание этого процесса со стороны «атлантизма» (США, НАТО, проект «Глобальная Британия» и т.д.). Очевидно, что данный процесс сопровождается новой нестабильностью и достаточной степенью неопределенности в системе международной безопасности. На наш взгляд, подобная ситуация с некой асимметричностью национальной, региональной в международной безопасности обусловлена:

- «заморозкой» отношений между НАТО и Россией;
- снижением «арбитражной» значимости международного права и международных институтов;
- усилением идеологической и отчасти конфессиональной поляризации;
- функциональной уязвимостью информационной среды;
- появлением перманентно «кризисных» государств;
- усилением различных форм радикализма и насильственного экстремизма с их террористской трансформацией.

Иными словами, мировые вызовы и угрозы, включая террористические и экстремистские, качественно и количественно эскалируют на фоне снижения значимости общих ценностей и позитивного целеполагания между Западом и

Востоком, особенно с Россией, начиная со второго десятилетия XXI века. Именно поэтому «атлантический» и «автономный» антитеррористические сценарии маловероятны, поскольку большинство их акторов не видят общих целей даже в части противостояния терроризму и даже климатическим деструкциям и пандемии (учитывая «войну вакцин»).

Все это соседствует с политикой сдерживания России и Китая. При этом плюралистическая, полицентричная модель противодействия терроризму и экстремизму выглядит наиболее адекватной современным реалиям и расстановке социально-политических сил в мире. Более того, евразийское поле реализации данного сценария является полиэтничным и поликонфессиональным (славяно-тюркским, индо-иранским и конфуцианско-буддистским). Поэтому, на наш взгляд, разрешение дилеммы Восток-Запад в рамках антитеррористической борьбы остается за Евразией, в целом не консолидированной, но вполне консенсусно-единой именно в данном вопросе. Более того, «плюралистический» сценарий в рамках большого Евразийского пространства выглядит более предпочтительным в сравнении с двумя другими сценариями, поскольку наиболее острая и эффективная борьба с терроризмом развернулась именно в Евразии: уничтожение ядра ИГИЛ Россией в координации с Турцией и Ираном (включая Астанинский процесс) плодотворные попытки процессов умиротворения в Ливии и Ираке.

Рассматриваемый «евразийский» сценарий выглядит более реалистичным с учетом жесткого политического противостояния между НАТО, ЕС и США, с одной стороны, и Россией, с другой стороны, в рамках евроатлантического контура, а также НАТО и США с Китаем, прежде всего в АТР. Таким образом, два контура антитеррористического противостояния (атлантический и автономный), по крайней мере, в данный период практически закрыты с перспективной возможностью российско-китайского сотрудничества по данному вопросу. Очевидно, что евразийская («полицентричная») модель предусматривает сильную Россию в качестве контртеррористического ядра, взаимодействующего с влиятельными акторами данного ареала.

Применительно к постсоветскому пространству ключевой конструкцией контртеррористического и антиэкстремистского противодействия следует определить организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), реже именуемую «Ташкентским пактом». О роли данной организации В.В.Путин отметил, что «такая организация, как ОДКБ, себя, безусловно, оправдывает»³⁴⁶, поскольку сотрудничество в сфере безопасности является одним из приоритетов, и оно выгодно для всех «участниц организации коллективной безопасности»³⁴⁷.

Следует обратить внимание, что организационно и институционально в рамках основополагающих документов ОДКБ недвусмысленно выделены базовые направления деятельности данной организации. Так, ст. 8 Устава говорит, в первую очередь, о координации и объединении усилий в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом³⁴⁸. А в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ (2016 г.) на период до 2025 г. представлен комплекс мер по противодействию внутренним и внешним угрозам, связанным с терроризмом и экстремизмом³⁴⁹.

Внутренние из них (п. 3.2) связаны с:

- деятельностью, целью которой является дестабилизация внутри страны;
- пропагандой и финансированием терактов, рекрутированием граждан для международных террористических организаций;
- прогнозируемым ростом радикальных взглядов и убеждений³⁵⁰.

Внешние угрозы (п. 3.1) для стран-членов ОДКБ включают в себя возможность вторжения на суверенную территорию вооруженных контингентов из террористических и экстремистских организаций³⁵¹.

³⁴⁶ Деятельность ОДКБ оправдывает себя, заявил Путин // РИА НОВОСТИ. –URL: <https://ria.ru/20170412/1492069357.html?in=t> (дата обращения: 25.03.2021).

³⁴⁷ Там же.

³⁴⁸ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // официальный сайт ОДКБ. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 25.03.2021).

³⁴⁹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // официальный сайт ОДКБ. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 25.03.2021).

³⁵⁰ Там же, п. 3.2.

В целом антитеррористическая часть Стратегии ОДКБ содержит положения относительно:

- антитеррористических механизмов обеспечения коллективной безопасности ОДКБ;
- блокирования финансовых источников терроризма;
- эффективной координации действий антитеррористической направленности;
- совместных комплексных мер профилактики;
- создания механизмов систематического обмена информацией по террористическим и экстремистским организациям³⁵².

В процессе становления и функционирования ОДКБ возникли, что вполне естественно, некие проблемы, разрешение которых оптимизирует процесс развития данной организации. Прежде всего это касается конкретизации мотивации субъектов данного объединения и соответствующих коллективных действий. Кроме того, наличие ШОС, со схожим, но по объему потенциально большим охватом государств, отчасти усложняют координацию между ними, некоторым препятствием является также поступление в регион Центральной Азии достаточно существенного инвестирования США.

Для разрешения указанных коллизий, на наш взгляд, необходимо создание координационного механизма, предусматривающего усиление взаимодействия государств-членов ШОС и ОДКБ для укрепления евразийской безопасности, противодействия терроризму и экстремистской активности. Гипотетически представляется возможным постепенное формирование на основе имеющихся структур (ОДКБ, СНГ, ШОС и др.) общей антитеррористической институции – к примеру, ситуационного центра.

Рассмотренная евразийская (плюралистическая) модель является оптимальной для России, имеющей и свою многовекторную стратегию в борьбе с терроризмом и экстремизмом, так как имеет в основе многополюсную модель

³⁵¹ Там же, п. 3.1.

³⁵² Там же, п. 6.5.

мироустройства и предполагает альянс всех или большинства стран Большой Евразии, пострадавших от терроризма и/или разделяющих озабоченность эскалацией этой угрозы, наравне с экстремистской активностью.

3.2. Россия и международные организации в борьбе с негативными социальными явлениями (экстремизм и терроризм)

Вне всякого сомнения, международная составляющая борьбы с глобальными угрозами, каковыми являются экстремизм и терроризм, стратегически необходима для успешного противодействия им^{353, 354}. Это в известной мере находит отражение в том, что практически все нормативные и правовые акты Российской Федерации в этой сфере – Стратегия национальной безопасности, федеральные законы «О противодействии терроризму» и «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегия противодействия экстремизму, Концепция противодействия терроризму и другие – содержат положения или отдельные разделы, посвященные международному сотрудничеству в указанных сферах³⁵⁵.

Подобное сотрудничество, на наш взгляд, имеет два уровня. На первом располагаются двусторонние и многосторонние форматы взаимодействия, входящие в систему международного права с одним принципиальным допущением о том, что такое сотрудничество не может быть инструментом реализации односторонних политических интересов и геополитических преимуществ. Второй уровень непосредственно связан с участием и активной

³⁵³ Uniting against terror: Cooperative nonmilitary responses to the global terrorist threat / Ed. by D. Cortright, G.A. Lopez. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.

³⁵⁴ International cooperation in counter-terrorism: the United Nations and regional organizations in the fight against terrorism / Ed. by G. Nesi. New York: Routledge, 2016.

³⁵⁵ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400; Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

позицией Российской Федерации в международных организациях и институтах. Однако, как было показано при анализе региональных моделей противодействия терроризму и экстремизму (параграф 3.2), частично корреспондирующих с так называемыми «глобальными» сценариями (параграф 1.3), борьба с терроризмом и экстремизмом, несмотря на декларирование общих целей, сталкивается с серьезными проблемами и неким «национальным» эгоизмом в вопросах формирования всеобщего контртеррористического «фронта».

Важность и необходимость всеобщих усилий по противодействию терроризму, как известно, отражены в Глобальной контртеррористической стратегии³⁵⁶, принятой на Генеральной Ассамблее ООН в 2006 году консенсусом, где государства-члены впервые согласовали общий стратегический и оперативный подход к борьбе с терроризмом. Роль ООН в противодействии терроризму активно изучается исследователями по всему миру^{357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364}. При этом следует выделить следующие компоненты:

- «1. Устранение условий, способствующих распространению терроризма.
2. Меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним.
3. Меры по укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы Организации Объединенных Наций в этой области.

³⁵⁶ Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (A/RES/60/288) // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 10.05.2021)

³⁵⁷ Куклина И. Мировой терроризм и международные структуры обеспечения безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1. С. 25–33.

³⁵⁸ Чернядьева Н. А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 198–202.

³⁵⁹ Чернядьева Н. А. Роль Резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 176–184.

³⁶⁰ Foot R. The United Nations, counter terrorism, and human rights: Institutional adaptation and embedded ideas // Human Rights Quarterly. 2007. Vol. 29, No 2. P. 489–514.

³⁶¹ Karlsrud J. Towards UN counter-terrorism operations? // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. № 6. P. 1215–1231.

³⁶² Milton D., Jadoon A., Warner J. Needs or Symbols? The Logic of United Nations Counterterrorism Treaty Ratification // International Studies Quarterly. 2022. Vol. 66. № 1. P. sqab076.

³⁶³ Messmer W. B. The origins of united nations' global counter-terrorism system // Historia Actual Online. 2010. № 22. P. 173–182.

³⁶⁴ Minnella C. M. Counter-terrorism resolutions and listing of terrorists and their organizations by the United Nations // International Human Rights and Counter-Terrorism / Ed. by E. Shor, S. Hoadley. Singapore: Springer, 2019. P. 31–53.

4. Меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом»³⁶⁵.

К подобным документам, на наш взгляд, следует также отнести Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 2015 года, название которой говорит само за себя: «Мир против насилия и насильственного экстремизма»³⁶⁶. Здесь обращает на себя внимание встревоженность: «актами нетерпимости, насильственного экстремизма, насилия, в том числе межконфессионального, и терроризма в различных районах мира, которые приводят к гибели ни в чем не повинных людей, вызывают разрушения, и перемещение людей»³⁶⁷, при этом отвергается «применение насилия независимо от его мотивов»³⁶⁸.

Показательным выглядит факт того, что контртеррористическое управление ООН (КТУ) определено в Резолюции главным координационным центром системы ООН по предупреждению и борьбе с насильственным экстремизмом (ПНЭ), создающим питательную среду для терроризма. Кроме того, с точки зрения нашего исследования небезынтересен План действий по предупреждению воинствующего экстремизма (доклад Генерального секретаря ООН от 2015 г.), дефиниция которого такова: «Воинствующий экстремизм – явление многоплановое, которое не имеет четкого определения. Оно не является ни новым, ни присущим только какому-либо конкретному региону, национальности или системе верований. <...> Воинствующий экстремизм охватывает более широкую категорию проявлений, и существует опасность того, что смешение двух терминов может приводить к оправданию чрезмерно широкого применения мер по борьбе с терроризмом, в том числе в отношении действий, которые не должны считаться террористическими актами»³⁶⁹.

Таким образом в профильных структурах ООН предполагают разделять, с одной стороны, насильственный экстремизм и воинствующую его форму, с другой –

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Резолюция генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/109 от 10 декабря 2015 года «Мир против насилия и насильственного экстремизма» // Официальный сайт ООН. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/109> (дата обращения: 10.05.2021)

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря ООН 24.12.2015 // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.unic.ru/sites/default/files/RU_Plan.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

последний призывают не отождествлять с терроризмом. При этом при утверждении, что воинствующему экстремизму нет четкого определения, очевидно фиксируется социально-политическая практика последних лет, его проявляющая, а также попытка выделить качественную определенность данного явления в сравнении с родственными ему. Между тем со всей очевидностью прагматически следует разрешение данной «дефинитивной коллизии» следующим способом.

По существу, здесь фигурируют три терминологические формулы: экстремизм как общее определение насильственных ценностно-рациональных действий, актуализированных в различных формах демонстративного социально-политического поведения, о чем мы выше писали. Во-вторых, насильственный экстремизм, отражающий степень радикального насилия, которое абсолютизируется в конкретных экстремистских действиях с тенденцией их трансформации в целерациональные, деятельностные. Наконец, воинствующий экстремизм представляет собой вид крайних, насильственных действий, по существу являющихся политической экстремистской деятельностью, практически не различимой с другой ее формой – терроризмом. Поэтому, на наш взгляд, со стороны ООН имеет место своего рода предупреждение по неоправданно широкому применению антитеррористических мер по отношению к некоторым проявлениям воинствующего экстремизма.

Неким продолжением международной повестки дня по противодействию терроризму и экстремизму явилось выступление В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2015 г.), где президент РФ предложил на основе международного права создать широкую международную антитеррористическую коалицию, включающую мусульманские страны. «Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеют зло и человеконенавистничество»³⁷⁰, – отмечал российский президент.

Здесь, помимо весьма актуальной стратегии антитерроризма (и антиэкстремизма), с высокой трибуны ООН была обозначена фундаментальная

³⁷⁰ Выступление В.В.Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385/videos> (дата обращения: 12.05.2021).

квалификация указанных явлений – их сущностный и генетический антигуманизм. К сожалению, известно, что США направили соответствующую ноту, отклоняющую подобное антитеррористическое сотрудничество. Однако последующие события подтвердили экзистенциальную правоту России в реализации ее коалиционной инициативы в рамках ближневосточного региона, правда в усеченном виде. Именно гуманизм как базовая идея должен быть основой антитеррористической и антиэкстремистской стратегий. На наш взгляд, его отсутствие объясняет причины того, что «активная деятельность государств в правовой сфере, их сотрудничество в рамках ООН и других международных организаций, не приводят к радикальным изменениям в борьбе с международным терроризмом»³⁷¹.

К вышеперечисленному, на наш взгляд, следует добавить следующие возникшие за последние пятнадцать лет факторы (особенно после 2014 г.), которые с различной степенью интенсивности препятствовали созданию мировой антитеррористической (антиэкстремистской) коалиции:

- перманентная конфликтность на региональном, субрегиональном («периферийном») и мировом уровнях на фоне значительной утраты доверия между субъектами международных отношений;
- эскалация политики сдерживания со стороны США, НАТО и ЕС по отношению к России и Китаю как угрозе Западу наравне с терроризмом и изменениями климата;
- социально-экономические кризисы, последствия пандемии COVID-19 с национально-государственным «эгоизмом» их преодоления;
- актуализация идеи и политической практики Запада «о неизбежном упадке и угасании России»;
- смена американской парадигмы с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в Афганистане, Ираке и Сирии и ростом экстремизма в США;

³⁷¹ Косачев К.И. Политические и правовые основы борьбы с угрозами международного ядерного терроризма. – М. – 2005. – С. 18-19.

– новый уровень неопределенности и нестабильности в рамках усиления «региональной глобализации» и фактической многополярности современного мира.

В этой связи мы полагаем, что мировое общественное развитие, как минимум некоторое время, будет проходить в условиях кризиса «классической глобализации» в новых геоэкономических и политических реалиях в однозначно проявляющейся «глобализации региональной» с адекватной эволюцией соответствующих организаций и институтов. Более того, в силу сложившихся объективных факторов, не предполагающих консолидацию всего мирового сообщества даже перед такими негативными явлениями, каковыми безусловно являются терроризм и экстремизм, сегодняшние ожидания по борьбе с ними (помимо национально-государственных структур) следует фокусировать на региональных и субрегиональных объединениях.

Наиболее показательной иллюстрацией и весомым аргументом в пользу данного предположения является деятельность Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)^{372, 373}, возникшей в 1996 году после подписания «Соглашения и мерах доверия в военной области в районе совместной границы» государствами «шанхайской пятерки» – Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Сейчас, как известно, ШОС по суммарной численности входящих в него стран, стран-наблюдателей и стран-партнеров объединяет почти половину населения планеты³⁷⁴. Согласно Хартии ШОС³⁷⁵, одной из основных целей организации провозглашено: «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией»³⁷⁶.

³⁷² Васильев Л. Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2017.

³⁷³ Клещева Т. А. Роль России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом в странах АТР и на Российском Дальнем Востоке // Международное право и международные организации. 2012. № 1. С. 34–48.

³⁷⁴ Справочный материал по ШОС // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4025930 (дата обращения: 15.05.2021).

³⁷⁵ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года), с изменениями и дополнениями, ратифицирована ФЗ РФ от 6 июня 2003 года N 66-ФЗ // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550 (дата обращения: 15.05.2021).

³⁷⁶ Там же. Ст. 1.

Одним из важнейших в этой связи документов является Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г.³⁷⁷

Определяющую роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом, на наш взгляд, играет специальный институт (орган) – региональная антитеррористическая структура ШОС – РАТС, учрежденная через год после одобрения Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³⁷⁸. Эта структура курирует вопросы формирования и постоянной актуализации реестра террористических и экстремистских организаций; подготовки и повышения квалификации специалистов в области борьбы с терроризмом, в том числе путем проведения соответствующих учений; важным инструментом борьбы с терроризмом является совместное проведение розыскных мероприятий.

Иной (частично совпадающей по набору стран-участниц) межрегиональной моделью противодействия терроризму и экстремизму, как известно, является ОДКБ (2002 г.), начало которой положил Договор о коллективной безопасности (1992 г. Ташкент). Данная организация по существу является формой военно-политической интеграции государств на существенной части постсоветского пространства. Значительные последствия и сопровождающие их существенные коллизии, ознаменовавшие распад СССР, во многом предопределили необходимость создания ОДКБ. Этому в немалой степени способствовали военно-политические конфликты в странах Южного Кавказа и Центральной Азии на фоне экстенсивного роста террористических угроз и разного рода экстремистских проявлений^{379, 380}.

Обратим внимание лишь на антитеррористическую составляющую деятельности ОДКБ. Стратегией коллективной безопасности до 2025 г. среди внутренних угроз безопасности названы: «деятельность экстремистских и

³⁷⁷ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001 г.), ратифицирована РФ ФЗ № 3-ФЗ от 10.01.2003 г. // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550 (дата обращения: 15.05.2021).

³⁷⁸ Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 6.06.2002 // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 15.05.2021).

³⁷⁹ Гусев Л. Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 126-133.

³⁸⁰ Селезнев И. А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 143–152.

террористических организаций ...; пропаганда и финансирование терроризма, рекрутирование граждан ... в ряды международных террористических и религиозно-экстремистских организаций; прогнозируемый рост террористической активности за счет возвращающихся на родину граждан государств – членов ОДКБ, прошедших боевую практику в рядах международных террористических организаций»³⁸¹. Среди мер по борьбе с этими угрозами, разработанными и активно применяемыми государствами ОДКБ, можно отнести проведение специализированных совместных учений, развитие общего нормативного правового поля в области профилактики и пресечения террористических проявлений, создание единого реестра террористических организаций и критериев по их определению и др.

Специфика террористических угроз и механизмы их профилактики и пресечения в рамках ОДКБ в значительной степени пересекаются с таковыми в рамках ШОС, более того, зачастую совпадает и их территориальная принадлежность, что в дальнейшем может стать прочной основой для взаимодействия этих двух структур в сфере борьбы с терроризмом в соответствующем регионе. Подобное взаимодействие приобретает особую актуальность в связи с нарастанием террористической угрозы в результате вывода военного контингента США из Афганистана, миграции боевиков ИГИЛ в южно-кавказский и центральноазиатский регионы. Представляется, что на региональном уровне такое взаимодействие может быть отработано быстрее, работать эффективнее и результативнее, нежели это происходило бы на глобальном уровне – действительно, региональное и межрегиональное сотрудничество под эгидой ШОС и ОДКБ подкрепляется большим единством взглядов стран-участниц на определение террористической угрозы и ее конкретных проявлений, чем это наблюдается на глобальном уровне, что существенно тормозит развитие Антитеррористического глобального альянса.

На наш взгляд, возможно подойти к решению данного вопроса с праксеологической стороны – исследовать проблемы противодействия экстремизму и

³⁸¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Официальный сайт ОДКБ. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezопасnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_na_period_do_/ (дата обращения: 25.03.2021).

терроризму, в том числе и в контексте создания глобальных и «глобально»-региональных альянсов на основе теории стратегирования. Иными словами, речь идет о стратегировании создания антитеррористической коалиции по противодействию экстремизму и терроризму в глобальном и «континентальном» и даже национально-государственном измерениях.

На наш взгляд, существует два варианта в решении указанной проблемы. Первый из них связан с упомянутой Глобальной контртеррористической стратегией ООН, что осложнено существующими «ооновскими» процедурно-протокольными вопросами. Другой подход непосредственно связан с концепцией стратегирования академика РАН В.Л. Квинта^{382, 383}. Представляется в полной мере оправданным использование теоретико-прикладных технологий «стратегирования» для формирования глобальных, международно-региональных и национально-государственных стратегий противодействия терроризму и экстремизму. При этом следует отметить комплексный и долгосрочный характер осуществления подобного рода деятельности.

Наиболее сложным представляется формирование антитеррористической и экстремистской стратегии глобального уровня в условиях существующего ограничения имеющейся ресурсной базы. Собственно, последним обуславливается (с древних времен) необходимость создания стратегий в тех или иных сферах общественного и политического бытия.

В процессе стратегирования, начинающегося с прогнозирования и завершающегося стратегическим планированием, мы получаем финальный продукт в виде формализованной стратегии, в которой имеет место:

- миссия субъекта стратегии;
- всестороннее видение проблемы;
- определенные приоритеты ее решения;
- долгосрочные цели и актуализированные задачи;

³⁸² См.: Квинт В.Л. Концепция стратегирования. В 2-х т. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019.

³⁸³ Квинт В.Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование, – 2016. – № 6 (90). – С. 24.

– стратегический план с системой стратегического мониторинга.

Разумеется, данная структура формирования стратегий представляется некой упрощенной «матрицей», демонстрирующей ее принципиальное отличие от других способов планирования и управления. Тем не менее, она представляется перспективным вариантом «моделирования» и долгосрочных действий субъектов в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

На наш взгляд, некоторые принципиальные параметры контртеррористической стратегии в национально-государственном контексте, включая противостояние экстремизму, отражены в обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2.07.2021 года.

3.3. Концепции модернизации антиэкстремистского законодательства в соотношении с противодействием терроризму в правовом поле России

Известно, что Конституция РФ провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, свободу мысли и слова, право на информацию и свободу общественных объединений (ст. 1, 2, 13, 28,29,30), исходит из того, что они не должны нарушать права и свободы других лиц (ст. 17)³⁸⁴. Таким образом основной закон страны устанавливает, что всякое подстрекательство против указанных прав, свобод и иных гарантий, должны быть запрещены законом.

Правовые параметры противодействия терроризму и экстремизму, как известно, определены Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной 31.12.2015 № 683³⁸⁵, а также ее новой версией от 02.07.2021 № 400³⁸⁶. В Стратегии отмечено: «Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма»³⁸⁷. Данная стратегия уточняет угрозы, в частности: «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя <...>, радикальных общественных объединений и группировок, использующих

³⁸⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2021).

³⁸⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

³⁸⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

³⁸⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию,... направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³⁸⁸.

При этом в Стратегии имеет место различие между целеполаганием терроризма по изменению конституционного строя и экстремизма, сконцентрированного против единства и территориальной целостности России. Таким образом, и терроризм и экстремизм «объединяет» воздействие на государственную власть, где в первом случае предполагается элиминация самой государственной основы ее существования. Экстремизм в общем целеполагании предусматривает дестабилизацию и ослабление государства и ведет к его гибели с точки зрения территориальной целостности.

На наш взгляд, указанную «специфику» терроризма и экстремизма, помимо уже отмеченного в первой главе исследования, следует учитывать для более адекватного понимания данных феноменов и конкретизации правовых механизмов по противодействию им в Российской Федерации. Здесь имеет смысл обратиться к Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³⁸⁹, который за последние годы претерпел изменения и дополнения девятнадцать раз (последние 8 декабря 2020 года), с принятием которого утратил силу Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»³⁹⁰.

За рамки данного исследования выходит детальный юридический детальный анализ данного закона, как, впрочем, и других нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы противодействия и борьбы с терроризмом и экстремизмом. Однако представляется целесообразным обратить внимание на их наиболее принципиальные положения. В различные годы в действующий закон

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

³⁹⁰ Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

были внесены принципиальные дополнения, адекватные трансформационным изменениям самого терроризма и новеллам по его противодействию. Например, была уточнена дефиниция понятия «террористический акт» (ст. 3 п. 3), определены такие категории, как противодействие терроризму, его предупреждение, выявление и минимизация последствий (ст. 3 п. 4), а также параметры антитеррористической защищенности объекта (территории) (ст. 3 п. 6). Кроме того, подтверждено понимание терроризма и террористической деятельности в качестве совокупности целерациональных действий: организация, подстрекательство, вербовка, информационное пособничество, пропаганда, распространение материалов и прочее³⁹¹. К слову, вызывает некие сомнения квалификация терроризма как идеологии насилия³⁹², которая вне всякого сомнения актуализирована в самой террористической деятельности, но все-таки не является (именно идеология) ее базовым, основополагающим компонентом. В данном случае мы отстаиваем свою гипотезу, что терроризм в своей основе содержит целерациональные действия, т.е. воздействие на власти с помощью потенциального (страх, угрозы) или актуального (теракт) насилия. Впрочем, применительно к терроризму упоминание идеологии не играет принципиального и самодовлеющего значения, хотя способно дезориентировать правоприменителя.

Кроме того, в силу объективных изменений как в самой террористической деятельности и организациях, ее осуществляющих, так и социально-политической практики противодействия им в рамках КТО на Северном Кавказе, в Сирии, некоторых регионах и городах РФ, подвергавшихся террористическим атакам, проблема противодействия и превентизация терроризма актуализируется. В частности, с этим связана конкретизация организационных основ противодействия терроризму (ст. 5), компетенций и полномочий органов федеральной власти, субъектов федерации, органов местного самоуправления, входящих с недавнего времени в систему публичной власти в РФ, а также юридических и физических лиц. Определенным редакционным изменениям в

³⁹¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

³⁹² Там же.

данном законе подверглись статьи, отражающие процедуру признания организации террористической и ведения их федерального списка³⁹³.

Свидетельства перманентной модернизации нормативной правовой составляющей в вопросах противодействия экстремистским угрозам можно обнаружить также в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³⁹⁴, в который было внесено более пятнадцати изменений и дополнений, в том числе и за 2020 год. Обращает на себя внимание изменение статьи 1 от 11.08.2020 года, где присутствует определение экстремистской деятельности (экстремизма) – она трактуется как «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности РФ»³⁹⁵. Данную дефиницию, на наш взгляд, следует рассматривать (что имеет место в Стратегии национальной безопасности РФ) как нечто общее между терроризмом и экстремизмом, где в первом случае, очевидно, имеется в виду цель деятельности, а во втором – одно из средств для ее достижения. На наш взгляд, мы сталкиваемся еще с одной нормативной и правовой коллизией, когда, по существу, отсутствует четкое разграничение терроризма и экстремизма. Между тем, практика показывает различие действий (целерациональных) в терроризме и действий (ценностно-рациональных) в экстремизме. Варианты разрешения данной проблемы, достаточно сложной как в теоретическом, так и в практическом контексте, мы дадим в конце данного раздела, когда завершим анализ действующего законодательства по данным вопросам.

Перечень экстремистских действий конкретизирован в упомянутой ст. 1 в редакции от 11.08.2020 года, среди которых можно выделить основные: «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по

³⁹³ Там же. Ст. 24 п. 2, п. 5.

³⁹⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ О противодействии экстремистской деятельности // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2021).

³⁹⁵ Там же, ст. 1.

признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина ...; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав ...; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных до степени смешения ...; публичные призывы к осуществлению указанных деяний ...; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность...; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления ... услуг»³⁹⁶.

Начиная с 2015 года рассматриваемый нормативный правовой акт был расширен дополнительной новеллой и статьей 3.1. «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», где зафиксировано, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитирование из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»³⁹⁷, что, на наш взгляд, принципиально важно.

Важнейшей тенденцией последних десятилетий стало активное участие России в борьбе с финансовой базой международного терроризма, что является также и глобальной тенденцией. Сформировано международное правовое поле на трекe борьбы с финансовым терроризмом, в основе которого лежит Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята

³⁹⁶ Там же, ст. 1.

³⁹⁷ Там же, ст. 3.1.

резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.). Россия входит в Евразийскую группу по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). Действует Антитеррористический центр СНГ, Совет руководителей подразделений финансовой разведки, деятельность которых направлена на борьбу с терроризмом.

Учитывая, что в 2020 году была утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года³⁹⁸ в новой редакции, следует отметить ее некоторые принципиальные положения. Отмечается, что данная Стратегия «разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³⁹⁹. Здесь уточняется понятие экстремистской деятельности, осуществляемой:

- националистическими;
- радикальными общественными;
- религиозными;
- этническими и иными организациями и объединениями,

и направленной «на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране»⁴⁰⁰.

Для раскрытия содержания этой Стратегии используется соответствующий понятийно-категориальный аппарат, значительная часть которого посвящена идеологии, которая, как известно, наравне с социальными нормами и ценностями составляет основу экстремизма как формы политического поведения. Она представлена в документе следующим образом:

³⁹⁸ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Там же.

«а) идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей;

б) радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия ...;

в) экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов»⁴⁰¹.

Именно идеология экстремизма является мобилизирующим и интегративным фактором для членов соответствующих организаций, которые:

- участвуют в несогласованных публичных мероприятиях (протестных акциях), умышленно превращаемых в массовые беспорядки;
- привлекают к участию в таких мероприятиях несовершеннолетних;
- используют этнический и религиозный фактор при рекрутировании новых последователей с учетом неблагоприятной миграционной ситуации, активизации радикальных течений ислама;
- активно кооптируют в свои ряды молодежь⁴⁰².

К числу недавно принятых документов можно без преувеличения отнести Федеральный закон «О внесении изменений в статью 354.1 УК РФ»⁴⁰³, предполагающего усиление ответственности за реабилитацию нацизма и оскорбление ветеранов Великой Отечественной войны.

Имеет смысл остановиться на Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации от 5.10.2009 г.⁴⁰⁴, где были определены следующие императивы:

а) реагирование на изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности;

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² См: там же.

⁴⁰³ Федеральный закон от 04.11.2019 № 354-ФЗ «О внесении изменений в статью 322-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴⁰⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).

- б) определение компетенции субъектов противодействия терроризму;
- г) установление ответственности физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства РФ в области противодействия терроризму;
- д) определение адекватных угрозам террористических актов мер стимулирования и социальной защиты;
- е) обеспечение эффективности уголовного преследования за террористическую деятельность⁴⁰⁵.

Рассмотрев базовые правовые подходы к определению терроризма и экстремизма, а также механизмы противодействия им в законодательстве РФ, следует отметить их специфику, особенно в процессе правоприменения.

Во-первых, обозначим, что национальное законодательство в общем и целом скоординировано с международным правом в форме договоров, конвенций и резолюций, межгосударственных соглашений, если они не противоречат действующей Конституции РФ (согласно поправок в нее 2020 года). Самые ранние международные нормы, регламентирующие вопросы борьбы с терроризмом, восходят к 1970-м гг. и представлены, к примеру, в таких документах, как Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, принятая в Гааге 16 декабря 1970 года; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенная в Монреале 23 сентября 1971 года; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года; Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в Вене 3 марта 1980 года; Протокол о борьбе с

⁴⁰⁵ Там же.

незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятый в Монреале 24 февраля 1988 года; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, принятая в Риме 10 марта 1988 года; Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, принятый в Риме 10 марта 1988 года.

При этом большинство из них (международно-правовых актов), например, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма⁴⁰⁶ от 16 мая 2005 года, однозначно ориентируется на национальный уровень мер по борьбе с терроризмом (в сочетании с международным сотрудничеством в этой сфере). В этой связи основная «тяжесть» нормативного и правового регулирования по противодействию, предупреждению и борьбе с проявлениями терроризма (и экстремизма) ложится на национальное законодательство и органы власти в его практической реализации.

Во-вторых, в этой сфере Российская Федерация, особенно за последние двадцать лет, осуществила разработку и создала достаточно эффективную нормативную базу в части борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, важными элементами которой являются:

- уточнение понятий «террористический акт» и «террористическая деятельность»;
- фиксация положения о том, что терроризм – идеология насилия и его основной цели – воздействие на принятие решений органами публичной власти;
- определение основных принципов противодействия, пресечения, минимализации или ликвидации последствий террористических актов и терроризма в целом;

⁴⁰⁶ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Варшава, 16.05.2005 // Официальный сайт Совета Европы. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treaty-num=196> (дата обращения: 25.03.2021).

- осуществление «криминализации» пропаганды идей терроризма (а также пересмотр признаков теракта ст. 205 УК РФ и содействие террористической деятельности ст. 205.1 УК РФ, призывы к терроризму или его публичное оправдание ст. 205.2);
- введение понятия КТО и соответствующего режима;
- раскрытие понятий «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «идеология насилия», «радикализм», уточнены механизмы их профилактики и проч.;
- в самом общем виде определено соотношение между терроризмом и экстремизмом.

При этом существует мнение среди представителей юриспруденции о дублировании составов преступлений в части терроризма и экстремизма, что может приводить к дезориентации правоприменителя по ст. 205 и ст. 280 УК РФ. Действительно, «[о]тсутствие единообразия ... подчас приводит к смешению данных понятий и их употреблению в качестве равнозначных. Несомненно, такое положение не лучшим образом сказывается не только на законодательном уровне, а, в первую очередь, на деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с данными негативными явлениями»⁴⁰⁷. Однако существует и противоположное мнение – о том, что это «два вида самостоятельной преступной деятельности, их отличие заключается в том что у «экстремистской деятельности» свой самостоятельный объект посягательства, т.е. государственное устройство, межнациональные и межэтнические отношения, на которые посягают лица проповедующие человеконенавистнические идеи, унижающие человеческое достоинство т.е. всё то что урегулировано в 29 главе УК РФ»⁴⁰⁸.

Здесь представляется продуктивным или хотя бы нелишним представить соотношение терроризма и экстремизма с точки зрения политической

⁴⁰⁷ Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 28.

⁴⁰⁸ Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность»// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 208-209.

праксеологии. Терроризм и соответствующая деятельность предполагают определенную целерациональность по овладению властью или существенному воздействию на власть с использованием исключительно насильственных методов. Экстремизм изначально не имеет цели, поскольку представляет собой ценностно-рациональное демонстративное поведение, отраженное в том или ином радикальном (как правило насильственном) протесте различной степени интенсивности. Таким образом «деятельностный» компонент изначально не присутствует в экстремизме и его, как минимум, поспешно, а, может быть, преждевременно понимать в качестве деятельности. Однако данная ситуация, как правило, «разрешается» при трансформации экстремизма в целерациональный, целеустремленный, приобретающий черты политической деятельности, которая может функционировать автономно или срачиваться с другим ее видом – терроризмом. В последнем случае вполне справедливым выглядит утверждение о том, что «терроризм– крайняя форма экстремизма, но не тождественна ему.

На наш взгляд, соотношение между терроризмом и экстремизмом выглядит следующим образом (см. схему № 7).

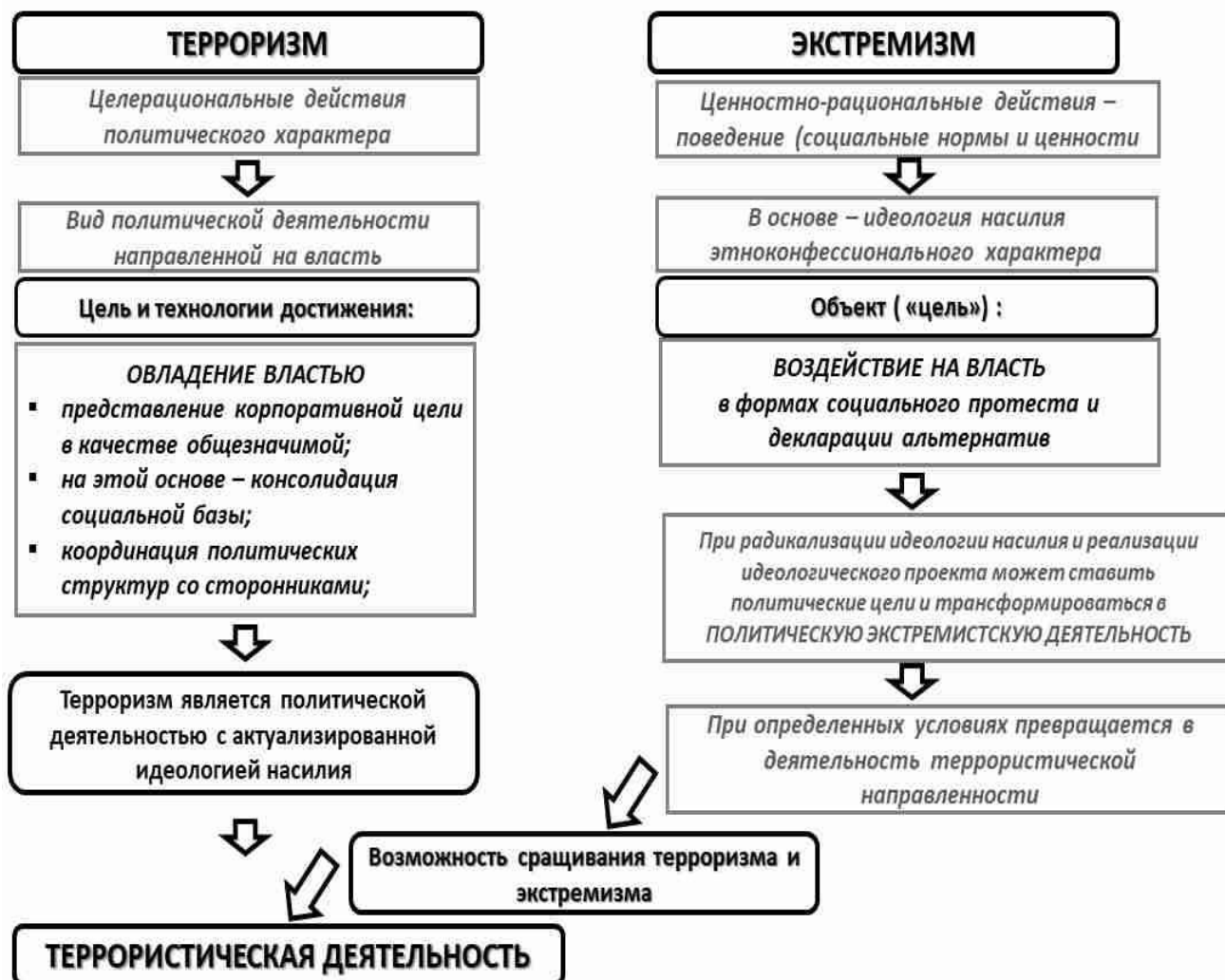

Схема 7. Соотношение экстремизма и терроризма

Источник: предложена автором.

В целом можно утверждать, что генетической основой этих негативных социально-политических феноменов является актуальное или потенциальное насилие, имеющее, как правило (но не всегда), идеологическое оформление. Терроризм как таковой в социально-политической практике не присутствует в форме «поведенческих» действий, являясь односоставным явлением, относящимся к политической деятельности. Экстремизм имеет двусоставную структуру – экстремистское поведение и экстремистская «деятельность», объединенные (особенно в праве) понятием «экстремизм». По-видимому, одним из вариантов санкционного ограничения экстремизма как поведения и экстремистской деятельности было бы отнесение первого – к административному кодексу, а второго – к уголовному праву.

Кроме того, заслуживает внимание мнение о том, «что уже подошло время ... <когда> должно быть принятие закона, который объединял бы усилия по противодействию экстремизму и терроризму»⁴⁰⁹. Это мнение является дискуссионным, тем не менее, следует отметить, что противодействие экстремизму и терроризму должно иметь системный и комплексный характер, отраженный в нормативном правовом поле РФ. Здесь вполне допустима разработка общего фундаментального нормативного акта «О противодействии (борьбе) с экстремизмом и терроризмом».

⁴⁰⁹ Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71). – С. 70.

Выводы по главе 3

Подводя итоги настоящей главы по существующим и потенциально возможным моделям антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства, включая Россию, следует конкретизировать следующие положения.

Несмотря на дифференциацию экстремизма и терроризма как таковых, их возможно совместно рассматривать при противодействии им, поскольку социально-политическая практика указывает на их взаимозависимость и схожесть, а также «взаимотрансформируемость».

При этом обращает на себя внимание диалектика глобального и национально-государственного в контексте борьбы с экстремизмом и терроризмом, что, впрочем, не устраняет «сепаратных» устремлений западных стран по данному вопросу в отстаивании собственных национально-государственных предпочтений и даже использования террористических и экстремистских угроз по отношению к геополитическим оппонентам.

Очевидно, что национальные модели антиэкстремистской и контртеррористической борьбы, отраженные в соответствующих стратегиях, имеют трансграничную проекцию на межгосударственную и мировую политику. Таковы, на наш взгляд, «атлантическая» модель с руководящей ролью НАТО и США, базирующаяся на неонатлантизме, который эволюционировал от «кризиса целеполагания» (90 гг. XX в.) до «кризиса разделения ответственности» (при Д.Трампе). Низкая эффективность «атлантической» модели борьбы с терроризмом (экстремизмом) в полной мере продемонстрирована в итогах двадцатилетней афганской кампании США.

Ко второй модели антитеррористического противодействия следует отнести частично реализуемый «изоляционистский» (автономный) сценарий, предполагающий изоляцию стран – «центров терроризма», а также некую автономность борьбы с ними в условиях пресловутой биполярной безопасности с «одиноким» лидерством Китая.

Данная модель исходит из так называемой идеи разделенной коллективной безопасности с использованием теории ограниченных систем Э.Голдратта, предполагающей выделение слабых и узких мест системы противодействия экстремизму и терроризму для обеспечения позитивных результатов.

Теория ограниченных систем прочитывается «более адекватно» в рамках «плюралистической» (множественной) модели борьбы с терроризмом и экстремизмом, базирующейся на многополярном мироустройстве. Данный сценарий указанной борьбы («евразийский») выглядит более реалистичным, учитывая жесткое политическое противостояние в рамках евроатлантического контура между НАТО, ЕС и США с Россией, а также НАТО и США с Китаем, прежде всего в АТР.

В рамках постепенно складывающейся «плюралистической» модели антитеррора и контрэкстремизма крайне желательно создание координационного механизма для усиления взаимодействия государств-членов ОДКБ и ШОС в вопросе укрепления евразийской безопасности (особенно с учетом ситуации, сложившейся вокруг Афганистана). Очевидно, это потребует и на региональном (национально-государственном) уровне модернизации антитеррористического законодательства, включая правовое поле России.

В этой связи представляется вполне оправданным и необходимым в процессе модернизации правового поля РФ скорректировать государственное регулирование в части противодействия экстремизму и терроризму. В частности, целесообразно дифференцировать экстремистские проявления на действия экстремистской направленности (поведение) и экстремистскую деятельность, где первые были бы отнесены к административному, а вторые к уголовному праву. При этом, в качестве постановки проблемы, полагаем допустимым разработку общего нормативного правового акта «О противодействии (борьбе) с экстремизмом и терроризмом» в форме кодекса.

Указанным процессам в полной мере способствует двухуровневое международное сотрудничество: многосторонние форматы нормативно-правовой коммуникации, входящие в систему международного права, а также активное участие РФ в международных органах и институтах. Однако следует отметить, что борьба с терроризмом и экстремизмом, несмотря на декларирование единства общих целей, сопряжена с «национальным» эгоизмом в части формирования единого фронта противодействия.

К факторам, препятствующим созданию мировой антитеррористической коалиции, прежде всего, следует отнести утрату доверия между субъектами международных отношений на фоне роста конфликтности, эскалации политики сдерживания со стороны Запада по отношению к России и Китаю, экономических кризисов и последствий пандемии, смены парадигмы США с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в Афганистане и на Ближнем Востоке.

Эти объективно сложившиеся условия не внушают оптимизма по консолидации борьбы с терроризмом и экстремизмом, «отдавая» предпочтения национальным, региональным и субрегиональным институтам и коалициям (ШОС, ОДКБ и проч.).

При этом данное умозаключение вовсе не отменяет значимость «антитеррористического глобального альянса», реализация которого имеет отложенный характер, несмотря на наличие с 2006 г. глобальной контртеррористической стратегии под эгидой ООН. Представляется более действенным использование теоретико-прикладных «технологий стратегирования» для формирования долгосрочных стратегий борьбы с терроризмом и экстремизмом на глобальном, региональном и национальном уровнях в условиях обозначенных препятствий и ограничений.

Заключение

Феноменология терроризма и экстремизма сопровождает значительный отрезок историко-политического развития человечества, который может быть разделен на несколько этапов: до XVIII в. – «прототеррористический», до начала XX в. – «классический», до XXI в. – «постклассический», и «современный». В настоящее время их эскалация непосредственно связана с превращением в глобальные вызовы в рамках современного этапа глобализационного развития.

При этом оба негативных феномена в широкой и узкой интерпретации характеризуются актуальным или потенциальным насилием, представленным в терроризме целерациональными действиями, составляющими политическую деятельность, а сущность экстремизма отражена в ценностно-рациональных действиях, составляющих основу политического поведения. При этом ценностно-рациональные действия поведенческого характера, связанные с экстремизмом, могут трансформироваться в целерациональные, деятельностные.

К специфике данных феноменов уже в XXI веке, на фоне, в том числе, глобализации и «цветных революций» следует отнести их всеобщность, трансграничность, профессионализацию действий субъектов, расширение социальной базы в целом. При этом следует подчеркнуть, что наблюдаемый кризис «глобализма» совмещен по времени с очередным противостоянием Востока и Запада. В этом смысле события недавнего прошлого и настоящего, на наш взгляд, развиваются в рамках последовательного реализуемых *сценариев*: операция США при отсутствии атлантической солидарности, аналогичный сюжет с сохранением атлантического единства и современный (ситуационный) сценарий антитеррористической борьбы. Первые два представляют в целом

последовательный транзит от операции в Ираке низкой конфликтной интенсивности к событиям «арабской весны» при гегемонии США и привели к архаизации «Евразийских Балкан» с переносом бремени борьбы с терроризмом на Россию и, отчасти, Китай.

С включением в контртеррористический процесс РФ по двум векторам – ликвидация ИГИЛ и восстановление САР – наметились позитивные сдвиги. Пролонгация этого сценария вполне возможна, если ход событий в Ираке, Ливии, Сирии, а также в Афганистане не будет претерпевать существенных изменений. Это в немалой степени будет зависеть от постсоветского пространства, особенно в Центральной Азии, где противостояние терроризму и экстремизму стало для РФ насущной проблемой, реализуемой в трех стратегических трендах.

Первый из них – *«проатлантический»*, отражает «геополитическое сжатие» России. Второй тренд исходил из *инерционной* общности интересов РФ и центральноазиатских государств СНГ в борьбе с экстремистским и террористическим присутствием без дифференциации лояльных и «проатлантических» стран. Наконец, *плюралистический* тренд контртеррористической борьбы отражает вариативность усилий РФ в различных евразийских «точках»: Ближний Восток, Карабах, а также по линии Таджикистан-Узбекистан-Киргизстан-Афганистан.

Теоретико-концептуальный дискурс феноменологии экстремизма и терроризма с очевидностью указывает на важность и необходимость создания международного (в рамках ООН) антитеррористического, контрэкстремистского органа. Подобный институт необходим, однако «груз» национально-государственных предпочтений серьезно усложняется и сопровождается рядом условий, как явных, так и латентных. На наш взгляд, ответственное государство, например, Россия, должно рассматривать антитеррористическую и противоэкстремистскую борьбу составной частью обеспечения национальной безопасности.

Подъем и рост экстремизма в настоящее время сопровождается его инструментальным и технологическим многообразием, идеологической, а также

информационной насыщенностью, что в свою очередь, требует конкретных механизмов противодействия ему. К ним следует отнести три основных группы механизмов: политико-правовые, социокультурно-ценностные и информационно-ситуативные, взаимообусловленные между собой. На наш взгляд, политико-правовые механизмы выступают приоритетными; следует в проявлениях экстремизма дифференцировать действия экстремистской направленности, подлежащие административному регулированию и экстремистские действия – объекту уголовного права.

Рассматривая модели противодействия экстремизму и терроризму, отметим возможность их интегративного анализа в силу их генетической близости и с учетом различий между ними. В данном случае, обращает на себя внимание диалектика общечеловеческого и национально-государственного, глобального и геополитического в борьбе с экстремизмом и терроризмом, что не устраняет использование странами Запада террористических и экстремистских угроз по отношению к геополитическим оппонентам.

Мы полагаем, что три «национальные» модели в настоящее время отражают антиэкстремистские и контртеррористические стратегии, имеющие проекцию на межгосударственную и мировую политику – *«атлантическая»*, *«изоляционистская»* и *евразийская (многосторонняя)*.

Первая из них, с руководящей ролью НАТО и США, базируется на неоатлантизме, эволюционирующем от «кризиса целеполагания» (конец XX века) до «кризиса разделенной ответственности» (при Д.Трампе). Низкую эффективность данной модели борьбы с терроризмом (экстремизмом) в полной мере показали результаты двадцатилетней афганской кампании США (до августа 2021 г.).

Вторая модель антитеррористического противодействия – *изоляционистская* (иногда – автономная) предполагает, с одной стороны, изоляцию «стран терроризма», с другой – уже частично реализуемую автономию в рамках так называемой «биполярной безопасности» с одиноким лидерством Китая. Данная модель базируется на идее «разделенной» коллективной

безопасности в региональном и геополитическом контексте с применением «теории ограниченных систем» (Э.Голдратт).

В рамках *третьей «многосторонней» модели* контртеррористической борьбы, исходящей из интегративной сущности евразийских «идентичностей» на базе многополярного мироустройства, упомянутая «теория ограниченных систем» и ее аргументы выглядят более адекватными сложившимся реалиям. Данная модель представляется более реалистичной и потенциально достижимой, с учетом жесткого противостояния неоатлантизма с Россией, а также с КНР, особенно в АТР.

В рамках постепенно складывающейся многосторонней модели борьбы с экстремизмом и терроризмом желательно и необходимо создание координационного механизма для усиления взаимодействия государств ОДКБ и ШОС, особенно с учетом сложившейся вокруг Афганистана ситуации. Это потребует модернизации антитеррористического законодательства, как на межрегиональном, так и на национальном уровнях, включая правовое поле России. Для этого, в качестве постановки проблемы, полагаем допустимым разработку общего нормативного правового акта «О противодействии (борьбе) с экстремизмом и терроризмом» в кодифицированной форме.

Указанному процессу, на наш взгляд, может способствовать двухуровневое международное сотрудничество: многосторонние форматы нормативно-правовой коммуникации, входящие в систему международного права, а также участие, в том числе РФ, в международных органах и институтах. Однако, несмотря на декларирование единства общих целей, борьба с терроризмом и экстремизмом далека от формирования единого фронта или глобальной коалиции по данному вопросу. При очевидности проявления сущностного и практического антигуманизма данных негативных явлений не существует должной политико-правовой фиксации с определенным облигирующим оформлением, как на международном, так и на национальном уровнях. Впрочем, это не отменяет значимости «антитеррористического глобального альянса», реализация которого,

очевидно, имеет отложенный характер, хотя имеет место (с 2006 г.) Глобальная контртеррористическая стратегия под эгидой ООН.

Библиография

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам от 2.12.2004. документ ООН A/56/565// Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/events/paste-vents/a_more_secure_wored.shtml (дата обращения: 27.05.2020).
2. Встреча Президента РФ с директором ФСБ Александром Бортниковым (стенограмма) 16 июня 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/63513> (дата обращения: 17.03.2021).
3. Выступление В.В.Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385/videos> (дата обращения: 12.05.2021).
4. Выступление В.Путина на расширенном заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г. по рассмотрению Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47045/audios> (дата обращения 18.03.2021).
5. Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года [ПЕРЕВОД] // US

- DEPARTMENT OF STATE. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian> (дата обращения: 25.03.2021).
6. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (A/RES/60/288) // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 10.05.2021)
 7. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения: 19.03.2021).
 8. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Принята ООН в Гааге 16 декабря 1970 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
 9. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Подписана в Монреале 23 сентября 1971 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
 10. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Принята в Риме 10 марта 1988 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
 11. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Принята Резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml (дата обращения: 15.08.2023).

12. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок. Принята 26 октября 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
13. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Варшава, 16.05.2005 // Официальный сайт Совета Европы. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treatynum=196> (дата обращения: 25.03.2021).
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2021).
15. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 г. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (доступ предоставлен 27.05.2020).
16. Концепция коллективной безопасности от 15.05.1992 г. // Официальный сайт ОДКБ. – URL: https://old.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (дата обращения: 15.03.2021).
17. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
18. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята Резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
19. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. Принята Резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных

- Наций 17 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
20. План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря ООН 24.12.2015 // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.unic.ru/sites/default/files/RU_Plan.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
21. Постановление Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа»// Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).
22. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. Принят в Риме 10 марта 1988 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/shelf_security.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
23. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Подписан в Монреале 24 февраля 1998 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/airports.shtml (дата обращения: 15.08.2023).
24. Резолюция генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/109 от 10 декабря 2015 года «Мир против насилия и насильственного экстремизма» // Официальный сайт ООН. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/109> (дата обращения: 10.05.2021)

25. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 6.06.2002 // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 15.05.2021).
26. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Официальный сайт ОДКБ. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezопасnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_na_period_do/ (дата обращения: 25.03.2021).
27. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).
28. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
29. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344// Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2021).
30. Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPgQlvQI4uaMX43IMkrMbFNewVneO.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).
31. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2021).

32. Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2021).
33. Указ Президента РФ № 2166 от 9.12.1994 г. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2021).
34. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года) // официальный сайт ОДКБ. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/ (дата обращения: 25.03.2021).
35. Федеральный закон от 04.11.2019 № 354-ФЗ «О внесении изменений в статью 322-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
36. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2021).
37. Федеральный закон от 25.07.2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2021).
38. Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

39. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года), с изменениями и дополнениями, ратифицирована ФЗ РФ от 6 июня 2003 года N 66-ФЗ// Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550 (дата обращения: 15.05.2021).
40. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001 г.), ратифицирована РФ ФЗ № 3-ФЗ от 10.01.2003 г. // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550 (дата обращения: 15.05.2021).

Монографии, статьи, сборники статей, авторефераты

41. Агапов П.В., Меркурьев В.В. "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ) в системе угроз национальной безопасности России// Правовая инициатива. 2014. № 3. С. 16.
42. Адамова М.А., Сергеев С.И. К вопросу измерения деятельности террористической организации ИГИЛ как мировой проблемы// Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 267-270.
43. Адигамова Л.Э., Ситдикова Г.З. Использование сети интернет как средства совершения преступления экстремистской направленности// В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. С. 18-23.

44. Алексеев О. Н. Причины, предпосылки, условия возникновения и распространения международного терроризма // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 2. – С. 134-141.
45. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 26 -31.
46. Алешин В. В. О некоторых правовых аспектах осуществления режима контртеррористической операции // Право и образование. – 2014. – № 9. – С. 117-126.
47. Алешин В.В., Петровский Д.Н. Укрепление коллективной безопасности и взаимодействия государств – членов ОДКБ в области противодействия терроризму // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – № 2. – С. 58-69.
48. Алтавил Ф.А. "Гибридная война" и этноконфессиональные конфликты в Ливии и Сирии как угроза национальной безопасности России// В сборнике: Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза. 29 Адлерские чтения. Сборник Статей международной конференции. 2016. С. 9-13.
49. Аль Ахмад Амад Хассан. Роль ООН в международно-правовом урегулировании ближневосточного конфликта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань – 2015 г.
50. Аль-Халед Майсара. Международно-правовые основы сотрудничества стран Содружества Независимых Государств// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 1998.
51. Антипов К.В. Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 204-226.
52. Антощенко Д.В. Участие РФ в урегулировании конфликта в Сирии через призму политического реализма// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. С. 135-137.

53. Арбатов А.Г. Ядерная угроза - не блеф// Международная жизнь. 2013. № 1. С. 19-28.
54. Арендт Х. О революции. М.: Издательство «Европа». – 2011. – 243 с.
55. Арефьев А.М., Романенко И.И. О пропагандистской деятельности в отношении граждан СНГ со стороны террористических и экстремистских организаций// Конфликтология. 2016. № 2. С. 169-178.
56. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
57. Асланлы А., Джафаров Н. Сирийский кризис и государства южного Кавказа// Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 55-64.
58. Афандихонов И.Х. правовые основы военного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 2006.
59. Ахмед М.А.Х. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 342-355.
60. Ахмедшин Р.Л. О проблеме отсутствия единой дефиниции терроризма// Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. №1 (23). – С. 13-17.
61. Ахмедов В.М. Особенности прихода к власти Башара аль-Асада и кризис в САР// Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2020. № 1. С. 91-96.
62. Ахмедов В.М. Россия и Иран в Сирии: фактор силы// Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3 (9). С. 184-192.
63. Бармин Ю.Н. Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений// рабочая тетрадь No 42/2018 / Российский совет по международным делам. Главный редактор: И.С. Иванов. Москва, 2018.

64. Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Попов Ю.А. Мягкая и твердая сила как стратегия развития США в различных регионах мира// Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 7. С. 60-67.
65. Беляев Д.С. Правовые основы военного сотрудничества государств - участников СНГ// Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 2 (3). С. 6-8.
66. Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения. – 2007. – 240 с.
67. Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратег. императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 254 с.
68. Бжезинский, Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский; [пер. с англ.: Е. А. Нарочницкая, Ю. Н. Кобяков]. – Москва: Международные отношения, 2010. – 262 с.
69. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 231-236.
70. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности. Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 136-141.
71. Бородин С.К., Вершилов С.А. Вооружённый конфликт в Сирии как угроза национальной безопасности России со стороны международного исламского фундаментализма// В сборнике: Концепция "общества знаний" в современной науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 249-251.
72. Бородин С.К., Вершилов С.А., Мыльцев В.И. Борьба за углеводородные ресурсы Ближнего Востока в контексте сирийского вооружённого конфликта// Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 4. С. 89-97.
73. Братерский М.В. "Жесткая" сила как "мягкий" инструмент внешней политики России в Евразии// Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 39-48.

74. Братерский М.В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики// Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 157-170.
75. Бредихин А.В. Влияние иностранных государств на деятельность экстремистских организаций юга России// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 216-224.
76. Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Мн.: Харвест, 2003. — 832 с.
77. Буденный А.А. Формирование новой стратегической концепции союзников по отношению к России после украинского кризиса// Мировая политика. 2018. № 2. С. 73-80.
78. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка: идеология терроризма. // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3-19.
79. Булыгин А.Н. Международно-правовые основы военного сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва – 2002.
80. Бураева Л. А. Информационный терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – №. 6. – С. 139-141.
81. Бураева Л. А. Информационные войны и информационный терроризм в современном мире: методы и поле действия //Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – №. 1 (57). – С. 7-11.
82. Вавилов А.И. Катаклизмы "арабской весны" / Москва : Библос консалтинг, 2018. - 760 с.
83. Вавилов А.И. Сотрудничество России и Ирана в поисках политического урегулирования в Сирии как фактор укрепления мира и безопасности в ближневосточном регионе// В сборнике: Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор

- укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. Под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. 2017. С. 99-103.
84. Вартумян А.А., Федотов Д.С. Сирийский вопрос в контексте геополитических противоречий России и США// Современная наука и инновации. 2018. № 2 (22). С. 149-152.
85. Васецова Е. С. Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. №2. С. 282–294.
86. Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм //Социология власти. – 2012. – №. 3. – С. 233-240.
87. Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке / РАН. Институт Африки. Российский университет дружбы народов. - М.: Центрполиграф, 2018. - 670 с.
88. Васильев Л. Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2017.
89. Вассерман Д. Тамплиеры и ассасины: Пер. с англ. СПб., 2008.
90. Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа //Социологический журнал. – 2018. – №. 2. – С. 28-65.
91. Вахшитех А.Н., Лапенко М., Оспанова А. Москва - Анкара - Тегеран: тройственный тактический союз в сирийском кризисе// Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 7-22.
92. Вербицкая Т.В. Военная дипломатия и политика России в Сирии// Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 45-51.
93. Вишняков Я. Д., Бондаренко Г. А., Васин С. Г. Основы противодействия терроризму. – М.: Академия, 2006. – 240 с.

94. Володина Н.В. Деятельность "Исламского государства" ("ИГ") как угроза конституционной безопасности России// Российский следователь. 2015. № 3. С. 43-47.
95. Володина Н.В. "Исламское государство Ирака и Леванта" ("ИГИЛ") как угроза мировому сообществу// Правовая инициатива. 2015. № 1. С. 8.
96. Володина Н.В., Жигецкий П. Э. Исламистский религиозный экстремизм: правовой и философский аспекты // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. №1. С. 86–94.
97. Всеобщая история мировоззрения: хронологическая энциклопедия человеческой мысли: в 2 т. / Дибиров А.-Н.З., Пронский Л. М., Бобков А. Н. – Махачкала: Лотос, 2009.
98. Галкин А. А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант //Вестник Института социологии. – 2015. – №. 1 (12). – С. 12-33.
99. Гарипов Р.Ш. Правовые основы деятельности ОБСЕ по обеспечению европейской безопасности в рамках военно-политического измерения// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань -2004.
100. Генифе П. Политика революционного террора, 1789-1794. М.: УРСС. – 2003. – 320 с.
101. Голдстоун Д., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2022) Волны революций XXI столетия. Полис: Политические исследования, (4): 108–119.
102. Грачев С. И., Корнилов А. А. К вопросу о дефиниции «терроризм» //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2014. – №. 3-1. – С. 242-245.
103. Грачев С. И., Мольков С. Н. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия //Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – №. 2 (24). – С. 32-35.
104. Гринин Л. Е. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности

- //Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2020. – С. 517-527.
105. Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – ООО" Издательство" Учитель", 2016.
106. Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ// Информационно-аналитический вестник / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Москва, 2015. Том Выпуск 3
107. Гурковский С. С. К вопросу о понятиях терроризм и террор //Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – №. 1. – С. 53-55.
108. Гусев Л. Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ // Россия и новые государства Евразии. 2018. №. 1. С. 126-133.
109. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 3. - С. 30-54.
110. Дейч Т.Л. Сирийский кризис и борьба с терроризмом: международный аспект// Конфликтология / nota bene. 2017. № 2. С. 8-24.
111. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси; пер. с фр. Д. А. Ланина. – Москва: Акад. Проект: Альма Матер, 2013. – 333 с.
112. Дзалиев М. Современный терроризм: социально-политический облик противника / Мурат Дзалиев, Эльзад Иззатдуст, Михаил Киреев; под общ. ред. В. П. Гордиенко. - Москва: Academia, 2007. – 672 с.
113. Добаев И., Черевков О. Трансформация радикального исламистского движения на северном Кавказе: от "Имарата Кавказ" - к "Вилайату Кавказ"// Россия и мусульманский мир. 2017. № 9 (303). С. 13-30.
114. Долгов Б. В. Сирийский кризис на новом этапе: 2017-2019 // АПЕ. 2020. №2. С. 122–144.

115. Долгова А. И. Система правового регулирования борьбы с терроризмом //Военное право. – 2018. – №. 4. – С. 50.
116. Долгова А. И. Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм //Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 5-12.
117. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010.
118. Евсякова А.А. Особенности правового регулирования использования вооруженных сил на территории другого государства (на примере Сирии)// Colloquium-journal. 2018. № 13-6 (24). С. 26-30.
119. Ершова Д.А., Есяян М.Л. Современный терроризм и борьба с ним: социально-психологический анализ// В сборнике: Психологические исследования личности в современной стрессогенной среде. материалы V Всероссийской заочной научно-практической конференции. Северо-Кавказский федеральный университет, Институт образования и социальных наук. 2016. С. 164-167.
120. Ефимова М.А. Контртеррористическая деятельность России // Постсоветские исследования. – 2020. – Т.3. – №1. – С. 40-47.
121. Жаринов К. В. Терроризм и террористы. Исторический справочник / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 1999.
122. Звягельская И. Архаизация в арабском мире: после и вместо революций //Россия и мусульманский мир. – 2016. – №. 2 (284). – С. 138-153.
123. Зеленкова Л.М. Партнерство России и Ирана в геополитическом контексте. Современный этап развития двусторонних отношений// Вестник молодых ученых-международников. 2017. № 2 (2). С. 41-47.
124. Ивченко Е.И. ИГИЛ как мировая террористическая угроза// Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 5. С. 30-37.
125. Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма //Россия и мусульманский мир. – 2009. – №. 11. – С. 130-150.

126. Изиляева Л.О. Особенности реализации внешнеполитического курса России в Сирии на современном этапе// Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3 (137). С. 97-102.
127. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во МГУ, 2010. 304 с.
128. Ильинский И. М. О терроре и терроризме. М., 2001.
129. Ильичёв И. Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 4-12.
130. Исаев Л. М., Айсин, М. Б., Медведев, И. А., & Коротаев, А. В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 4. – С. 713-730.
131. Кабасакалова М.Г. К вопросу о столкновении интересов России и США в регионе Ближнего Востока на примере Сирии// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 5 (73). С. 179-187.
132. Кабасакалова М.Г. Укрепление военно-политических позиций России в контексте вовлеченности в сирийский кризис// История науки и техники. 2017. № 6. С. 80-87.
133. Калядин А.Н. Химическое разоружение Сирии: уроки и перспективы// Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 55-64.
134. Капитонова Е. А. Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – №. 1 (41). – С. 57-67.
135. Квинт В.Л. Концепция стратегирования. В 2-х т. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019.
136. Квинт В.Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. – № 1 (85). – 2016. – С. 15-21.

137. Квинт В.Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование, – 2016. – № 6 (90). – С. 14-25.
138. Киреев М. П., Акиев М. Х. Исторические этапы развития и понимания терроризма //Труды академии управления МВД России. – 2012. – №. 4 (24). – С. 70-74.
139. Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43). – С. 36-40.
140. Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность»// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 207-209.
141. Киреев М. П. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки //Государство и право. – 1995. – №. 4. – С. 20-43.
142. Киричек А. И. К вопросу о дифференциации содержания категорий «политическая активность», «политическое поведение» и «политическое участие» //Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №. 3. – С. 34-37.
143. Клаузевиц К. О войне. Избранное. / Перевод Рачинский А. К. М.: АСТ, 2019. – 320 с.
144. Клепиков С.С. Гражданская война в Сирии (2011-2015 гг.) и позиции России и Ирана// Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 45-48.
145. Клещева Т. А. Роль России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом в странах АТР и на Российском Дальнем Востоке // Международное право и международные организации. 2012. №. 1. С. 34–48.
146. Кобец П. Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы-биологического терроризма и меры по его профилактике //Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – №. 1 (28). – С. 72-78.

147. Кожушко Е. П. Современный терроризм. Анализ основных направлений / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2000.
148. Кокорев В. Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» //Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №. 1 (047). – С. 239-244.
149. Комлева Н.А., Валиахметова Г.Н., Грибанова Г.И., Радиков И.В., Сарабьев А.В., Манойло А.В., Абрамов А.В.В., Саймонс Г. Сирийский кризис как этап процесса реформирования большого Ближнего Востока (круглый стол)// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 8-60.
150. Кондильяк. Э.Б. Сочинения: в 3 т./ Энтъенн Бонно де Кондильяк; общ. ред. вступит. статья и примеч. В. М. Богуславского. – Москва, 1980-1983;
151. Кондильяк. Э.Б. Трактат об ощущениях / Э. Б. де Кондильяк; под ред. Е. П. Ситковского. – Изд. 2-е – Москва: URSS : Либриком, 2011. – 284 с.
152. Конфуций. Антология мировой политической мысли. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М.: Мысль, 1997. – 832 с.
153. Короленков А. В., Хрусталёв В. К. О так называемом «Мифе о Сулле»(по поводу статьи Александры Экерт) //Античный мир и археология. – 2021. – №. 20. – С. 74-88.
154. Коротаев А. В. и др. Арабская весна и её глобальное эхо: количественный анализ //Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – №. 4. – С. 113-126.
155. Коротаев А. В., Айсин, М. Б., Зинькина, Ю. В., & Романов, Д. М. К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности и Африки южнее Сахеля //Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2020. – С. 198-236.
156. Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. Формирование афразийской зоны нестабильности //Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2015. – №. 2. – С. 88-99.

157. Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Балтач А. А. Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа //Polis: Journal of Political Studies. – 2019. – №. 2. С. 107-122.
158. Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? //Polis: Journal of Political Studies. – 2016. – №. 3.
159. Корочкина В.А. Палестинская проблема и ее место во внешнеполитической повестке дня России// Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 1. С. 52-68.
160. Косач Г.Г., Филоник А.О., Мелкумян Е.С. Российско-саудовское политическое взаимодействие// Вестник МГИМО Университета. 2017. № 4 (55). С. 127-138.
161. Косачев К.И. Политические и правовые основы борьбы с угрозами международного ядерного терроризма. М.: Научная книга, 2005.
162. Косачев К. И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним //Государство и право. – 2004. – №. 8. – С. 85-94.
163. Косачев К. И. Место и роль международного права в борьбе с угрозами ядерного терроризма //Государство и право. – 2006. – №. 11. – С. 62-69.
164. Костюшев В.В. 2011. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретического понимания и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. № 4. С. 144-157.
165. Кочесоков З.Х., Кочесокова М.К. Некоторые проблемы противодействия экстремистским проявлениям радикального религиозного фундаментализма на современном этапе// В сборнике: Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 173-178.
166. Кремнев П.П. Применимость правовых норм к вооруженному конфликту в Сирии и нападению на российских летчиков сбитого СУ-24// Законодательство. 2016. № 7. С. 79-86.

167. Крутько А.А. Стратегическое присутствие России на евразийском пространстве// Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43). С. 395-406.
168. Куклина И. Мировой терроризм и международные структуры обеспечения безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №. 1. С. 25–33.
169. Кулешова Г. П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. №3 (43). С. 17–24.
170. Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71). – С. 68-71.
171. Леванова К.А. Операция «Источник мира» и реакция международного сообщества на действия Турции// В сборнике: Проблемы и исследования зарубежной истории. Сборник научных трудов. Министерство высшего образования и науки Российской Федерации; Кубанский государственный университет. Краснодар, 2020. С. 121-132.
172. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 9: Июль 1904 – март 1905. – 1960. – 579 с.
173. Луков В. В. Новые особенности ядерного терроризма //Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – №. 3. – С. 12-23
174. Лукьянов В.Ю. Россия и НАТО - проблемы взаимодействия// Актуальные проблемы экономики и управления. 2016. № 1 (9). С. 130-137.
175. Луценко В. В., Семёнова И. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт //Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – №. 4-1. – С. 44-49.
176. Лысенко М.Н. К вопросу о правомерности применения военной силы иностранными государствами (на примере Сирии)// Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 65-71.

177. Люев Т. Х. Информационный терроризм-как один из видов террористических угроз в условиях глобализации информационного пространства //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – №. 5. – С. 247-249.
178. Макиавелли Н. Государь/ Под ред. В.П.Бутромеева, В.В.Бутромеева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 304 с.
179. Малышев Д. В. Радикализация ислама в Центральной Азии и Запад //Актуальные проблемы Европы. – 2016. – №. 3. – С. 186-205.
180. Малышев Д. В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии //Проблемы европейской безопасности. – 2017. – №. 2. – С. 66-102.
181. Малышев Д. В. Государства Южного Кавказа: Евро-атлантическая и евразийская альтернативы в сфере безопасности //Проблемы европейской безопасности. – 2016. – №. 1. – С. 89-128.
182. Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 163–187.
183. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России// Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2 (106). С. 145-172.
184. Манойло А.В. Концептуальные и организационные основы противодействия цветным революциями в Российской Федерации и на постсоветском пространстве// Мировая политика. 2016. № 1. С. 1-5.
185. Манойло А.В. О создании федерального центра мониторинга цветных революций// Международные отношения. 2016. № 1. С. 4-6.
186. Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации// PolitBook. – 2017. – № 1. – С. 145-165.
187. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Карл Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

188. Мелконян С.Г. "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ) как экзистенциальная угроза безопасности России// Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 1 (18). С. 185-194.
189. Меркурьев, В. В., Белоцерковский, С. Д., Гуськов, А. Я., Паненков, А. А., Соколов, Д. А., & Васнецова, А. С. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.
190. Миргород Д.А., Симеониди В.С. Перспективы создания единого Курдистана в контексте ближневосточной политики России и США// Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 296-300.
191. Мирзаянов Р.Х. К вопросу о вариантах модернизации законодательства о противодействии экстремистской деятельности и терроризму в правовом поле России // Россия и современный мир. 2022. № 3 (116). С. 224–236.
192. Мирзаянов Р.Х. Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 2. С. 69–81.
193. Мирзаянов Р.Х. Россия и международные организации в борьбе с глобальными угрозами экстремизма и терроризма. // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81). С. 1598–1604.
194. Мирзаянов Р.Х. Рост политического экстремизма и политико-правовые механизмы его снижения // Информационные войны. 2022. № 2 (62). С. 19–23.
195. Мирзаянов Р.Х. Тенденции борьбы с международным терроризмом и экстремизмом // Глобальные вызовы международного сотрудничества: сборник статей Международной научной ассамблеи. / Под редакцией И.В. Ильина. – М.: МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2022. 235 с. С. 152–156.
196. Мирзаянов Р.Х. Феноменология терроризма и экстремизма: истоки, современное состояние // Вестник Российской нации. 2020. № 1 (71). С. 78–91.

197. Мирзаян Г.В. Российско-американские отношения и их сирийский шанс// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). С. 89-97.
198. Морозов Н.А. Террористическая угроза распространения "Исламского государства" в Азиатско-Тихоокеанском регионе// Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17. № 4. С. 22-34.
199. Мусаелян М. Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» //Журнал российского права. 2009. №. 1 (145). С. 56-64.
200. Надеин-Раевский В.А. Турция: непростой союзник// В сборнике: Год планеты. Ежегодник. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Москва, 2019. С. 274-286.
201. Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции// Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 182-204.
202. Надери З., Амирахмадиян Б. Причины иранско-российского сотрудничества в ближневосточной геополитике, в частности Сирии// Глобальный научный потенциал. 2018. № 10 (91). С. 129-139.
203. Надточей Ю.И. Международные механизмы регулирования опасной военной деятельности и предотвращения инцидентов в Евро-Атлантическом регионе// Право и управление. XXI век. 2017. № 4 (45). С. 78-85.
204. Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов //Россия и мусульманский мир. 2006. №. 7. С. 182-215.
205. Новикова Г. В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века // Полис. 2000. № 1.
206. Новосельский А.В. Отражение правовой оценки гибридной войны против Сирии в научных публикациях// Вопросы безопасности. 2019. № 3. С. 10-18.

207. Ознобищев С.К. "Новая холодная война": воспоминания о будущем// Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 60-73.
208. Олех А.К. Террористические акты в Российской Федерации// International Journal of Anti-terrorism Studies. 2019. № 4 (1). С. 25-37.
209. Онищенко, Г. Г., Топорков, А. В., Липницкий, А. В., & Викторов, Д. В. (2016). Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе. *Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение*, (1 (14)), 24-31.
210. Павлова А.П. Анализ реакции ведущих акторов мировой политики на события в странах "Арабской весны"// Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 7 (59). С. 2313-2319.
211. Панарин И.Н. Основы теории "гибридной войны"// Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58-71.
212. Паненков А.А. Координация в сфере надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе как условие укрепления безопасности России// Военно-юридический журнал. 2014. № 9. С. 7-11.
213. Панченко П.Н. Международное военно-уголовное право как фактор противодействия международному терроризму// Право и государство: теория и практика. 2018. № 4 (160). С. 108-113.
214. Петров А.В. Построение системы антитеррористической безопасности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17). – С. 98 -107.
215. Петров А. В. Антитеррористическая безопасность: сущность и содержание //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2018. – №. 1. – С. 113-122.
216. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. – 798 с.
217. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., – 1939.

218. Понамарева А.М. Вовлечение молодежи в сетевые структуры "Исламского государства" // В сборнике: Молодежь перед вызовами XXI века. Сборник научных трудов. Сер. "Теория и история социологии" отв. ред. М.А. Ядова. Москва, 2018. С. 19-30.
219. Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008 № 2. С. 41-43.
220. Попов А. П., Киреев М. П., Попов А. А. Исторические источники понимания терроризма // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – №. 1. – С. 89-92.
221. Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 182-196.
222. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Под общей ред. Л.Н.Панковой, Ю.В.Таранухи. М.: Университетская книга. – 2010. – 312с.
223. Пушков А. Россия способна быть балансирующей силой в международных делах // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 3 (106). С. 17-24.
224. Римский А. В., Артюх А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 10. – №. 16 (71). – С. 244–249.
225. Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х томах. Т.3 М.: Наука, 1965. – 378 с.
226. Рождественская Е.Ю. Сирийский вопрос в совете безопасности ООН (позиция Российской Федерации в 2016-2018 годах) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 67-71.
227. Рустамова Л.Р. Усилия Исламской Республики Иран в борьбе с терроризмом в Сирии и перспективы сирийского урегулирования // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 5. DOI: 10.7256/2454-с0668.2019.5.3077

228. Рябков С.А. О внешнеполитических плюсах и минусах 2012 года// Международная жизнь. 2013. № 1. С. 1-13.
229. Садеги Э.М.М. Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 276-289.
230. Саркисян А.Р. Место Кавказа в определении геополитического статуса современной России// Клио. 2016. № 7 (115). С. 189-196.
231. Сафаров Х.С. К вопросу о соотношении законодательных определений понятий «антитеррористическая деятельность», «противодействие терроризму», «контртеррористическая деятельность» и «борьба с терроризмом» // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 4 (20). – С. 89-94.
232. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1991. – 512 с.
233. Селезнев И. А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. №. 4. С. 143–152.
234. Симанович Л.Н. Оптимизация военной политики Российской Федерации в целях обеспечения энергетической безопасности государства// Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 4 (51). С. 12-18.
235. Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятия// Вестник СПб. университета МВД России, 2009. № 1. С.54 – 59.
236. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие: / Дибиров, А.-Н. З. и др.; Федеральное агентство по образованию, Дагестанский гос. ун-т, Дагестанский ин-т экономики и политики, Дагестанское отд-ние Российской ассоц. политической науки. – Махачкала: Лотос, 2009. – 638 с.
237. Степанова Е.А. Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте "ответственности по защите")// Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 129-181.

238. Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. Москва, 2020. – 198 с.
239. Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология //Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №. 7. – С. 23-32.
240. Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе// Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 213-237.
241. Стиглиц Дж.Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Джозеф Стиглиц; [пер. с англ. В. Лопатка]. – Москва: Эксмо, 2011. – 509 с.
242. Строков С. А., Шеншин В. М. Особенности правового режима контртеррористической операции //Право в Вооруженных силах. – 2018. – №. 1. – С. 109-117;
243. Стулов С.В., Самойлов Л.А. Анализ законности проведения операции по укреплению военно-экономической безопасности ОДКБ на территории Сирийской арабской республики в соответствии с нормами международного права// Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 6. С. 154-162.
244. Сулакшин С.С., Кравченко Л.И. Военная операция России в Сирии. Хронологическая аналитика// Центр научной политической мысли и идеологии. Москва, 2017.
245. Сурма И.В., Шангараев Р.Н. Религиозно-политический терроризм и его социально-исторические корни // Обозреватель – Observer. – 2017. – №7 (330). – С. 48–59.
246. Сюкияйнен Л. Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 24–43.

247. Сюкияйнен Л.Р. Экстремизм и терроризм: оценка исламской правовой мысли // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 192 – 216.
248. Темирханова А.Е. Взаимодействие стран центральной Азии и России в борьбе с международным терроризмом// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31). С. 112-117.
249. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Нация, 2001. – 552 с.
250. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского Университета, 2011. – 376 с.
251. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
252. Токбаев А.А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 61-63.
253. Туронок С. Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия //Общественные науки и современность. – 2011. – №. 4. – С. 131-140.
254. Тымчик В.И., Булгакова О.А. Современная модель международных отношений в контексте международного права и событий в Сирии// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (26). С. 52-57.
255. Уранян А.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 43-51.
256. Фархутдинов И.З. Иранская доктрина о превентивной самообороне и международное право// Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 15-26.
257. Федорченко А.В., Крылов А.В. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России// Ежегодник Института международных исследований Московского

- государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. № 1 (3). С. 171-202.
258. Флавий М. Иудейская война/ Иосиф Флавий. Минск: Современный литератор, 2004. – 704 с.
259. Фридинский С. Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма // Уголовное право. – 2008. – №. 3. – С. 120-123.
260. Ходынская-Голенищева М.С. Работа совета безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений// Вестник МГИМО Университета. 2017. № 6 (57). С. 161-173.
261. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений// Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва – 2018.
262. Хопёрская Л.Л. "Исламское государство 2.0": нарастающая угроза на евразийском пространстве// Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1. С. 49-62.
263. Хопёрская Л.Л. Новая тактика "Исламского государства" на евразийском пространстве// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 9 (37). С. 620-634.
264. Хоссейнзадех Вахид. Российско-иранские отношения в рамках урегулирования сирийского кризиса // Власть, №7, 2017, С.187-190.
265. Хохлов И.И. 2015. О некоторых подходах к объяснению феномена терроризма // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 19-28.
266. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Современные инфраструктурно-интеграционные инициативы развития торговых путей и интересы России// Сегодня и завтра Российской экономики. 2017. № 83-84. С. 5-34.
267. Цуркан А. Режим прекращения боевых действий в Сирии: успехи и перспективы российско-американского сотрудничества// Россия и мусульманский мир. 2017. № 8 (302). С. 41-58.

268. Цыганок А.Д. Позиции России на Кавказе, в Сирии и Иране// Стратегическая стабильность. 2013. № 4 (65). С. 60-68.
269. Черных А.А. Россия и проблема химического оружия в сирийском конфликте (2013 г.)// Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (36). С. 246-254.
270. Чернядьева Н. А. Понятие «международный терроризм» в международных соглашениях ООН // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 198–202.
271. Чернядьева Н. А. Роль Резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. №. 2 (28). С. 176–184.
272. Чернядьева Н. А. Тираноборчество как обоснование политического насилия: к вопросу об исторических корнях терроризма //История государства и права. – 2015. – №. 24. – С. 11-15.
273. Чикризова О.С., Давлетшина Э.А., Курочкина В.А. Помощь КНР и РФ Сирии в целях развития в контексте проблем региональной безопасности (2011-2019 ГГ.)// Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 85-102.
274. Шевырев Д. Н. Биологический терроризм: проблемы категорий //Медицинское право. – 2020. – №. 4. – С. 24-29.
275. Шестаков В. Террор-мировая война. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003.
276. Шестаков Д.А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.
277. Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке// США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 1 (565). С. 32-53.
278. Эдвардс Л.П. Естественная история революции / Пер. с англ. О.С. Грязновой; Под ред. Н.Я. Мазлумяновой // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 101-131.

279. Энгельс Ф. Письмо К.Маркса от 4.09.1870 г. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание сочинений. Т.33. М. – Издательство политической литературы – 1964. – 789 с.
280. Юрк А.В. Сирийский фактор в отношениях Турции и НАТО: досадная помеха или начало конца блоковой солидарности?// Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 20-26.
281. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. 228 с.
282. Якимова Е.А. Проблемы и перспективы укрепления национальной безопасности Российской Федерации в процессе расширения ЕАЭС// В сборнике: Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Сборник материалов круглого стола. Москва, 2020. С. 596-609.
283. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политическая литература, 1991. – 530 с.
284. Abadie A. Poverty, political freedom, and the roots of terrorism //American Economic Review. – 2006. – Т. 96. – №. 2. – С. 50-56.
285. Achilov D., Sen S. Got political Islam? Are politically moderate Muslims really different from radicals? //International Political Science Review. – 2017. – Т. 38. – №. 5. – С. 608-624.
286. Ajide K. B., Alimi O. Y. Does Disparity in Income and Consumption Ever Incite Terrorism in Africa? //World Affairs. – 2021. – Т. 184. – №. 3. – С. 339-380.
287. Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions// Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4 (14). С. 247-256.
288. Allison G. Nuclear terrorism: The ultimate preventable catastrophe. – Macmillan, 2004.
289. Badey T. J. Defining international terrorism: A pragmatic approach //Terrorism and Political Violence. – 1998. – Т. 10. – №. 1. – С. 90-107

290. Bandyopadhyay S., Ijaz A. Is there a relationship between inequality and terrorism? Evidence from a semi-parametric approach // *Applied Economics Letters*. – 2022. – T. 29. – №. 9. – С. 855-860.
291. Barbieri E. T., Klausen J. Al Qaeda's London branch: Patterns of domestic and transnational network integration // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2012. – Т. 35. – №. 6. – С. 411-431.
292. Barmin Yu. Russia and Israel: the Middle Eastern vector of relations// Working paper 42/2018 / Russian International Affairs Council. Москва, 2018.
293. Bowyer Bell J. *Transnational Terror*. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1975.
294. Comas J., Shrivastava P., Martin E. C. Terrorism as formal organization, network, and social movement // *Journal of Management Inquiry*. – 2015. – Т. 24. – №. 1. – С. 47-60.
295. Das S. P. *Root, Breeding, and Propagative Causes of Terrorism* // *Economics of Terrorism and Counter-Terrorism Measures: History, Theory, and Evidence*. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – С. 549-581.
296. Davies J. 1962. *Toward a Theory of Revolution* // *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.
297. Enders W., Hoover G. A., Sandler T. The changing nonlinear relationship between income and terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. – 2016. – Т. 60. – №. 2. – С. 195-225.
298. Feddes A. R., Mann L., Doosje B. Increasing self- esteem and empathy to prevent violent radicalization: a longitudinal quantitative evaluation of a resilience training focused on adolescents with a dual identity // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2015. – Т. 45. – №. 7. – С. 400-411.
299. Ferguson Y. H., Mansbach R. W. 2012. *Globalization: the Return of Borders to a Borderless World?* New York: Routledge.
300. Foot R. The United Nations, counter terrorism, and human rights: Institutional adaptation and embedded ideas // *Human Rights Quarterly*. 2007. Vol. 29, No 2. P. 489–514.

301. Frost R. M. Nuclear terrorism after 9/11. – Routledge, 2020.
302. Gammer M. Between Mecca and Moscow: Islam, Politics and Political Islam in Chechnya and Daghestan //Middle Eastern Studies. – 2005. – Vol. 41. – №. 6. – P. 833-848.
303. Gavrilis G. Central Asia's Uncertain Radicalization and the Opportunities for the Russia-U.S. Cooperation// Pathways to Peace and Security. 2017. № 1 (52). C. 251-260.
304. Gendron A. Transnational Organized Crime and Terrorism: Global Networks in Pursuit of Plunder; Global Alliances in Pursuit of Plunderers //Routledge Handbook of Transnational Organized Crime. – Routledge, 2012. – C. 403-417.
305. Gries T., Krieger T., Meierrieks D. Causal linkages between domestic terrorism and economic growth //Defense and Peace Economics. – 2011. – T. 22. – №. 5. – C. 493-508.
306. Gurr T. 1970. Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press.
307. Gurr T. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971 // American Political Science Review. Vol. 68. No. 4. P. 148-504.
308. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press.
309. Holton R. J. 2011. *Globalization and the Nation State*. 2nd ed. Houndmills – New York: Palgrave Macmillan.
310. Iannaccone L. R., Berman E. Religious extremism: The good, the bad, and the deadly //Public choice. – 2006. – T. 128. – №. 1. – C. 109-129.
311. International cooperation in counter-terrorism: the United Nations and regional organizations in the fight against terrorism / Ed. by G. Nesi. New York: Routledge, 2016.
312. Jetter M., Mahmood R., Stadelmann D. Income and Terrorism: Insights from Subnational Data //Journal of Conflict Resolution. – 2021. – C. 00220027231175071

313. Johnston P. B., Shapiro, J. N., Shatz, H. J., Bahney, B., Jung, D. F., Ryan, P. K., & Wallace, J. Foundations of the Islamic State: management, money, and terror in Iraq, 2005-2010. – Rand Corporation, 2016.
314. Karber P.A. Urban terrorism: baseline data and a conceptual framework // Social Science Quarterly, 52, 1971, pp. 528–529.
315. Karlsrud J. Towards UN counter-terrorism operations? // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. №. 6. P. 1215–1231.
316. Keohane J. Public delegation of Terrorism and conflict Politics // World in Collision. Terror and the Future of Global order / K.Booth, T.Dunne (eds). NY, 2002. P.141-152.
317. Khan A., Ruiz Estrada M. A. Globalization and terrorism: an overview //Quality & Quantity. – 2017. – T. 51. – №. 4. – C. 1811-1819.
318. Klein G. R. Ideology isn't everything: transnational terrorism, recruitment incentives, and attack casualties //Terrorism and Political Violence. – 2016. – T. 28. – №. 5. – C. 868-887.
319. Kofman M. A Tale of Two Campaigns: U.S. And Russian Military Operations In Syria// Pathways to Peace and Security. 2017. № 1 (52). C. 163-170.
320. Kortunov A.V., Olikier O. Policy Priorities In U.S.-Russia Relations// Center for Strategic and International Studies RIAC. Москва, 2017.
321. Krieger T., Meierrieks D. 2011. What Causes Terrorism? // Public Choice. Vol. 147. No. 1-2. P. 3-27.
322. Krieger T., Meierrieks D. Income inequality, redistribution and domestic terrorism //World Development. – 2019. – T. 116. – C. 125-136.
323. Kurrild-Klitgaard P., Justesen M. K., Klemmensen R. The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism //Public Choice. – 2006. – T. 128. – C. 289-315.
324. Lai B. “Draining the swamp”: an empirical examination of the production of international terrorism, 1968–1998 //Conflict Management and Peace Science. – 2007. – T. 24. – №. 4. – C. 297-310.

325. Laqueur W., Alexander Y. *The Terrorism reader: a historical anthology*. New York: NAL Penguin, – 1987. – 405 c.
326. Law R. D. *Terrorism: A history*. – John Wiley & Sons, 2016.
327. Levi M. *On Nuclear Terrorism*. – Harvard University Press, 2021.
328. Loesche P. *Terrorismus und Anarchismus*. In M. Funke (ed.), *Extremisten im demokratischen Rechtsstaat*. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 1978, pp. 83–84.
329. Mahmood R. *Is it the Rags or the Riches? The Impact of Income on Domestic Terrorism*. Working Paper # 0086. 2023. Division of Social Science Working Paper Series. New York University Abu Dhabi.
330. Mareš M. *Environmental radicalism and extremism in postcommunist Europe* // *Journal for the Study of Radicalism*. – 2008. – T. 2. – №. 1. – С. 91-107.
331. Marsden S.V., Schmid A.P. *Typologies of Terrorism and Political Violence* // *The Routledge Handbook of Terrorism Research*. Routledge, 2011. P. 158–200.
332. Mayntz R. *Organizational forms of terrorism: hierarchy, network, or a type sui generis?*. MPIfG Discussion Paper 04/4 Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung Köln, 2004.
333. Meierrieks D., Gries T. *Causality Between Terrorism and Economic Growth* // *Journal of Peace Research*. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 91–104
334. Messmer W. B. *The origins of united nations' global counter-terrorism system* // *Historia Actual Online*. 2010. №. 22. P. 173-182.
335. Milton D., Jadoon A., Warner J. *Needs or Symbols? The Logic of United Nations Counterterrorism Treaty Ratification* // *International Studies Quarterly*. 2022. Vol. 66. №. 1. P. sqab076.
336. Minnella C. M. *Counter-terrorism resolutions and listing of terrorists and their organizations by the United Nations* // *International Human Rights and Counter-Terrorism* / Ed. by E. Shor, S. Hoadley. Singapore: Springer, 2019. P. 31–53.
337. Modelski G., Devezas T., Thompson W. R. (Eds). 2008. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. London – New York: Routledge.

338. Moghaddam F. M. How globalization spurs terrorism: The lopsided benefits of "one world" and why that fuels violence. – Praeger Security International, 2008.
339. Moghaddam F. M., Heckenlaible V., Blackman M., Fasano S., Dufour D. J. Globalization and terrorism. The Primacy of Collective Processes. In: The social psychology of good and evil. 2nd ed. / ed. by A.G.Miller. New York, London: The Guilford Press. P. 415–441.
340. Mugabi B. Al-Shabaab Terror Activities: A Threat To Regional International Security// Asia and Africa Today. 2021. № 4. C. 66-71.
341. Onwudiwe I. D. The globalization of terrorism. – Routledge, 2018.
342. Piazza J. A. Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism //Journal of Peace Research. – 2011. – T. 48. – №. 3. – C. 339-353.
343. Piazza J. A. Rooted in poverty?: Terrorism, poor economic development, and social cleavages //Terrorism and political Violence. – 2006. – T. 18. – №. 1. – C. 159-177.
344. Pieterse J. N. 2009. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
345. Posluszna E. Environmental and animal rights extremism, terrorism, and national security. – Butterworth-Heinemann, 2015.
346. Romaniuk P. Institutions as swords and shields: multilateral counter-terrorism since 9/11 //Review of International Studies. – 2010. – T. 36. – №. 3. – C. 591-613.
347. Schmid A.P., Stohl M. and Flemming P. Typologies. In: A.P. Schmid et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. Amsterdam: North-Holland, 1988, pp. 39–59.
348. Schmid A.P. et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick: Transaction Books, 1998. P. 5–6.
349. Selezneva I. G., Sukhova A. S. Problems of Modern Ethnopolitical Extremism //Politics and Society. – 2013. – №. 9. – C. 1072-1078.

350. Shultz R. Conceptualising political terrorism: a typology // *Journal of International Affairs*, 21(1), 1978, pp. 7–15.
351. Stapley L. F. *Globalization and terrorism: Death of a way of life*. – Routledge, 2019.
352. Thornton T.P. Terror as a weapon of political agitation. In H. Eckstein (ed.), *Internal War: Problems and Approaches*. New York: Free Press of Glencoe, 1964, pp. 82–88.
353. Tibi B. *Islamism and Islam*. – Yale University Press, 2012.
354. Tibi B. The Islamist Venture of the Politicization of Islam to an Ideology of Islamism A Critique of the Dominating Narrative in Western Islamic Studies // *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. – 2013. – T. 96. – №. 4. – C. 431-449.
355. Tibi B. The totalitarianism of jihadist Islamism and its challenge to Europe and to Islam // *Totalitarian Movements and Political Religions*. – 2007. – T. 8. – №. 1. – C. 35-54.
356. *Uniting against terror: Cooperative nonmilitary responses to the global terrorist threat* / Ed. by D. Cortright, G.A. Lopez. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
357. Walker E. W. Islam in Chechnya // *Contemporary Caucasus Newsletter*. – 1998. – T. 6. – C. 10-15.
358. Walter E.V. *Terror and Resistance*. London: Oxford University Press, 1969.
359. Wang J., Kong D. Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization // *China Quarterly of International Strategic Studies*. – 2019. – T. 5. – №. 01. – C. 65-79.
360. Waugh Jr W.L. *International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists*. Salisbury, NC: Documentary Publications, 1982.
361. Weisburd D., Savona, E. U., Hasisi, B., & Calderoni, F. (eds). *Understanding recruitment to organized crime and terrorism*. – Berlin : Springer, 2020.
362. Wibisono S., Louis W. R., Jetten J. A multidimensional analysis of religious extremism // *Frontiers in psychology*. – 2019. – T. 10. – C. 2560.
363. Yusoufzai K., Emmerling F. 2017. *How Identity Crisis, Relative Deprivation, Personal Characteristics, and Empathy Contribute to the Engagement of Western*

- Individuals in Islamist Terrorist Behavior. – Journal of Terrorism Research. Vol. 8. No.1. P. 68-80.
364. Zahra N., Bahram A. The Iranian-Russian cooperation in the Middle East geopolitics// Reports Scientific Society. 2018. № 3 (19). С. 30-40
365. Zimmermann E. Globalization and terrorism //European Journal of Political Economy. – 2011. – Т. 27. – С. S152-S161.
366. Zinkina J., Christian D., Grinin L., Ilyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. A big history of globalization: the emergence of a global world system. Cham: Springer, 2019.

Электронные ресурсы

367. Адамский Д. Российское стратегическое и оперативное искусство в Сирии // АЛЕКС-НОВОСТИ. – URL: <https://alex-news.ru/analitika-275/> (дата обращения: 03.03.2021).
368. Аксененок А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки. 27.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojni-k-miru/> (дата доступа 09.08.2023)
369. Бжезинский Зб. План политической борьбы США против терроризма. //Россия сегодня: ИНОСМИ.РУ. – URL: <https://inosmi.ru/untitled/20010925/139421.html> (дата обращения: 15.06.2020).
370. Деятельность ОДКБ оправдывает себя, заявил Путин // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20170412/1492069357.html?in=t> (дата обращения: 25.03.2021).
371. ЕС не принял новые санкции // [News/TIMES] Новости России и мира сегодня. URL: <http://news-times.ru/es-ne-prinyal-novye-sankcii/> (дата обращения: 01.08.2021).
372. Зб.Бжезинский рассказал, как надо спасти Мир и США. // Непокойный XXI век. Информационно-новостной блог. – URL: <http://www.xx-centure.com.ua/archives/42663> (дата обращения: 17.06.2020).

373. Збигнев Бжезинский рассказал, как надо спасать Мир и США // *Неспокойный XXI век.* – URL: <http://www.xx-centure.com.ua/archives/42663> (дата обращения: 25.03.2021).
374. Игнатенко А.А. Осторожно: ваххабизм! Идеи радикального направления в исламе несут угрозу свободе совести // *Религия и право.* 24.02.2009. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=216&ELEMENT_ID=2165 (дата обращения: 15.08.2023).
375. Исследование РБК: 20 главных фактов о Чечне / РБК. 01.02.2016. URL: <https://www.rbc.ru/research/society/01/02/2016/56ae68679a7947d73142182d> (дата доступа 17.08.2023).
376. Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах // *РИА НОВОСТИ.* – URL: <https://ria.ru/20201006/naryshkin-1578477893.html> (дата обращения: 17.03.2021).
377. Путин заявил о возможности массового возвращения беженцев в Сирию // *Российская газета.* URL: <https://rg.ru/2020/11/09/putin-zaiavil-o-vozmozhnosti-massovogo-vozvrashcheniia-bezhencev-v-siriiu.html> (дата доступа 01.08.2021)
378. Путин заявил о ликвидации очага международного терроризма в Сирии // *ВЕДОМОСТИ.* – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/11/09/846240-putin-zayavil-likvidatsii-ochaga> (дата обращения: 15.03.2021).
379. Путин призвал спецслужбы СНГ к укреплению связей на фоне угроз терроризма // *ТАСС.* – URL: <https://tass.ru/politika/4823739> (дата обращения: 17.03.2021).
380. Российские военные в Сирии решили пять главных задач // *ВЗГЛЯД.* Деловая газета. – URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/politics/2020/9/30/1062828.html> (дата обращения: 16.03.2021).
381. Россия за пять лет доставила более 4,5 тыс. т гумпомощи в Сирию // *Известия.* URL: <https://iz.ru/1088630/2020-11-18/rossiia-za-piat-let-dostavila-bolee-45-tys-tonn-gumpomoshchi-v-siriiu> (дата доступа 01.08.2021)

382. Сирийская Арабская Республика // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/sy/?currentpage=main-country> (дата доступа 01.08.2021)
383. Справочный материал по ШОС // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4025930 (дата обращения: 15.05.2021).
384. Эксперт о борьбе НАТО с терроризмом: это как забивать гвозди микроскопом // РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20170524/1495006488.html> (дата обращения: 26.03.2021).
385. Global Terrorism Index 2023 Briefing. Institute for Economics & Peace. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-Briefing-web-170423.pdf> (accessed 13.08.2023).
386. START. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed 20.03.2023).